

[Polaris]

Герберт
АСБЕРИ

ДЬЯВОЛ
ФЕЙ-ЛИНЯ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XV

Salamandra P.V.V.

**Герберт
Асбери**

ДЬЯВОЛ ФЕЙ-ЛИНЯ

Перевод с английского
Е. Лаврецкой

Salamandra P.V.V.

Асбери Г.

Дьявол Фей-Линя. Пер. с англ. Е. Лаврецкой. Ред. и биогр. справка А. Шермана. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 164 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XV).

Когда в больницу поступила загадочная женщина со странными ранами на руках и ногах, доктор Смит – хирург и знаток темных наук – и его друг, инспектор полиции Конрой, еще на подозревали, что вскоре им предстоит столкнуться со Злом...

Реки крови, гигантские жабы, таинственные убийства в запертых комнатах и воскресающие мертвецы – в фантастическо-окультурном детективе Герберта Асбери, автора знаменитой книги «Банды Нью-Йорка», экранизированной Мартином Скорсезе.

© Е. Lavretsky, перевод, 2013

© Salamandra P.V.V., оформление, биогр. справка, 2013

THE DEVIL OF PE-LING

HERBERT ASBURY

ДЬЯВОЛ ФЕЙ-ЛИНЯ

Глава первая

ЗНАК ГОСПОДА

Я попросил инспектора Конроя посетить больницу и осмотреть таинственную незнакомку, так как случай ее был самым удивительным из всех, с какими мне доводилось сталкиваться; с первого же взгляда на нее я рассудил, что за ее заурядными, как могло показаться, телесными повреждениями скрывается ряд поразительных событий. Я также счел, что работа детективов из полицейского участка оставляет желать более тщательного расследования, и что необходимо приложить все усилия к тому, чтобы узнать имя пострадавшей и обстоятельства постигших ее несчастий. Детективы, с их бессознательным рационализмом, неспособным воспринять видимые следствия без равно видимой причины, высказали мнение, что в деле не было никаких загадок; в полицейском формуляре женщина была записана жертвой дорожной аварии: автомобиль сбил ее у самой больницы, и она едва нашла в себе силы доползти до дверей и слабым голосом позвать на помощь. Когда мы осмотрели ее и сообщили детективам, что раны поверхностны и смертного исхода не последует, их прохладное отношение к делу сменилось полнейшим равнодушием.

Но я пришел к выводу, что состояние пациентки не было вызвано аварией. У меня зародились подозрения относительно истинного характера ее ран, однако я ни с кем не делился ими, прежде чем не собрал достовернейшие сведения: все указывало, что подобные вещи случались и прежде и что мое объяснение их вероятного значения и смысла не было чересчур невероятным и фантастическим. Тогда я послал за инспектором Конроем. Я уведомил его лишь о том, что в больнице имеется пациентка, которая, по мнению детективов, была сбита автомобилем, и что некоторые любопытные и странные обстоятельства показали мне достой-

ными дальнейшего расследования. Он явился не мешкая и не задавая излишних вопросов; я мог не сомневаться, что так он и поступит – ведь нас соединяла давняя дружба, и инспектор был благодарен мне за помощь во многих делах патологического или психологического свойства.

Я встретил его у дверей больницы, и мы вместе прошли длинным коридором первого этажа к небольшой отдельной комнатке в самом конце, где я разместил женщину, желая оградить ее от суеты общих палат. Стоило нам переступить порог, как дежурная сестра подошла к нам и сказала, что в состоянии больной не произошло никаких изменений.

– Все как и раньше, – сказала сестра. – Пульс нормальный, температура тоже, но она по-прежнему отказывается от еды и ничего не говорит.

Точный возраст женщины был мне неизвестен, но я полагал, что ей немного за сорок, быть может, около сорока пяти. Она была бледна и худа, почти истощена; лоб и руки, неподвижно лежавшие на одеяле, были забинтованы. Я услышал, как Конрой, подойдя поближе и взглянув на ее лицо, издал удивленный возглас. Я этого ожидал – ведь я и сам, впервые взглянув на нее, чуть не ахнул, несмотря на профессиональную бесстрастность и привычку сдерживать свои чувства. Никогда в жизни не видел я лица, отражавшего такую муку и страх и такую бесконечную, безнадежную усталость.

– Как она страдала, должно быть! – воскликнул Конрой.

– Никогда ничего подобного не видел, – отозвался я. – Томми, если мои подозрения справедливы, в истории мира встречалась лишь горстка таких людей.

– Как это?

– Погоди-ка, – сказал я. – Сперва я покажу тебе, а после расскажу, что я об этом думаю.

Я наклонился, осторожно размотал бинты, скрывавшие руки женщины, и отступил в сторону. Теперь Конрой мог видеть симметричные раны в центре каждой ладони. Он с любопытством осмотрел их, но выглядел немного озадаченным.

– Царапины, – заключил он. – Раны, без сомнения, но поверхностные, не так ли? И никак не опасные?

– Нет, – ответил я, – они не опасны, и сами по себе действительно поверхностны. Но приходилось ли тебе видеть что-либо похожее?

Он покачал головой.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Раны ничего тебе не напоминают? – настойчиво спросил я. – На что они похожи?

Он снова посмотрел на руки женщины; на лице его отразилось понимание, и он удивленно вздохнул.

– Господи, Джерри! – воскликнул он. – Гвозди! Они похожи на следы от гвоздей!

– Вот именно, – сказал я. – Заметь, что раны на ладонях соответствуют по форме шляпкам гвоздей, тогда как на тыльной стороне, – я перевернул руки женщины ладонями вниз, – кожу будто проткнули длинные острия. Обрати внимание, как они загибаются и впиваются в плоть.

– Будто кончики гвоздей, – сказал Конрой. – Совсем как загнутые гвозди.

– Да, – сказал я. – И на ногах имеются такие же раны.

– Похожие на следы от гвоздей?

– Совершенно верно. Выглядит так, словно кто-то пронзил ее ноги гвоздями и затем загнул гвозди.

– Но что все это значит? – требовательно осведомился Конрой. – Откуда у нее на руках и ногах могли появиться подобные раны?

Вместо ответа я освободил лоб женщины от повязки. На лбу также виднелись раны, которые начинались прямо под линией волос и охватывали всю голову. Но раны на лбу не имели никакого сходства с непонятными следами на руках и ногах: они казались обычными порезами или царапинами. Я указал на них.

– Чем можно нанести такие раны? – спросил я у Конроя.

Конрой ошеломленно покачал головой.

– Похоже на обычные царапины, – начал он, – но что-то с ними не так... нет, это не царапины!

– Скажем, отметины, оставленные колючками?

– Колючки! – воскликнул Конрой. – О чем ты?

– Терновый венец, плотно прижатый к коже и закрепленный повязкой вокруг черепа.

– Но при чем здесь тернии? – вскричал Конрой. – Был лишь один человек с терновым венцом на челе! Что ты хочешь сказать? Что это?

– Никто не знает, – ответил я. – Мы столкнулись с чем-то, что человек не в силах понять. Нам остается только гадать и строить предположения. Однако мне кажется...

– Но кто она, эта женщина? – прервал Конрой. – Откуда она взялась? Каким образом пострадала? Разве детективное бюро не расследует дело?

– Детективы из участка – люди практичные и верят только в то, что видят собственными глазами, – сказал я. – А видят они женщину с порезами на руках, ногах и на лбу и потому приходят к логическому умозаключению, что ее сбил автомобиль. Эта теория и легла в основу их расследования. Понятно, они так ничего и не узнали. Врач-интерн, принимавший ее, описал раны пациентки как царапины и следы ушибов. В своем духе, он был прав. С хирургической точки зрения, совершенная чепуха.

– Но с чего бы ранам напоминать следы от гвоздей?

Я снова забинтовал руки и лоб женщины и помог ей устроиться поудобнее. Она равнодушно глядела на меня, выражение лица не изменилось, глаза горели прежним жутким блеском. Время от времени она еле слышно стонала, словно испытывала мучительную, невыносимую боль. Я повернулся к Конрою.

– Нам ничего не известно об этой женщине, – сказал я. – Мы не знаем ее имени, не знаем, откуда она и кто нанес ей эти раны. Ее нашли в полночь, недели две назад – стояла на коленях, на ступеньках больницы, с залитым кровью лицом, и кровь струилась из ран на руках и ногах. Интерн, который оказал ей первую помощь, рассказал мне, что количество крови никак не соответствовало серьезности ран. Крови было так много, что он стал даже опасаться, не страдает ли пациентка гемофилией, однако осмотр других частей тела показал, что это не так.

Ее внесли в здание и положили на койку; на следующее утро меня попросили осмотреть ее во время обычного обхода. Насколько мне удалось установить, она была полностью здорова, за исключением ран, которые показались мне поверхностными и должны были вскоре зажить. Но никакое лечение, предпринятое нами, не помогало – а мы, не сомневаясь, испробовали все, что знаем. Раны оставались все такими же: состояние их не ухудшалось, но и не улучшалось. Даже физические характеристики повреждений оставались прежними.

С тех пор, как женщина попала в больницу, она не произнесла ни слова; не издала ни звука, помимо тихих стонов, что ты слышал. Не прикасалась к пище. Все ее пропитание составили два или три стакана молока, которые нам удалось силой влить ей в горло. Но ее пульс и температура остаются нормальными, и долгий пост, похоже, ничуть ей не повредил. Да и в весе она не теряла: сегодня утром она весила столько же, сколько в ночь, когда ее обнаружили у больницы.

– Почему бы не накормить ее насильно? – спросил Конрой. – Мне казалось, вы всегда так делаете, когда больные отказываются от еды.

– Рано или поздно нам придется это сделать, но мне не хотелось бы так поступать, пока недостаток пищи не причиняет ей очевидного вреда. Правда, если мои подозрения верны, еда ей не поможет. Поправиться она не в состоянии.

– Почему же? – спросил инспектор. – Ничего не понимаю.

– Никто не понимает.

– Знаешь ли ты, как появились эти раны? Что они собой представляют? Что означают?

– Я знаю, что это такое, – ответил я. – По крайней мере, мне так кажется. Но чем они вызваны, не знает никто. Это явления духовные и сверхъестественные. Томми, я считаю, что раны на руках и ногах и на лбу этой женщины – то, что католическая церковь называет стигматами.

Конрой покачал головой.

– Слово-то я слышал, – заметил он, – но оно мало что для меня значит. Я не слишком религиозен.

– Да и я тоже, – ответил я. – Тем не менее, как тебе известно, кроме медицины и хирургии я интересуюсь главным образом религией и магией. В целом я был осведомлен о существовании феномена стигмат, и с тех пор, как эта женщина находится здесь, я довольно-таки досконально изучил вопрос. Существует огромная литература по данному предмету. Стигматы – не что иное, как знаки страстей Христовых; они появляются на руках, ногах и на лбу, порой на ребрах и, соответственно, сопровождаются нестерпимыми муками. Благочестивые люди верят, что истинные стигматики испытывают всю меру крестных страданий Иисуса. Этот феномен всегда бывает связан с глубоким религиозным пылом и экзальтацией. Римско-католическая церковь воспринимает его как чудо.

– Но разве это не легенда, не миф, как и многие наши религиозные верования? – недоверчиво спросил Конрой. – Разве такое происходит на самом деле?

– Случалось, – ответил я. – В истории бывали стигматики, хотя и не в последнее время, насколько мне известно. Тем не менее, Эннемозер, Пассеван, Шуберт и многие другие видные немецкие и французские физиологи и психологи внимательнейшим образом исследовали вопрос и заключили, что стигматы, безусловно, появлялись у святых; мало того, и в сравнительно новые времена имели место сообщения о стигматиках. С исторической точки зрения, существование стигмат вполне подтверждено и даже не ставится под сомнение, хотя рационалисты настаивают, что речь идет об истерии, психической суггестии, ранах, которые человек наносит себе сам и прочих естественных причинах. Но многое не поддается объяснению, и мне кажется, что раны этой женщины относятся к последней категории. Не думаю, что она сама смогла бы нанести себе такие раны.

– В этом случае, – заговорил Конрой, – раны указывают на вмешательство некоей сверхъестественной силы?

– По всей видимости, если верить писаниям ранних отцов церкви и ее учению. Большинство известных нам стигматиков были причислены к лику святых; известно также, что они обладали невероятными способностями к исцелению болезней. Часто считалось, что они могли преуменьшать грехи и очищать других и себя от скверны. Иначе говоря, у них неимоверно был развит дар покаяния и сострадания.

– Такие люди, бесспорно, встречаются не часто, – пробормотал Конрой. – Никогда раньше о них не слыхал.

– Церковь их не афиширует, – ответил я. – Если предположить, что и сегодня встречаются случаи стигматиков, мы вряд ли о них услышим. Они появлялись в древнейшие эпохи христианства. Надо полагать, что подобный недуг порождал и экстатически настроенных представителей более ранних религий, заложивших фундамент христианской веры. Легенды о божественных ранах обнаруживаются в религиозной литературе ацтеков и древних египтян. Святой Павел заявил в Деяниях апостолов, что несет в боку язву Иисусову. Первые исторические свидетельства о стигматиках, однако, появляются только с тринадцатого века. В 1895 году доктор Имбер-Горбейр написал о них монографию и попытался их исчислить. Он приводит 321 имя, начиная со святого Франциска Ассизского. Еще одним известным стигматиком была Екатерина Сиенская. Согласно этим рассказам, раны, появившиеся на руках, ногах и на лбу святого Франциска, в целом напоминали раны на теле нашей пациентки. Такие раны редко встречаются у прочих религиозных экстатиков, обретших стигматы.

– Неужели? – спросил инспектор.

– Обычно на ранах не так заметны следы от шляпки гвоздя или длинного кривого кончика на тыльной стороне ладони, там, где загнутое острие впилося в плоть. Подобные раны появились на теле знаменитой Анны Катерины Эммерих, немки, которая постриглась в монахини, обрела стигматы в начале девятнадцатого века и немедленно стала сосудом удивительных видений и откровений. Говорят, она наделена была силой изгонять бесов и, будучи темной и необразованной, способна была прочитать на латинском

языке полный ритуал экзорцизма, все еще применяемый римско-католическими священниками для изгнания демонов. Она умерла в 1824 году.

– А в недавние годы?

– Последнее историческое свидетельство касается Луизы Лато, бельгийки, обретшей стигматы в апреле 1868 года и скончавшейся в 1883 году. В некоторых случаях раны издавали запах фиалок, в других – сочились зловонными выделениями. Опять-таки, о ранах некоторых стигматиков становилось известно только после их смерти, когда раны эти обнаруживались на сердце. До этого они внешне никак не проявлялись.

– Впоследствии раны исчезали? – спросил Конрой.

– Вероятно. Когда выкопали тело святой Маргариты Венгерской, а произошло это спустя долгое время после похорон, раны казались свежими и были ясно различимы, хотя остальные части тела разложились. Доктор Имбер-Горбейр говорит в своей книге, что жизнь стигматика – череда непрестанных страданий, вызванных божественным недугом, излечить который может только смерть.

– Просто поразительно, – сказал инспектор, – каково бы ни было объяснение.

– Я склонен воспринимать стигматы как свидетельство действия сверхъестественных сил, – сказал я. – Силы эти могут быть или не быть божественными. Но у них обязана быть какая-то причина; стигматы не кажутся следствием земных воздействий, разумеется, исключая те случаи, когда человек сам наносит себе раны. На заре христианства ревнители веры нередко увечили себя, ошибочно считая, что тем они выражают любовь к Господу, тогда как во времена преследований христиан лбы им, бывало, клеймили знаком Креста. Церковь утверждает, что стигматы имеют божественное происхождение и суть болезнь, состоящая в жалости к страданиям Иисуса и печали о тяжких грехах мира сего. Она возникает из непреодолимого, всепоглощающего желания очистить мир от вечно прорастающей в нем скверны.

Хороший пример подобных стигмат – случай Марселины Поппер из Общины сестер милосердия, проживавшей в одном французском монастыре. В начале восемнадцатого века в монастырь вторглась банда чернокнижников: в часовне они разбили дарохранительницу, растоптали и оплевывали гостию и похитили большое число их для непристойных церемоний шабаша. Марселина Поппер чувствовала, что небеса призвали ее пожертвовать собою во искупление святотатства, свершенного сатанистами, и после долгих месяцев страданий и покаяния обрела стигматы. Рационалисты считают, конечно, что Марселина Поппер сама изранила себя или нанесла себе раны при помощи самогипноза, что в сущности одно и то же. Они отрицают элемент сверхъестественного или божественного и ищут материалистические причины и объяснения того, что кажется им сутобо материальными явлениями. Но они далеко не всегда их находят.

Я умолк, когда женщина, недвижно лежащая на постели позади нас, застонала, и подошел к ней, намереваясь оказать ей посильную помощь. Быть может, то было наваждение – но, взглянув ей в глаза, я заметил, что муки и ужас словно отступились от нее; губы ее жалобно кривились, как будто она пыталась что-то произнести. Но она не издала ни звука и мгновение спустя глаза ее вновь подернулись пеленой страдания, как если бы тяжелый занавес вдруг опустился перед распахнутым окном.

Глава вторая

БАГРОВАЯ ВЕРЕВКА

Инспектор Конрой привел колеса департамента полиции в движение тотчас по уходе из больницы, но дал о себе знать лишь два дня спустя, когда около девяти вечера я вернулся к себе домой в Грамерси-Парк. Инспектор меня уже дожидался. Было понятно, что пришел он не с визитом вежливости: Конрой выглядел нервным и рассеянным. Пока я подавал напитки и сигареты, он буквально трясся от сильного возбуждения, которое ему с трудом удавалось подавить. Мы содвинули высокие стаканы, и я попросил его объясниться, надеясь, что ему удалось разузнать что-либо важное о моей таинственной пациентке.

– Нет, – отвечал он, – я ничего о ней не узнал. У меня и времени не было ни на какие расследования! Джерри, я в полной растерянности.

– Что случилось?

– Читал ли ты сегодняшние утренние газеты?

– Просмотрел заголовки, – сказал я. – Мне предстояла серьезная операция, и я торопился в больницу.

– Ты успел прочитать об убийстве судьи Маллинса?

– Да, я заметил сообщение. Так вот что тебя тревожит?

– Ты прав, – ответил Конрой.

В его голосе слышались нотки безнадежности и отчаяния; он долго сидел неподвижно, барабанив пальцами по подлокотнику кресла и погружившись в свои мысли. Внезапно он воскликнул:

– Джерри, я никогда еще не слышал о таком странном деле! Ничего не понимаю! Совершенно ничего не понимаю!

– Это же простое убийство, разве нет?

– Простое! – вскричал Конрой.

– Конечно, я ничего не знаю о деле...

– Простое! – снова воскликнул Конрой. – Джерри, это самое таинственное дело в моей практике! Похоже, на сей раз я столкнулся с чем-то настолько могучим и ужасным, что все мои старания кажутся ничтожными и банальными! Как я могу предотвратить убийство, если убийца способен пролезть в щель под дверью или проскользнуть, как ветер, в каминный дымоход? Как прикажешь ловить убийцу, который убивает и исчезает, не оставляя никаких следов, помимо тела жертвы, причем совершает убийство в кошмарной обстановке, сотворенной им самим?

Томми Конрой всегда был самым уравновешенным и спокойным человеком среди моих друзей и знакомых. Тайны были, как говорится, его коньком – и его нервическое и напряженное состояние яснее всяких слов показывало, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Пожалуй, я почитаю газеты, – наконец выдавил я, пытаясь хоть как-то успокоить его.

– Не имеет смысла, – сказал Конрой. – Я не рассказывал репортерам о том, что произошло на самом деле. Они бы мне не поверили. Решили бы, что я спятил.

Я смешал ему новую порцию, так как он явно в ней нуждался. Крепкий напиток, видимо, помог ему прийти в себя – через некоторое время пальцы инспектора прекратили выбивать нервную дробь, краска волнения сползла с лица и он снова стал самим собой.

– Ты должен мне помочь, – сказал он. – Понадобятся все наши силы и даже больше, чтобы разгадать загадку этого убийства и, возможно, предотвратить другие.

– Расскажи мне все по порядку, – предложил я.

Конрой закурил сигарету и откинулся в кресле.

– Ты наверняка помнишь судью Маллинса, – начал он. – Думаю, он председательствовал на большем числе процессов по убийствам, чем любой другой федеральный судья на востоке страны. В суды попадает не так много подобных дел, и те, что доходили до суда, обычно рассматривал Маллинс.

Когда вчера вечером меня вызвали в главное управление и сообщили, что Маллинс убит, я первым делом поду-

мал, что здесь не обошлось без какого-нибудь преступника, которому Маллинс вынес в свое время суровый приговор. В расследовании таких дел мы исходим именно из этого предположения. Но тогда я еще не слышал рассказ человека, обнаружившего тело; эти подробности не дают мне покоя, и я до сих пор не знаю, что и думать, пусть целый день и старался каким-то образом продвинуться в расследовании. Начну, однако, с самого начала.

Судья Маллинс всегда возвращался домой в половине восьмого, проведя часа два или около того в своем клубе. Обедал он в восемь, а затем, как правило, читал или работал в кабинете ровно до половины первого ночи. В полночь или чуть позже дворецкий непременно приносил ему молоко и тост; поужинав, Маллинс отправлялся на покой. Привычкам своим он не изменял годами.

Минувшей ночью дворецкий минут на пять замешкался в кухне, и эти пять минут, видимо, стоили жизни судье Маллинсу. И все-таки я сомневаюсь, сказать по правде, что дворецкий сумел бы предотвратить убийство. Сомневаюсь и в том, что кто-нибудь другой смог бы помешать убийце.

Дворецкий, по его словам, постучал в дверь, но не услышал ответа. Решив, что судья, должно быть, задремал, он вошел в комнату.

В следующее мгновение до прочих слуг донесся душераздирающий вопль. Они бросились вверх. На пороге лежал дворецкий, уронивший поднос с молоком и тостом. Он был без сознания. Самые смелые из слуг отнесли его в прихожую и поспешили в библиотеку.

Они нашли судью Маллинса на полу у стола. Судья был мертв.

– Задушен, не так ли? – перебил его я. – Ведь об этом кричали все заголовки?

Инспектор Конрой покачал головой.

– Так я представил дело репортерам, – сказал он, – но это не совсем верно. Джерри, он был повешен! Повешен, точно провалился в люк под виселицей! И шея сломана!

У кого-то из слуг хватило сообразительности велеть всем выйти из комнаты и оставить ее в неприкосновенности до

прибытия полиции. Я находился в департаменте, когда мы получили известие об убийстве, и поскольку мы с судьей Маллинсом были друзьями, а в мои обязанности входит расследование убийств именитых граждан, я сразу же направился к месту преступления.

Я приказал детективам ничего не трогать до моего прибытия и первым осмотрел тело. Маллинс лежал ничком. Перевернув тело, я в ужасе отшатнулся. Никогда в жизни я не видел выражения испуга и страха, подобного тому, что застыло в глазах мертвеца! Его лицо искажала жуткая гримаса, как бывает с теми, кто увидел сцены неизбывного ужаса.

После я начал осматривать комнату.

Как я уже говорил, судья Маллинс, очевидно, был повешен, но веревку не нашли ни в комнате, ни в остальных помещениях дома.

– Убийца мог воспользоваться шнуром от портьер, – предположил я, – или оконным шнуром.

– Портьер в комнате не было, – сказал Конрой, – тогда как оконный шнур оставался на месте. Кстати говоря, шнуры эти не выдержали бы веса тела.

– Окна были закрыты на защелки, – продолжал Конрой, – так как ночь выдалась холодная; к тому же, судья Маллинс любил читать или работать в полной тишине и уединении. Вещи в комнате нетронуты, только стул судьи перевернут. Тот, кто убил его, должен был войти через дверь, однако выяснилось, что это едва ли возможно: весь вечер рядом находились слуги.

– И никаких отпечатков пальцев? – спросил я. – Никаких признаков борьбы?

– Совершенно ничего, – ответил инспектор. – Осмотр с помощью самой сильной лупы, все известные нам лабораторные исследования показали наличие только одного набора отпечатков – принадлежащего самому судье Маллинсу. Вдобавок он был еще не стар, крепко сложен и силен. Невероятно, что кто-то смог убить его подобным образом, причем судья не сопротивлялся, даже не вскрикнул – но все указывает именно на это.

За исключением перевернутого стула, все вещи в комнате, как я уже сказал, оставались нетронуты, а слуги в один голос сказали, что не слышали никаких подозрительных звуков. Мало того, ничто не указывало, что в комнату, помимо Маллинса, входил кто-то еще. Однако кто-то там побывал, кто-то же совершил убийство!

Я немедленно объявил в розыск всех, кто имел малейшие основания затаить злобу на судью. Вскоре начали поступать донесения; сейчас нам известно, где был в момент убийства каждый из подозреваемых, и мы знаем, что ни один из них не мог совершить это преступление.

– Но дворецкий? – спросил я.

– Я допросил его, – сказал Конрой. – Как только он пришел в себя, я распорядился, чтобы его привели. Зауряднейший трус. Редко попадался мне человек в таком паническом состоянии. Он не желал входить в библиотеку. Пал на колени и слезно молил меня отвести его в другую комнату.

«Эта змея!» – вскричал он. – «Я видел ее! Вся красная и покрытая кровью!»

Наконец мне удалось его успокоить, и он смог рассказать мне о случившемся.

Конрой замолчал и вновь принялся нетерпеливо и нервно барабанить пальцами по подлокотнику. Некоторое время он хранил молчание, которое было прервано мерным завывающим ритмом похоронного марша: в квартире наверху завели фонограф. Звуки были еле слышны, но музыка показалась нам потусторонней и невыразимо печальной; она растрогала даже меня, привычного к зрелищу смерти. Конрой беспокойно зашевелился.

– Проклятая панихида! – пробормотал он. – Не могли выбрать другую мелодию?

Звуки музыки постепенно сменились тишиной, и Конрой с некоторым усилием воли вернулся к действительности.

– Музыка произвела на меня ужасное впечатление, Джерри, – признался он. – На чем я остановился?

– Ты как раз начал рассказывать, что сообщил тебе дворецкий.

– Ах да... Что ж, в конце концов мне удалось заставить его войти в комнату. Вел он себя точно виновник убийства и, естественно, я начал его подозревать. Но не успел он начать свой рассказ, как я понял, что он ни в чем не виноват; ничто не связывало его с убийством.

Он рассказал, что приготовил тост и молоко для судьи, как делал почти каждую ночь на протяжении последних десяти лет, и постучался в дверь пятью минутами позднее обычного.

Судья Маллинс не ответил; поэтому дворецкий отворил дверь и вошел в комнату. Дверь он не сразу смог открыть, хотя ее ничего не загораживало. Иначе говоря, за дверью ни было никаких тяжелых предметов, но она никак не поддавалась, как будто изнутри в створки дул сильный ветер. Наконец ему удалось распахнуть дверь, но стоило ему очутиться в комнате, как он от испуга потерял сознание.

Итак, вот что он увидел.

В комнате царила полная темнота, не считая очень тусклого, желтоватого свечения, обволакивавшего, как ему показалось, все предметы обстановки. Здесь и там в темноте поблескивали красные пятна; он описал их как сгустки свежей фосфоресцирующей крови. Сгустки эти свисали с потолка, со спинок кресел, кровь стекала со стола на ковер. Он увидел висящее в воздухе тело судьи Маллинса – кровь капала с одежды судьи и разливалась по полу.

Через секунду тело упало на пол. По словам дворецкого, в воздухе, извиваясь и сокращаясь, точно змея, мелькнуло нечто похожее на обрывок веревки длиной в три или четыре фута; сгустки крови стекали по ней и срывались в темноту. А по веревке карабкалась и спускалась, вверх и вниз, гигантская жаба...

– Что-что? – воскликнул я.

– Жаба! – ответил Конрой. – Он сказал, что увидел громадную жабу, всю покрытую грязно-желтыми бородавками, которая карабкалась по веревке. Все это продолжалось лишь мгновение, а затем желтоватое свечение угасло, веревка исчезла и фантастический узор багровых капель начал таять во тьме.

Конрой замолчал, наклонился вперед и положил руку мне на колено.

– Джерри, – произнес он, – ничего подобного при осмотре комнаты я не нашел.

– Но как же кровь? – воскликнул я. – Не хочешь же ты сказать, что не осталось никаких следов? Ты должен был заметить пятна на коврах или на мебели...

Конрой отрицательно покачал головой.

– Ровным счетом ничего, – сказал он. – Нигде никаких пятен. Ничто в комнате не указывало на наличие крови, веревок, жаб и желтоватых огоньков. Никаких признаков того, о чем поведал дворецкий.

– Стало быть, дворецкий сошел с ума! Ничто не может исчезнуть бесследно!

– Мне так не кажется, – возразил Конрой. – Думаю, он в здравом уме и видение его было реальным.

– Что же, возможно.

– Он рассказал еще кое-что, – продолжал инспектор, – и по непонятной причине эта деталь потрясла меня до глубины души. По словам дворецкого, когда он открыл дверь, ему почудился незнакомый запах, не слишком неприятный, но тягостный и навязчивый. Вся комната была пропитана им; запах висел в воздухе, подобно плотной завесе.

– Что это был за запах? – спросил я, так как Конрой снова замолчал.

– Тебе доводилось бывать в старых склепах?

– Да.

– В комнате пахло старым склепом. Дворецкий сравнил этот запах с запахом древней гробницы!

Глава третья

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Рассказ инспектора Конроя показался мне настолько невероятным, что я так и ждал: вот-вот инспектор улыбнется и признается, что пошутил. Но беглый взгляд на его лицо, на горящие лихорадочным блеском глаза убедил меня, что он всецело верит в рассказанное, будь эти события реальностью или фантазией.

Надо добавить, что я дружил с Томми Конроем достаточно давно и хорошо знал: когда он так поглощен сколь угодно непостижимой и таинственной историей, в ней всегда обнаружится зерно достоверности и истины.

– Рассмотрим вопрос резонно, Томми, – сказал я. – Предлагаю на время забыть о кровавом повествовании дворецкого и посмотреть на дело с точки зрения возможности, если не вероятности.

– Я начинаю уже верить, что все на свете возможно, – сказал он.

– Мне и самому это мерещится, – согласился я. – В больничных палатах я видел немало странного... Но оставим больницу. Главным твоим подозреваемым мне все-таки кажется дворецкий.

Но Конрой только покачал головой.

– Он этого не делал, – заявил инспектор. – Он никак не причастен к убийству. Готов ручаться жизнью, что он невиновен!

– Почему ты так считаешь? Люди часто угощают полицию дикими рассказами, чтобы скрыть свои преступления.

– Прежде всего, – сказал Конрой, – у него нет мотива, а в такого рода убийствах всегда присутствует мотив. Это никак не убийство, совершенное случайно или в порыве ярости. Убийство это – предумышленное. У дворецкого не было причин убивать судью Маллинса. Он прослужил у судьи бо-

лее десяти лет, и его преданность хозяину стала притчей во языцех среди прочих слуг и друзей судьи. У меня нет абсолютно никаких оснований подозревать его в убийстве.

– И ты веришь его рассказу?

– Каждому слову. И ты бы поверил, если бы побывал там со мной и увидел выражение полного ужаса в глазах дворецкого, когда я велел ему войти в комнату. Он ничем не напоминал убийцу, ужаснувшегося содеянному. Нет, в его взгляде читался ужас человека, увидевшего нечто кошмарное и недоступное его пониманию, нечто... сверхъестественное.

– Если дворецкий не обманывает, он и впрямь столкнулся со сверхъестественным. А жаба – он сказал что-нибудь еще о жабе?

– Возвращался к ней снова и снова, – сказал Конрой. – По его словам, отвратнейшее создание – зеленое и все покрытое грязными желтыми пятнами.

– Не исключено, что здесь что-то кроется.

– Что именно?

– Не знаю. Но у меня есть чувство, что жаба эта была важнее всего остального, за исключением, возможно, веревки.

– Ненавижу жаб, – заявил Конрой. – У меня от них мурашки бегут по коже.

– Твои предки их тоже ненавидели, – заметил я. – Жабы – уродливые рептилии, и в легендах демонологов они постоянно связываются с дьяволопоклонством. Говорят, что на некоторых шабашах ведьм и колдунов средневековой Европы дьявол являлся в образе жабы, и участники шабаша поклонялись этому созданию.

– О Господи! – воскликнул инспектор. – Надеюсь, мне не придется сражаться с дьяволом!

Он помолчал, барабанив нервными и беспокойными пальцами по подлокотнику, и наконец сказал:

– Я знал, что будет совершено убийство, но не мог его предотвратить. Я не знал, кто именно будет убит.

– Как это понимать? – вскричал я.

– Незадолго до полуночи я работал у себя в кабинете, – начал инспектор. – Вдруг зазвонил телефон. Долгое время в

трубке слышался один лишь низкий, свистящий звук – не привычный шум телефонной линии, а что-то совсем иное. Я никогда не слышал такого раньше. Могу сравнить этот шум только со звуком, который издает змея, когда скользит по опавшим листьям, хотя треска в нем было поменьше. После раздался голос. Жуткий, таинственный голос, звучащий где-то вдалеке. Я не разобрал, что он говорит, и решил, что дело в плохой связи, но то же время меня охватило непонятное чувство: я был уверен, что что-то здесь не так.

Он замолчал, уйдя в свои мысли. Я потерял терпение.

– Проснись, Томми! – воскликнул я. – Что было дальше? Продолжай!

– Никогда ничего подобного не испытывал, – сказал Конрой. – Я словно вступил в контакт с существом из иного мира, с чем-то отвратительным и злобным. Кровь буквально застыла у меня в жилах; я до смерти испугался. Видишь ли, Джерри, когда я поднес к уху трубку, мне почудился запах.

– Запах чего?

– Не знаю. Но рассказ дворецкого о запахе в комнате, где был убит судья Маллинс, напомнил мне этот запах. Я словно очутился в древнем склепе и беседовал с демоном ада!

– И все же ты что-то расслышал?

– Да. Голос как будто приблизился, и слова зазвучали яснее. И наконец я смог их разобрать. Голос произносил их медленно, по одному. Я услышал:

«Я – убивать – эта – ночь – кровь».

Затем молчание. Только эти слова. И после снова:

«Я убивать эта ночь кровь...» После этого – одно хриплое бормотание и гудок прерванной связи.

– Что это был за голос?

– Трудно описать, – ответил Конрой. – Одно слово звучало ясно и мелодично, как если бы говорила женщина, а другое, вслед за ним, произносилось низким, хриплым, грубым голосом. Мне показалось, что у телефона находились два человека, утонченная женщина и с нею мужчина из числа отбросов общества, и что они по очереди произносили в трубку слова.

– Поразительно! – воскликнул я. – Что же ты предпринял?

– Предпринимать мне было нечего, даже если бы я и был расположен воспринять послание всерьез. Ты же знаешь, что мы, как правило, не придаем особого значения таким путаным и туманным угрозам. Да и что я мог поделать, не зная, когда и где произойдет преступление, не имея никаких сведений о предполагаемой жертве?

– Ты выяснил, откуда звонили?

– Конечно, и не откладывая, – сказал Конрой. – Это было не так уж и сложно. Звонили из квартиры молодой женщины по имени Дороти Кроуфорд; она живет на Восьмой улице. Я сразу же отправил туда детектива, но дома никого не оказалось. Она вернулась в квартиру около двух часов ночи и с тех пор ее не покидала. За домом следят два детектива.

– Ты ее не арестовал?

– Нет. Если следовать обычной процедуре, я должен был бы привезти ее в участок и допросить, поскольку вскоре после ее звонка или, по крайней мере, звонка неизвестного с ее телефона, произошло убийство. Но, допросив дворецкого судьи Маллинса, я понял, что с подобным делом еще не сталкивался, и решил повременить с арестом. Мы можем арестовать ее в любую минуту. Скрыться ей некуда.

– Тогда мы должны отправиться к ней и узнать, что ей известно, – воскликнул я. – Если она звонила тебе прошлой ночью непосредственно перед убийством судьи Маллинса, она должна знать, кто это сделал – и твое расследование на этом практически завершится.

– Мы поговорим с нею, разумеется, но только не думаю, что расследование на этом закончится, – сказал Конрой. – Полагаю, оно только начинается.

– Может быть. Что ты знаешь о ней?

– Очень немного, – сказал инспектор. – Она поселилась в доходном доме всего несколько месяцев назад. По словам управляющего, особа весьма странная. Он утверждает, что гости к ней не ходят, но в квартире часто слышатся голоса. Время от времени, проходя мимо ее двери, управляющий чувствовал необычный запах.

– Вероятно, благовония, – предположил я. – Большинству женщин они по душе.

– Возможно. Однако управляющий говорит, что этот запах его пугает. Ощутив его, он всегда невольно крестится.

Глава четвертая

САТАНИСТКА

От моего дома в Грамерси-Парке не слишком далеко до Восьмой улицы, но мы с инспектором Конроем потеряли счет времени, обсуждая таинственные события последних дней, и только после одиннадцати вышли из такси у дома, где жила Дороти Кроуфорд и откуда был сделан телефонный звонок, так озадачивший инспектора. Когда автомобиль остановился на углу, из тени выступили два детектива и поздоровались с Конроем.

– Целый день никуда не выходила, инспектор, – сказал один из них.

– Ясно. Посетители?

– Нет, сэр.

Один из детективов вернулся на свой наблюдательный пост, а другой повел нас в вестибюль. Здание не отличалось изысканностью; этот бывший особняк, выстроенный из коричневого песчаника, в недавние годы был поделен на двух- и трехкомнатные квартирки и теперь во всем походил на сотню других домов в этой части города. Мы поднялись по лестнице на третий этаж; детективу мы велели ждать у лестницы и никого не пускать в холл, чтобы нам не помешали. Затем мы с инспектором медленно двинулись по длинному коридору, освещенному только парой газовых рожков, размещенных по обоим его концам.

Приблизившись к двухкомнатной квартире, где жила девушка, мы услышали беспорядочный гул голосов и дальше действовали со всей осторожностью.

– С ней в квартире кто-то еще, – прошептал Конрой.

– Может быть, – ответил я. – Но вспомни, что говорил управляющий.

Когда мы опустились на колени у двери и Конрой приложил глаз к замочной скважине, мне показалось, что из квар-

тиры доносится странный запах; возможно, разговор с инспектором невольно обострил мое обоняние. Запах трудно было уловить или определить; он не показался мне отталкивающим; в нем было, скорее, предвестие тайны, но у меня мелькнуло мимолетное ощущение, что этот сладкий и пикантный аромат нес в себе и что-то зловещее. Чувствовалась в нем и нотка затхлости, и нечто тягостное. Видимо, Конрой также ощутил запах – я заметил, что ноздри его раздулись, впитывая незнакомый аромат; однако же он был весь поглощен тем, что происходило в квартире, и не произнес ни слова.

– Видишь что-нибудь? – шепотом спросил я.

– Она в другом конце комнаты, – ответил он. – Довольно плохо видно, но там, похоже, устроен какой-то алтарь. Не могу разглядеть, сидит она или стоит на коленях. Она... о Боже!

Он откинулся назад с выражением полной ошеломленности и отвращения на лице. Когда инспектор задел меня плечом, я почувствовал, что тело его дрожит; на лбу Конроя выступили большие капли пота.

– Что там? – прошептал я.

– На алтаре сидит треклятая жаба! – хрипло проговорил он. – Гляди!

Я наклонился ниже и в свою очередь приложил глаз к замочной скважине. Передо мной предстала длинная, узкая комната; в противоположном конце ее возвышался грубый алтарь, покрытый черной тканью; на алтаре не было никаких предметов или украшений, помимо одинокой черной свечи в желтом подсвечнике. Жабу, что так испугала Конроя, я не заметил, однако перед алтарем стояла молодая женщина в черной как ночь мантии, застегнутой на пуговицы у шеи и спадавшей грациозными складками к ее ногам. В руке, поднятой высоко над головой, она держала какой-то черный предмет треугольной формы, по размерам не превышавший мужской ладони. С ее шеи свисала золотая цепочка, на которой было подвешено распятие. Я едва не вскрикнул от ужаса, когда распятие блеснуло отраженным пламенем свечи и я увидел, что оно было перевернуто – фигурка страдающего Иисуса висела вверх ногами!

Воздев треугольный предмет, девушка что-то говорила, ее губы двигались, и наконец я начал разбирать обрывки слов: время от времени ее голос звучал громче и переходил почти в крик.

– Что она говорит? – прошептал Конрой.

– Трудно разобрать, – ответил я. – Какой-то иностранный язык. Я... Томми, да ведь это латынь! Она говорит на латинском!

– Ты должен понимать латынь, – заметил Конрой. – Ты же врач.

Я внимательно прислушивался, но какое-то время не слышал ничего, кроме нашего тяжелого дыхания. Затем девушка возвысила голос в песнопении.

– *Nobis miserere mundi... nobis... mundi*, – вскричала она и вдруг резко повернулась лицом к алтарю. Моим глазам на мгновение открылся алтарь, и я успел увидеть, что точно в центре его, растопыбив лапы, восседает во всей своей непристойной гнусности огромная жаба, выделяясь на темном фоне покрова ужасным пятном лепрозного цвета. Девушка протянула к рептилии черный предмет и воскликнула:

– *Domine adduua nos!... Domine adduua nos semper!*

Жаба, не мигая, смотрела на нее; лишь изжелта-зеленые бородавки поблескивали в огне свечи, когда она шевелилась.

– *Saboath... deus... sanctus...* – пробормотала девушка. Она преклонила колени перед мерзкой рептилией и благоговейно воздела треугольный предмет. – *Sanctus.... dominus... sanctus.*

Она поднялась, повернулась спиной к алтарю и швырнула треугольный предмет на пол, затем плюнула на него и принялась втаптывать его в пол каблуком.

– *Gloria tibi!* – громко и торжественно вскричала она. – *Quorum... circumstantium... omnium... et...*

Теперь я понял, чем она занималась и что предвещала церемония. Я бешено забарабанил в дверь, надавил на ручку, девушка услышала шум и обернулась. Она не успела договорить фразу, и имена тех, на чьи головы ее молитвы долж-

ны были призвать чудовищное зло, так и остались произнесенными. На мгновение она замерла перед алтарем, после быстро протянула руку и задернула черный занавес, скрыв непотребное зрелище. Другим быстрым движением она распахнула мантию, сорвала с шеи распятие и бросила мантию и распятие за занавес. Отшвырнув ногой остатки треугольного предмета – теперь я видел, что это всего-навсего кусок черного хлеба – она метнулась к двери. Через секунду дверь распахнулась и девушка возникла на пороге; при свете газовых рожков в коридоре мы впервые смогли ее хорошенько рассмотреть. Она была удивительно красива, с пронзительным взглядом сияющих черных глаз; мне показалось, однако, что в них вспыхивали недобрые огоньки. В этих глазах отражалась неимоверная греховность и неимоверная жестокость.

Она долго стояла на пороге, не говоря ни слова, спиной к ходившей волнами завесе, что скрывала непроизносимые мерзости. Наконец она резко сказала:

– Почему вы позволяете себе стучать в дверь, как...

– Я инспектор полиции Конрой, – прервал ее инспектор.

Она ничего не ответила, и лишь презрительная улыбка тронула ее изогнутые губы.

– Мы хотели бы поговорить с вами, – сказал инспектор.

Внезапно она широко распахнула дверь.

– Входите, – сказала она.

Мы последовали за девушкой в гостиную ее небольшой квартиры, где она зажгла свет. Она не предложила нам сесть. Стоя или расхаживая перед нами, она все время преграждала путь к черному полотнищу, за которым восседала громадная жаба. Всем своим видом девушка выказывала недовольство нашим появлением и желание поскорее узнать цель нашего визита.

Гостиная, где мы находились, была просто и скудно обставлена самой заурядной мебелью, но все предметы обстановки были покрашены в черный цвет, а по дереву бежала, извиваясь, непонятная красная полоса. Кое-где, на предметах с достаточно широкими панелями, позволявшими разместить подобное украшение, красовалась козлиная голова,

окруженная желтой каймой. Я насчитал три таких изображения – два на каждой из передних панелей фонографа в углу комнаты, и еще одно на полке откидного столика. Все они были исцарапаны, словно кто-то нарисовал их, нашел неудачными и попытался стереть. И все же, несмотря на царапины и потертости, они были ясно и отчетливо видны. На красной и черной краске, покрывавшей мебель, также заметны были потертости – казалось, мебель обрабатывали наждачной бумагой, готовя ее к покраске.

Инспектор Конрой, не теряя времени на осмотр комнаты, сразу перешел к делу.

– Зачем вы звонили мне прошлой ночью, мисс Кроуфорд? – осведомился он.

– Разве я вам звонила? – спросила она.

– Вы прекрасно знаете! – парировал Конрой, повысив голос. – Зачем вы это сделали?

Девушка пожала плечами.

– Я ничего не помню, – произнесла она; теперь она говорила медленно и печально.

– Проследить звонок было нетрудно, – сказал инспектор. – Он был сделан из вашей квартиры, а живете вы одна. Зачем вы звонили?

– Не знаю, – ответила девушка. – Может быть, я и звонила. Не знаю.

– Кто убил судью Маллинса? – рявкнул вдруг Конрой.

Девушка отшатнулась; видно было, что вопрос застал ее врасплох.

– Я... я... я не знаю.

– Говорите! – приказал Конрой.

Девушка молчала. Мне почудилось, что она старалась взять себя в руки и что в душе у нее происходила какая-то борьба. «Она словно с кем-то сражается» – мелькнула у меня странная мысль.

– Нет! – вдруг воскликнула она, и ее мелодичный и чистый голос стал теперь хриплым, грубым и жестоким. Невообразимо, как такой голос мог исходить из женских уст! Конрой вздрогнул – уж не узнал ли он тот, второй голос, говоривший с ним по телефону?

Он внимательно посмотрел на нее и вдруг покраснел от злости.

– Мы можем заставить вас говорить! – крикнул он. – Вы находитесь под...

Девушка медленно покачала головой, точно пытаясь избавиться от тяжелой и непосильной ноши. Она бросилась вперед и схватила инспектора за руку; ее бездонный страдающий взор встретился с его глазами.

– Ах! – воскликнула она; на сей раз она говорила женским голосом. – Вы опоздали! Почему вы не пришли раньше?

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Конрой.

Она поглядела на часы. Стрелки показывали половину двенадцатого. Она повернулась ко мне и в отчаянии вцепилась в отворот моего пальто.

– Доктор! – вскричала она. – Вы гипнотизер?

Я помедлил.

– Видите ли, – сказал я, – мои умения в гипнозе ограничены, но в благоприятных условиях...

– Загипнотизируйте меня! Быстрее!

Она бросилась в большое кожаное кресло.

– Торопитесь! – воскликнула она. – Времени почти не осталось!

Она закрыла глаза и недвижно распростерлась в кресле, однако я видел, что в ней снова происходила мучительная внутренняя борьба и что ее душевные силы таяли в сражении с чем-то неизвестным и грозным.

– Сделай то, о чем она просит, Джерри! – велел Конрой. – Быстрее!

Я иногда пользовался гипнозом как частью лечения определенных нервных заболеваний; как правило, мне удавалось без труда загипнотизировать податливых и покорных больных. Но Дороти Кроуфорд ничуть не походила на этих пациентов: чувствовалось, как что-то борется со мной и с нею, противясь гипнозу; некая энергия или сила, которая осознала, вероятно, что психические узлы между мною и девушкой окрепнут и она станет мне подвластна, стоит ей впасть в гипнотическое состояние. Но она помогала мне, как

могла, и в конце концов мои усилия увенчались успехом. Она лежала не шевелясь, тихо дыша, и была полностью подчинена моей воле.

Я принялся расспрашивать ее, следуя указаниям Конроя.

– Где ты? – спросил я.

– Красный – и – кровавый.

Слова падали медленно, она произносила их запинаясь, тем же зловещим голосом, что мы слышали раньше.

– Что... – начал я, но Конрой сжал мою руку и отрицательно помотал головой.

– Не надо, – прошептал он. – Пусть говорит, что захочет.

С минуту продолжалось молчание. Затем губы девушки снова разомкнулись.

– Кровь – я – убивать, – долгая пауза, и после: – Кровь – я – убивать – вервие...

Конрой наклонился и схватил ее за плечо.

– Кто ты? – воскликнул он.

Я повторил вопрос.

Губы девушки исказили жестокая и хвастливая гримаса, обнажившая зубы. Она подняла руку и горделиво похлопала себя по груди. Затем она вновь заговорила.

– Сильвио! – вскричала она. – Я Сильвио! Я подчиняться Господину! Я убивать...

Она говорила тем же низким и грубым голосом, исполненным зла, что показался Конрою, слышавшему его в телефонной трубке, голосом самого ада! Теперь и мне так казалось; невероятное зло словно окружило нас со всех сторон – точно демоны подсматривали за нами, замыслив нашу гибель.

Наступила пугающая тишина. Ее прорезал громкий, пронзительный крик девушки. Конрой потряс ее за плечи.

– Кого ты убил? – резко воскликнул он. – Говори! Кого?

Девушка опять заговорила; зло в ее голосе сгустилось, и каждое произнесенное слово будто заставляло ее корчиться в невыносимой агонии.

– Кровь – вервие – Стэнли...

Конрой отступил на шаг, глаза его блеснули торжеством.

– Разбуди ее! – распорядился он. – Скорее!

Я торопливо привел девушку в чувство. На часах, стоявших на каминной полке, было без десяти двенадцать, когда она зашевелилась и выпрямилась в кресле.

Но теперь она отличалась от девушки, которую мы впервые увидели на пороге комнаты, так же разительно, как белое от черного.

Волосы более не сияли жизнью и силой; тусклые и помертвевшие, они приобрели глухой и черный, отвратительный цвет, подобный цвету крыльев стервятника. Блестящие черные глаза позеленели и покрылись ярко-красными прожилками, брови стали тонкими, как кромка ножа. Они были того же глухого черного цвета, что и волосы, и загибались уголками кверху, к ушам. Изменились даже ее губы и зубы. Изящный изгиб губ превратился в тонкий, прямой, безжалостный разрез; растянутые в презрительной ухмылке, губы ее обнажали зубы, ставшие теперь длинными, узкими и заостренными, точно клыки дикого зверя.

– Что случилось? – спросила она хриплым и севшим голосом.

– Мы вас загипнотизировали, – коротко отвечал Конрой.

– Я вам что-нибудь сказала? – спросила она. – Узнали вы то, за чем пришли?

Я заметил, что ее голос вновь претерпел изменения. Он снова был чист, мелодичен и непредставимо красив, но вместе с тем голос этот был металлическим, холодным и жестоким. Я содрогнулся, услышав его.

– Вы ничего нам не сказали! – ответил Конрой.

Девушка растянула губы; блеснули ее длинные, узкие зубы. Редко испытывал я такой ужас. Мнилось, что я стою перед самым Сатаной, и по моей спине пробежал холодок, когда девушка обвела нас зелеными, с красными прожилками глазами, впиваясь в нас взглядом и словно собираясь разорвать нас на куски своими острыми зубами.

– Ложь! – прорычала она. – Ничего, кроме лжи! Я вам солгала!

Она рванулась к нам, но я грубо толкнул ее в кресло и бросился к двери, то волоча за собой, то подталкивая Конроя.

– Скорее, Томми! – крикнул я. – Ради всего святого, не гляди на нее!

– Боже правый! – воскликнул Конрой. – Во что она превратилась?

Мы не сразу нащупали дверную ручку – наши дрожащие руки сталкивались и мешали друг другу. Дверь мы открыть не успели: девушка встала и направилась к нам. Теперь она казалась воплощением хрупкости и нежности, но прелесть ее облика оттенял блеск белых зубов и сияние зеленых глаз. Я был вне себя от ужаса и одновременно заморожен ею.

– Прошу вас, не уходите, – сказала она, и голос ее был чист и мелодичен, как позвякивание льдинок в хрустальном бокале.

Она обняла инспектора Конроя за шею и ласково прижалась к нему.

– Умоляю, останься! – прошептала она. – Я возьму тебя с собою на шабаш!

Конрой полуобернулся, очарованный ее пьянящей красотой. Я потянул его за рукав, но он только пробормотал:

– Ступай, Джерри. Я немного задержусь.

– Мы отправимся с тобою на шабаш, – шептала девушка, щекоча губами ухо Конроя. – Уже скоро. Совсем скоро.

Она медленно отступила на середину комнаты. Конрой шел следом, не в силах противиться ее чарам. Я лихорадочно звал его, но он не обращал внимания на мои крики. Я не знал, что делать, как вдруг в моем сознании внезапной и ослепительной вспышкой возникли слова, вычитанные из одного древнего тома: «Бегут они образа страдающего Иисуса». Я подскочил к черному занавесу и отдернул его. Позади находился алтарь с черной свечой и отвратной жабой. Я сразу заметил, что животное было приковано к алтарю тонкой золотой цепочкой, но не эта nepотpeбная гадина занимала меня сейчас. Я осмотрел пол, ощущал складки мантии, сброшенной девушкой – и нашел в них распятие, которое она осквернила, повесив на шею вниз головой. Благоговейно воздев в руке распятие, я направился к ней. Девушка, заметил я, тем временем положила руки на пле-

чи Конроя и нежно смотрела ему в глаза, а он беспомощно глядел на нее. Она шептала:

– Мы побываем на шабаше! И Господин наш будет там... Знай, нас ждут наслаждения!

Вытянув перед собою распятие, я медленно шел вперед; но не успел я отойти от занавеса и на три шага, как руки девушки опустились и все ее тело задрожало. Когда я приблизился, девушка прикрыла руками лицо. Она застонала и чуть раздвинула руки; я видел, как она кривила рот, пытаясь вновь обрести власть над собой.

– Переверните! – хрипло вскричала она. – Переверните!

Я поднес распятие к ее лицу.

– Переверните вверх ногами, – в отчаянии прошептала она.

Внезапно руки ее опустились и она застыла, глядя на распятие. Затем она вскрикнула и упала на пол. Конрой бросился к ней.

– Оставь ее! Нужно выбираться отсюда! – закричал я. – С нею все будет хорошо.

Я вытолкнул Конроя в коридор, положил черное распятие в карман и захлопнул дверь. Потрясенный Конрой даже не пытался сопротивляться, когда я вел его по лестнице и вестибюлю; на улице я остановил такси и велел шоферу поспешить на угол Пятнадцатой улицы и Мэдисон-авеню.

– Мы должны поторопиться, – сказал я. – Сколько сейчас времени?

Конрой поглядел на часы.

– Ровно двенадцать. Куда мы едем?

– К дому прокурора Соединенных Штатов Стэнли. Молю Бога, чтобы мы успели.

Конрой, похоже, очнулся от воздействия зловещих флюидов, сделавших его послушным рабом.

– Конечно же! – сказал он. – Она упоминала его имя. И говорила что-то о крови и веревке.

Он надолго замолк; автомобиль тем временем мчался к центру города.

Наконец он сказал:

– Куда именно она звала меня?

– На шабаш, – ответил я. – Это сборище колдунов, ведьм и дьяволопоклонников. Появляются там и демоны. Наша девушка – дьяволопоклонница, сатанистка. Быть может, этим дело не ограничивается.

– Шабаш, – повторил Конрой. – Да, я вспоминаю это слово. Ты говорил недавно о шабаше. Я читал об этом. Шабаш устраивали ведьмы.

– И все еще устраивают, – заметил я. – Ведьминские шабаши и черные мессы справляются в Лондоне, Нью-Йорке, Париже и десятках других городов. Часть церемонии ты видел сегодня в замочную скважину.

– Проклятая жаба! – воскликнул он. – Зачем ей понадобилась эта проклятая жаба?

– Дьяволопоклонники верят, что Сатана является им в образе жабы или козла, – ответил я. – Я ведь тебе рассказывал.

– Да, припоминаю, – сказал Конрой. – Я и забыл. Там был и козел, не так ли? Помнится, я видел козла.

– Там были изображения козла. Дьяволопоклонники украшают свои дома такими изображениями и держат жаб в качестве домашних животных – совсем как мы с тобой украсили бы стены ликами святых и Пресвятой Богородицы.

– Жабы и козлы! – пробормотал Конрой. – О Господи!

Глава пятая

В БИБЛИОТЕКЕ СТЭНЛИ

К дому государственного прокурора Стэнли мы подъехали в четверть первого. Особняк из коричневого песчаника отступал на несколько футов от улицы; перед ступеньками у двери имелось невысокое ограждение. Конрой вдавил кнопку звонка и, когда в дверях появился заспанный дворецкий, оттолкнул слугу в сторону и вошел в холл.

– Где мистер Стэнли? – решительно осведомился он.

Испуганный слуга начал было протестовать, но инспектор показал ему свой жетон, и возражения слуги тотчас перешли в извинения.

– Он в библиотеке, сэр, – сообщил дворецкий. – Он сказал, что у него важная работа, и приказал не беспокоить.

– Ведите, – отрезал Конрой.

Дворецкий поспешил наверх. Мы с Конроем шли следом. Он провел нас через холл второго этажа; у двери библиотеки я внезапно ощутил волну затхлого, мускусного запаха.

– Дом пахнет, как могила, – заметил Конрой.

– Совершенно верно, – ответил я. – Так я и ожидал.

Подойдя к двери библиотеки, инспектор Конрой не медлил ни секунды. Он ударил в дверь плечом. Дверь была не заперта, однако не поддавалась. Ей пришлось нехотя уступить совместным нашим усилиям, и в конце концов мы одержали победу. Когда дверь распахнулась, мы застыли на пороге.

Святой Боже! До смерти не забуду зрелище, открывшееся нашим глазам. Вся комната была погружена в темноту, только узкая полоса света от ламп в холле проникала сквозь раскрытую дверь. Но повсюду в темноте вились зеленовато-желтые светящиеся ленты; эти тонкие изменчивые полосы обволакивали комнату, придавая каждому предмету, к кото-

рому прикасались, незнакомые рельефные очертания. В провалах тьмы между омерзительными желтыми отсветами висели, покачиваясь, большие сгустки свежей крови, и над всем царил тот тяжелый, гнетущий запах, что я ощутил в коридоре.

Конрой, ахнув от удивления, вошел в комнату. Я последовал за ним. Дворецкий робко остановился у двери. Я услышал его крик и затем глухой удар упавшего на пол обмороке тела. Стоило нам сделать несколько шагов, как желтоватые полосы света начали одна за другой исчезать, будто сквозняк, ходивший по комнате с еле слышным присвистывающим шелестом, заставлял их просачиваться сквозь стены. По мере их исчезновения запах становился все слабее и слабее.

Все эти впечатления обрушились на меня единой беспорядочно крутящейся массой. Я прошел в темноте фута три и услышал, как Конрой вскрикнул от ужаса; думаю, если бы я не стоял позади и почти вплотную к нему, он отступил бы в коридор. Он отшатнулся, прижавшись на мгновение ко мне, но тут же ринулся вперед, пересекая комнату. Таким образом, я мог теперь яснее разглядеть наше окружение.

В углу, куда бросился Конрой, было больше громадных сгустков крови, чем в других местах комнаты, и полосы света пульсировали, свивались и плясали здесь с большей живостью. В середине большого скопления кровавых сгустков раскачивалась багровая веревка, с которой свисали маленькие и яркие красные грозди; каждая гроздь состояла из свежих капель крови. Вербка качалась на ветру, причем в длину она имела не более четырех футов и не была, насколько я мог судить, прикреплена к потолку. Но она была натянута, словно к ней был подвешен груз и, когда взгляд мой проследил всю ее ужасную протяженность, я увидел в конце этой окровавленной тропы повисшее в воздухе тело государственного прокурора Стэнли!

Он был мертв, мертв со всей очевидностью. Ноги прокурора болтались футах в двух от пола, а багровая веревка, веревка, которая не была ни к чему прикреплена, обвивала

его шею, как петля палача. Капли крови быстро падали одна за другой: они скатывались по веревке и телу мертвеца и стекали вниз, исчезая в полосах желтого света, вьющихся и играющих у его ног.

Но пока мы с Конроем, застыв, с удивлением и страхом глядели на это жуткое зрелище, фосфоресцирующие полосы света ушли в стены, пятна крови растаяли в темноте, веревка медленно размоталась и тело государственного прокурора упало на пол. Под тихие шепоты ветерка, неуловимо напоминавшие вздохи потерянной души, веревка постепенно побледнела, приобретя цвет пенькового каната – и исчезла. Мы видели, как она стремительно скользнула по комнате, словно живая змея, и нырнула под половицы; и в то же мгновение перед нами промелькнула голова огромной и отвратительной жабы, канувшей во тьму вместе с нею.

После развеялся и гнетущий запах, и в комнате не осталось ничего загадочного и таинственного, за исключением мертвеца на полу и непроницаемой темноты.

Мы зажгли свет. В комнате не было ни малейших признаков беспорядка. Окна были закрыты, вещи и мебель оставались на привычных местах. Напрасно мы осматривали комнату в поисках следов борьбы – ведь трудно было представить, что Стэнли безропотно дал себя повесить или удушить – и пятен крови на полу и мебели.

Мы не нашли ничего. В стенах не было никаких дыр, куда могла бы скрыться жаба.

Ровным счетом ничего, помимо мертвеца, лежавшего бесформенной грудой на полу со сломанной шеей и головой, почти сорванной с плеч.

Инспектор Конрой велел одному из слуг позвонить в главное управление полиции. Затем набежали толпы репортеров: убийство двух видных горожан, совершенное одним и тем же способом с разницей в сутки, стало настоящей сенсацией для газетной братии. Прошло почти два часа, прежде чем инспектор ответил на вопросы и распрощался с последним из них, успокоил испуганных слуг и принялся отдавать приказания детективам, которые должны были сторожить дом до прибытия медицинского эксперта.

После мы вернулись в библиотеку. Конрой вместе с одним из детективов вновь осмотрел комнату, только что с некоторой поспешностью исследованную нами. Результат был прежним. Инспектор не выяснил ничего нового. Осмотр лишь подтвердил, что и самый ловкий человек не сумел бы незаметно войти в комнату, разместить в ней электрический инвентарь, необходимый для создания светового спектакля, расправиться с государственным прокурором и бесследно исчезнуть у нас на глазах.

Все это я высказал Конрою.

– Я и не ожидал обнаружить следы присутствия человека, – сказал Конрой, устало опустившись в большое кресло перед камином.

– Так что же ты ожидал найти?

– В точности то, что нашел – а именно, ничего, – сказал он. – Но по крайней мере одно важное дело мы сделали. Мы убедились, что дворецкий судьи Маллинса говорил чистейшую правду, хоть и припозднился на представление в библиотеке судьи и видел меньше, чем мы.

Я содрогнулся, снова вспомнив ужасы, свидетелями которых мы стали. В свете здравого смысла абсурдно верить, что мы видели то, о чем твердили нам глаза и разум, но при встрече с таинственными и сверхъестественными явлениями здравый смысл отступает и логика становится бессильна.

Я вспомнил странную сцену в квартире Дороти Кроуфорд и ее ужасную метаморфозу после пробуждения от гипнотического сна. Мне не хотелось верить, что подобная девушка может стать прибежищем зла, уподобиться демону, вышедшему из ада. Не хотелось и думать о том, что она, с такой пугающей точностью, смогла предсказать страшное преступление. И все же это случилось. Мы и впрямь застали ее за нечестивой церемонией, и она предупредила нас о готовящемся убийстве. Она даже похвалялась этим убийством, и все произошло так, как она и предсказывала: кровь и веревки убили государственного прокурора.

– Как ты думаешь, что связывает Дороти Кроуфорд с убийствами? – спросил я у Конроя.

– Если говорить о доброй воле – ничего, – ответил инспектор. – В насильственном смысле – возможно, все. Мы знаем, что сегодняшнее убийство она совершить не могла, так как находились с нею в квартире, когда оно произошло. Но она знает, кто это сделал. А человек, убивший Стэнли, также расправился с судьей Маллинсом.

– В этом нет никаких сомнений.

– Девушка заранее знала, что будут совершены убийства, – продолжал Конрой. – Однако я считаю, что она совершенно не повинна в преднамеренном соучастии.

– Каким образом?

– Это доказывается ее загадочными откровениями и попытками нас предупредить. Но почему она позвонила мне? Я с нею не знаком и до сегодняшней ночи никогда ее не видел.

– Вероятно, она слышала о тебе, – предположил я. – Ты вечно на виду, о тебе часто пишут в газетах и журналах. Допустим, что кто-то узнал о готовящемся преступлении, а в департаменте ни с кем не знаком. Самым естественным шагом для такого человека будет связаться с тобой.

– Полагаю, что так. Мне кажется, Джерри, что эта девушка находится под властью и влиянием кого-то, обладающего непредставимыми для нас возможностями. Она – единственная ниточка, ведущая к убийце.

– Но кто он, этот убийца? – воскликнул я.

– Думаю, находясь под гипнозом, она назвала нам его имя, – сказал Конрой.

– Сильвио!

– Да!

– Кто же такой Сильвио?

– Не знаю, – сказал Конрой. – Имя звучит знакомо, однако я не могу вспомнить, где его слышал. Но мы можем покопаться в архивах главного управления полиции. После этого нам необходимо снова поговорить с Дороти Кроуфорд, но на сей раз – в другом месте, подальше от ужасной обстановки ее дома.

Глава шестая

ИСТОРИЯ СИЛЬВИО

Клерк главного полицейского управления снабдил нас фотографиями Сильвио, которые нашлись в галерее известных преступников, а также его досье, хранившимся в кабинете Бертильона *. На фотографиях лицо Сильвио казалось олицетворением злобы; фотографическая камера ничуть не смягчила печать беспутства и дьявольской хитрости на этом лице. Досье было кратким. В нем значилось только, что Сильвио был осужден за убийство некоей Розы Маринеллы и что председательствовал на процессе судья Маллинс. Готовил обвинение государственный прокурор Стэнли.

– Вот и мотив, – заметил я. – Мсть! Судья Маллинс вел процесс, государственный прокурор готовил обвинение.

– Без сомнения, – отозвался Конрой.

– Тебе осталось лишь поймать Сильвио.

– Поймать его невозможно, – мрачно произнес инспектор.

– Почему же?

– Он мертв!

– Мертв?!

– Его повесили больше года назад! – сказал Конрой. – Он убил эту женщину на территории правительственного военного лагеря в Форт-Слокуме, и дело было отправлено в федеральный суд, хотя мы работали над ним и собирали улики. Повесили его на крыше здания государственных учреждений.

– Тогда как же, во имя небес, мог он совершить эти убийства? – воскликнул я. – Как он мог убить судью и прокурора?

* Устаревшее наименование архива с отпечатками пальцев преступников и описанием их примет (*Прим. перев.*).

– Одному Богу известно! – ответил инспектор. – Но теперь, когда мы видели то, что видели, и слышали слова той девушки, Кроуфорд, я целиком и полностью убежден, что Сильвио к этому причастен.

– Быть того не может! – вскричал я. – Мертвецы не совершают убийства!

Конрой пожал плечами и продолжал просматривать dossier Сильвио. Я молчал, стараясь убедить себя, что все это мне только снится. Дороти Кроуфорд, спору нет, упомянула под гипнозом имя Сильвио; и оба раза, когда она хвасталась убийствами – убийства были совершены. Быть может, Сильвио воспользовался ею, как медиумом? Возможно ли, что он, лишенный жизни за преступления перед обществом, способен был говорить с нами при помощи ее губ, ее сознания?

Предположение казалось абсурдным. Но если мы признаем, что в идее жизни после смерти содержится крупица правды, если мы примем истинность свидетельств, собранных столь многими выдающимися исследователями, и согласимся с догмами христианских церквей – нам придется допустить, что факт этот не столь уж невероятен. Однако сама мысль о том, что давно умерший человек мог вернуться, в каком-то таинственном облике, в мир живых и совершить убийства, которые мы не в силах были предотвратить, наполнила меня неизъяснимым ужасом.

– Должно быть что-то еще!

Возглас Конроя прервал мои размышления.

– Я смутно припоминаю, – сказал он, – что с этим человеком было что-то связано.

– Я тоже, – ответил я. – Никак не могу вспомнить. Кажется, в деле был некий поворот, вызвавший в свое время немалую сенсацию.

– Что-то ужасное, – сказал инспектор. – Нет, не припоминаю.

– Может быть, газеты...

– Верно! – прервал меня инспектор. – Редакционные архивы!

Полчаса спустя мы с инспектором Конроем сидели за столом в архивном «морге» редакции «Morning Star». Перед нами лежали три конверта, два из них – очень толстые и заполненные газетными вырезками. Там был весь «фон» судьи Маллигана и государственного прокурора Стэнли, то есть вся черновая информация, которая могла понадобиться репортерам для написания статей, но ни в одной из вырезок мы не нашли нужных нам сведений. Наконец Конрой отложил их в сторону и взял в руки третий конверт: вырезок в этом тощем конверте было немного, а пометка на нем гласила: «Поль Сильвио. Мертв».

– Должно же хоть здесь что-то найтись, – сказал Конрой.

Он начал просматривать вырезки, быстро пробегая их глазами и откладывая в сторону. В свою очередь, я стал их просматривать: в статьях речь шла исключительно о суде над Сильвио и его последующей казни, и почти в каждой из них говорилось о его зловещей внешности и буквально исходившем от него духе порока. Эти черты обвиняемого произвели глубокое впечатление на репортеров, освещавших ход процесса.

«В его присутствии ощущается тоска и беспокойство», – замечал один очеркист, пытавшийся взять у Сильвио интервью. «Тюремные охранники стараются держаться от него подальше и не любят приносить ему еду... Глаза у него яркие и зеленые, белки покрыты красными прожилками, багровыми, как свежепролитая кровь...»

Мне сразу же вспомнилась давешняя сцена в квартире Дороти Кроуфорд. И у нее были ярко-зеленые глаза с сетью красных, как кровь, прожилок. Меня вернул к действительности торжествующий возглас Конроя. Он держал в руках последнюю вырезку.

– Я знал! Я так и знал! – воскликнул он. – Читай!

Он передал вырезку мне.

Я не стану цитировать все: статья была очень длинна и занимала две колонки убористого шрифта; она была посвящена подробнейшему описанию казни Сильвио и его последнего дня на земле. Странное поведение Сильвио и окру-

жавшая его атмосфера таинственности и ужаса вызвали в обществе большой интерес к нему, и газеты, если воспользоваться жаргоном репортеров, «крутили историю», как только могли.

Отчет начинался с пробуждения Сильвио. Охранники разбудили его в восемь часов утра. В этот день ему разрешили спать подольше, так как в полдень его должны были казнить; ему также было позволено выбрать блюда для последней трапезы. Он радостно засмеялся, когда охранник сказал ему, что он может выбрать любую еду.

– Все, что захочу? – спросил он. – Вы дадите мне все, что я попрошу?

– Да, – отвечал охранник. – Таковы правила. Все, что попросишь.

Сильвио прижал лицо к решетке своей камеры и в упор уставился на охранника.

– Я скажу тебе, чего хочу, – его голос перешел в шепот. – Ты католик?

– Да, – ответил охранник.

– Тогда иди к своему священнику и скажи, пусть даст тебе чашу со святой водой!

Охранник с ужасом взглянул на него.

– Дальше, – продолжал Сильвио, – найди младенца и перережь ему глотку, и пусть кровь стечет в ваш священный сосуд! А потом тащи чашу сюда!

Охранник в страхе отшатнулся, чувствуя на себе взгляд зеленых глаз Сильвио. Приговоренный к смерти расхохотался и отошел в глубь камеры. Близость смерти, могло показаться, ничуть его не тревожила, и он, судя по всему, совершенно не боялся веревки палача. Все утро он вел себя как обычно, разве что злоба и порочность, сквозившие в его облике и поведении, ощущались несколько сильнее. Он отказался назвать меню последней трапезы, и ему подали тюремный завтрак; он швырнул тарелки на пол и оплевал их. Когда охранник вернулся за подносом, Сильвио спросил, нельзя ли принести ему в камеру жабу; охранник оставил эту просьбу без внимания, и осужденный разразился ужасающими богохульствами.

Около десяти утра пришел священник, но Сильвио прогнал его из камеры, осыпая отвратительными проклятиями.

– У меня другой Господин! – вопил он. – Я сын ада!

Он отказался принять последнее утешение от служителя какой бы то ни было церкви. Приблизительно за полчаса до казни он протянул через решетку руку и попросил охранника отворить ему вену над локтем. Охранник, конечно же, не согласился.

– Сделай это! – прорычал Сильвио. – Иначе я восстану из ада и перережу тебе горло!

Охранник вновь отказался, хотя позднее рассказал репортерам, что никогда еще не испытывал такие муки ужаса и испуга. Словно в полусне, объятый страхом при виде растущей ярости Сильвио, охранник мог лишь замороженно смотреть, как тот терзает свою руку ногтями. Вырвав из зубренный кусок плоти, Сильвио позволил крови стекать тоненькой струйкой.

Затем приговоренный отошел к своей кровати и нарисовал на ней некое подобие веревки, извивавшейся на белой простыне, как багровая змея. Опустившись на колени, он приступил к церемонии, которую, как говорилось в статье, охранник не смог описать в деталях – такой она была дьявольской и жуткой. Из его слов явствовало, что эта церемония напоминала ритуал, виденный нами в квартире Дороти Кроуфорд, в самом сердце Нью-Йорка, и что и здесь, и там наличествовали элементы чудовищных обрядов дьяволопоклонников из тайных храмов, затерянных в горных твердых Тибета и Китая. Охранник сказал, что Сильвио, стоя на коленях, бормотал что-то на латыни, и что ему слышались фразы и слова, употребляемые в церковной мессе. Но в точности разобрать их он не мог и не запомнил. Охранник добавил, что ему показалось, будто Сильвио читал мессу задом наперед.

Наконец охранник стряхнул с себя чары, вместе с другими бросился в камеру и надел на Сильвио наручники; и больше на этой земле тот не знал ни грана свободы.

В статье рассказывалось, как за Сильвио пришел наряд охранников и повел приговоренного на виселицу, об этой страшной машине смерти, вздымавшейся, как холодный белый монумент, над крышей федерального здания, о молчаливых толпах людей с побледневшими лицами, следивших за казнью из окон офисных зданий на Парк-Роу и ниже Бродвее и заполнивших Сити-Холл-Парк. Говорилось в ней и о лязганье тюремных дверей, о том, как другие заключенные били чем попало по решеткам, пока охранники медленно вели Сильвио по коридору. Его вывели на улицу, где ждала тюремная карета. Сильвио шел с высоко поднятой головой и горящими глазами, распевая странную молитву на неведомом языке.

Солнце ярко сияло, когда Сильвио и его палачи вышли из лифта и ступили на крышу громадного здания, но горящий шар спрятался за облаками, не успела процессия медленно двинуться к помосту, где над люком свисала веревка. В воздухе, казалось, сгустилось зло, когда маршал Портер и Сильвио взошли на помост. Охранники набросили на осужденного капюшон и принялись связывать его руки за спиной.

Когда они надели ему на шею петлю, вокруг разлился затхлый, мускусный запах, появившийся из ниоткуда и сгустившийся над крышей здания.

Пока шли эти приготовления, Сильвио хранил молчание. Он не ответил, когда маршал Портер спросил его, не хочет ли он сказать последнее слово перед приведением приговора в исполнение – лишь ощерился и выругался.

После дернули за рычаг, люк раскрылся, и тело Сильвио рухнуло вниз. Солнце на мгновение выглянуло из-за облаков, и зловещий запах рассеялся; но тут же он сгустился снова и ощущался теперь даже сильнее, чем прежде. Он окутывал здание, как пелена тумана, расползался по парку, и люди в толпе беспокойно переминались с ноги на ногу.

Когда тело Сильвио, неестественно извернувшись, полетело вниз, веревка лопнула – и не успели охранники сделать и шага, как его голова показалась из люка. Сильвио

выбрался на помост, мотая головой из стороны в сторону, взад и вперед; на шее у него все еще болталась петля с обрывком веревки длиной в шесть-восемь дюймов.

Свидетели и охранники в страхе застыли. Сильвио высвободил руки и сорвал с лица капюшон. Тысячи зрителей испустили единый вздох ужаса, увидев лицо приговоренного. Оно совершенно изменилось; и раньше злобное, теперь оно превратилось в воплощение самого зла. В зеленых глазах читалась неизбывная ненависть, красные прожилки горели огнем и отбрасывали желтоватое сияние, словно пламя горящей серы. Уши заострились, брови стали тонкими и загнулись к ушам. Тонкие бескровные губы, кривясь в зловещей и презрительной гримасе, обнажали длинные и узкие зубы, похожие на клыки хищного зверя.

Один из охранников бросился к нему, намереваясь сбить с ног, но Сильвио впери в нападавшего мертвенный взор, и тот в ужасе отступил.

– Теперь мне есть что сказать! – крикнул Сильвио грубым, хриплым и неопишимо жестоким голосом. – Теперь я мертв и проклиная вас из глубин ада! Ты, – указал он на маршала Портера, – и все остальные, убившие меня, умрете, как умер я, болтаясь на веревке.

Затем лицо его медленно приобрело прежние черты, хорошо знакомые охранникам и всем тем, кто видел преступника во время судебного процесса. Тело Сильвио изогнулось и вновь провалилось в люк.

Тюремный врач поспешно осмотрел мертвеца.

Он заявил, что шея у Сильвио была сломана и что он, вне всякого сомнения, был уже мертв, когда выбрался из люка на помост!

Глава седьмая

ЗНАК ДЬЯВОЛА

Я предложил инспектору Конрою допросить Дороти Кроуфорд у меня дома, а не в полиции; я не сомневался, что в спокойной обстановке она будет чувствовать себя увереннее и окажется более склонной к откровенности, чем у себя дома или в мрачном и таинственном здании главного полицейского управления на Сентер-стрит. Инспектор отправил за ней детективов, велел лишь сказать мисс Кроуфорд, что с нею желает побеседовать инспектор Конрой и что она избежит ареста, если согласится явиться добровольно. Позвонив из ее квартиры, детективы сообщали, что дело прошло гладко и что Дороти Кроуфорд готова выполнять любые указания инспектора Конроя.

– Похоже, она малость не в себе, – сказал детектив. – У нее здесь такое творится! Вся мебель чудная какая-то, черная, и по всему дому скачет проклятая жаба! Она повесила на нее золотую цепочку!

– Не обращайтесь внимания, – сказал инспектор. – Привезите ее к доктору Смиту и скажите, что никто здесь не причинит ей никакого вреда.

Они прибыли около полудня, и детективы оставили девушку наедине с нами. На ее лице читались следы пережитых волнений и страданий, но в остальном она казалась совершенно спокойной и здоровой. Температура была чуть повышена, пульс немного частил, однако никакой тревоги состояние мисс Кроуфорд не вызывало и объяснялось, по-видимому, естественным нервным напряжением, охватившим ее в преддверии беседы с инспектором. Насколько я мог судить по беглому осмотру, у нее на наблюдалось никаких физических или психических отклонений от нормы.

В то же время, вид Конроя испугал меня. Он осунулся и выглядел изможденным, в глазах затаился страх перед не-

известным. Инспектор настолько устал, что, пересекая комнату, споткнулся и едва смог удержаться на ногах.

– Бессонница, – заметил я.

– Не спал ни минуты, – признался Конрой. – Прележал не один час без сна, размышляя о деле и пытаясь в нем разобраться. Бог мой, Джерри, что нам противостоит?

Я заставил его выпить успокоительное; лекарство чудесно подействовало на инспектора, и он начал приходить в себя.

– У меня есть одна теория, – сказал я, – и...

– Говори, – быстро прервал меня он. – Я не продвинулся ни на шаг.

– Не сейчас. Она основана на легендах, страхах и древних суевериях, а также на предрассудках современных религий. Мое предположение может показаться невероятным – но если наш разговор с мисс Кроуфорд сложится так, как я ожидаю, я тебе все расскажу.

– Но мы ведь даже не знаем, с чем боремся!

– Верно, – ответил я. – Мы сражаемся с неведомыми силами, и известная нам наука или право ничем не могут помочь. Против неведомых сил должно употреблять неведомые средства, но такие, что в известной мере подвластны нам. Если в древних поверьях существует зерно истины, мы можем победить. И если против нас используют магию, нам необходимо защищаться с помощью магии.

Конрой кивнул, и мы приступили к допросу Дороти Кроуфорд.

Мы сидели за большим столом в библиотеке: на одном конце стола мы с Конроем, напротив – девушка, подпиравшая голову руками.

– Итак, мисс Кроуфорд, – начал инспектор, – думаю, вы знаете, по какой причине мы вас пригласили. Мы хотим, чтобы вы рассказали нам все, что вам известно и может помочь нам в расследовании. Я попрошу вас отвечать на все вопросы правдиво и со всей возможной полнотой. Вы не находитесь под арестом и полиции вам бояться нечего. Вы согласны помочь нам?

– Да, – ответила девушка. – Я сделаю все, что смогу.

– Как вы знаете, – продолжал Конрой, – на протяжении двух ночей были совершены два убийства, два самых странных преступления в моей практике.

– Да.

– Мы с доктором Смитом считаем, что вы представляете собою ключ к загадке, однако не думаем, что вы были физически связаны с каким-либо из преступлений или узнали о них по собственной воле.

Она бросила на инспектора благодарный взгляд.

– Вместе с тем, – сказал Конрой, – перед каждым убийством вам заранее было известно о преступлении. Нам хотелось бы понять, каким образом вы узнали планы убийцы.

– Произошло столько... – сказала девушка, и ее губы задрожали, – столько ужасных событий, что я не знаю...

– Начнем с самого начала, – сказал инспектор. – Вы помните, как позвонили мне позавчерашней ночью и сообщили, что готовится убийство?

– Нет, – ответила девушка. – Я ничего не помню, хотя и не сомневаюсь в этом.

– Помните ли вы, что случилось минувшей ночью, когда мы с доктором Смитом пришли к вам?

– Я помню, что вы были у меня, – сказала она. – Помню, как доктор Смит меня загипнотизировал. Но я ничего не помню из того, что случилось после.

– Не помните, что говорили нам во сне, или под гипнотическим воздействием?

– Нет.

– И не помните, как затем уверяли нас, что все сказанное вами – ложь?

– Нет. Я ничего не помню, помимо того, что вы были у меня в квартире и что доктор Смит меня загипнотизировал.

Инспектор Конрой наклонился над столом и впился в нее внимательным взглядом.

– И вы не знаете, что в момент пробуждения от гипнотического сна в вашей внешности произошли пугающие изменения?

– Какие?

Вопрос прозвучал внезапно и резко, и с чувством ужаса я осознал, что девушка говорила тем хриплым и грубым голосом, что так потряс нас прошлой ночью. В ту же минуту с ее лицом и глазами начала происходить прежняя чудовищная метаморфоза. Она начала теребить руками воротник платья. Я схватил ее за руки и склонился над нею. Я смотрел ей прямо в глаза, в которых уже начали появляться зеленые искорки.

– Его здесь нет, – сказал я. – На вашей шее нет распятия!

– Он висит вверх ногами, – прошептала девушка, – и Его голова обращена к земле...

– На вас нет распятия! – громко крикнул я.

Девушка вдруг закрыла лицо руками и бессильно разрыдалась.

– О Боже! – вскричала она. – Какие жуткие, ужасные видения!

Она впала в истерику, и мы оставили ее в покое. Наконец она подняла голову, и я рад был видеть, что все следы страха исчезли с ее лица. Теперь она казалась обычной, совершенно здоровой девушкой.

– Простите меня, – сказала она. – Я хочу вам помочь.

– И вы можете помочь, мисс Кроуфорд, – заверил ее я. – Вы одна на целом свете можете оказать нам помощь.

– Попробуем обратиться к сути вопроса, – сказал инспектор. – Известен ли вам человек по имени Сильвио?

Девушка задрожала от отвращения.

– Да, – сказала она. – Я знала его. Он был моим отчимом. Но он мертв.

– Повешен год назад, – сказал Конрой. – Тем не менее, как ни фантастично и невероятно это звучит, мы считаем, что Сильвио каким-то образом связан с убийствами судьи Маллинса и государственного прокурора Стэнли. Мы почти готовы поверить, что сам Сильвио их и убил!

– Он мертв! – вскричала девушка. – Как может мертвец совершить убийство?

– Мы не знаем, – ответил Конрой. – Мы многое не знаем – но надеемся узнать.

– Он был самым злом, – сказала Дороти Кроуфорд. – Если кто-то способен восстать из могилы и убить, то это он. Он продал свою душу! Он показывал мне договор, подписанный кровью!

– Расскажите нам все, что вы знаете о Сильвио, – прервал Конрой, – все, что может помочь нам разгадать эту тайну.

Девушка возбужденно наклонилась вперед.

– Я родилась здесь, в этой стране, – сказала она, – но в возрасте одиннадцати лет отец увез меня с матерью в Индию, где он служил смотрителем чайной плантации. Два года спустя он умер, и мать моя вышла замуж за человека по имени Поль Сильвио. Она сделала это вопреки воле отца, моего деда, который призывал ее вернуться в Соединенные Штаты и поселиться с ним в Нью-Йорке.

Обитатели британской колонии в Симле знали Сильвио как итальянского торговца; он был очень богат и казался джентльменом. Позднее он хвастливо рассказывал нам, что в его жилах не течет ни капли итальянской крови. Он был сыном индуски и китайца, но воспитывался в Америке и Европе и провел много времени в Париже.

С тех пор, как моя мать вышла замуж за Сильвио, я не знала покоя. Внешне он оставался все тем же уважаемым торговцем и ученым джентльменом, но наедине с матерью и мною он сбрасывал маску и выказывал всю свою испорченность. Он не страшился ни Бога, ни людей и поклонялся дьяволу. Он был самым злобным человеком из всех, кого я встречала; никогда бы не поверила, что человек может быть так порочен. Часто, поздней ночью, он заставлял меня и мать наблюдать за его жуткими ритуалами; мы боялись пошевелиться или закричать, когда он служил своему отвратительному Господину. Это было ужасное зрелище.

– Кое-что мы видели прошлой ночью, – сказал я. – Было что-то еще?

– О да, – ответила девушка. – И еще более ужасное. Как правило, он поклонялся дьяволу в образе жабы или козла, но этого ему было мало. Однажды он принес в дом младен-

ца. Он... он убил ребенка и вылил его кровь в чашу, украденную из церкви...

Она снова разрыдалась и спрятала лицо в ладонях. Прошло немало времени, прежде чем она нашла в себе силы продолжать рассказ.

– Время от времени, – сказала она наконец, – он надолго исчезал и через месяц или около того возвращался, а его злоба и порочность раз от разу все возрастали. Он говорил нам, что ездил куда-то далеко, в горы Китая, к секте дьяволопоклонников.

– Я жрец ада! – говорил он нам. – Я продал душу дьяволу! Сатана мне господин, и я заставлю вас поклониться ему!

Богу известно, как он старался обратить нас в свою преступную веру и приобщить нас к своим порочным ритуалам. Моя мать была женщиной слабой и ужасно боялась Сильвио. Однажды он заставил ее отправиться с ним в паломничество, в горы. Они вернулись через три недели, и почти сразу Сильвио увез нас с матерью в Соединенные Штаты.

– Когда это произошло? – спросил Конрой.

– Пять лет назад, – ответила девушка. – Мне было тогда девятнадцать.

После поездки в храмы дьяволопоклонников мать страшно изменилась, – продолжала девушка. – В глазах у нее застыл непредставимый ужас. Она снова и снова повторяла, что совершила чудовищные злодеяния.

– Я согрешила перед Богом, – восклицала она, – и перед собственной дочерью!

Она так и не открыла мне, что видела и что испытала. Однажды она начала было рассказывать, но Сильвио приказал ей замолчать. Он заявил, что мать не должна раскрывать мне тайнства веры, пока я полностью не окажусь в его власти.

Все это время Сильвио неустанно пытался меня подчинить. Он был искусным гипнотизером и, думаю, обладал и другими способностями. Он сумел так подействовать на меня, что через некоторое время я стала послушной глиной в его руках. Когда я находилась в гипнотическом трансе и бы-

ла совершенно подчинена его силе, он всеми возможными способами старался уничтожить мою веру в религию, добро и Бога, и постепенно завоевал мучительную власть над мною. Несмотря на все его старания, я отказывалась принимать участие в обрядах дьяволопоклонников; однако мы с матерью так его боялись, что не осмеливались сообщить о нем властям.

Он совершал преступление за преступлением. Он убивал только затем, чтобы увидеть, как льется кровь. И хотя он оставлял следы, которые различил бы и слепой, его словно защищала какая-то сверхъестественная сила, и он ни разу не был пойман.

Наконец он убил женщину в Форт-Слокуме. В ту ночь он вернулся домой и рассказал нам, что сотворил.

– Это конец! – сказал он. – Наступило время воссоединиться с Господином! Меня арестуют и повесят!

Затем он сделал последнюю попытку заставить меня уверовать в его порочные убеждения и, как он выразился, последовать за ним в ад! Я противилась ему всеми силами души и, хотя той ночью ему удалось несколько раз загипнотизировать меня, в конце концов победила. Однако он вновь заставил мать и меня присутствовать на церемонии, которая была ужасней всех прежних, так как на сей раз он отмечал свое последнее свершение.

Он снова спросил меня, согласна ли я поклониться его Господину. Когда я отказалась, он пришел в ярость. Я никогда этого не забуду. Сильвио вопил от бешенства, на губах выступила пена, зеленые глаза пугающе сверкали, и он изрыгал самые чудовищные богохульства, твердя, что я еще встречу с ним в аду.

– Я восстану из могилы! – кричал он. – Я вернусь и убью всех, кому предстоит расправиться со мною, а ты станешь моим орудием! Через тебя я восстану!

После он успокоился и рассказал мне, что собирается сделать. Он сказал, что вернется и заставит меня говорить его голосом и мыслить его разумом, а дух его будет подчинять меня себе, когда захочет.

– Ты будешь походить на меня! – сказал он. – И на моего Господина! У тебя появятся зеленые адские глаза с красными кровавыми прожилками! У тебя вырастут волчьи клыки! Когда я завладею тобой, я превращу тебя в подобие моего Господина! Ты будешь поклоняться ему в любом его облике!

Ужасная ночь тянулась без конца. Прочитав свои заклинания, Сильвио ушел, и больше живым я его не видела – но так и не смогла от него спастись.

Мать билась в истерике. Спустя какое-то время я сумела уложить ее в постель. Она плакала и стонала, говоря, что должна ответить за свои грехи и грехи других. Я пыталась уснуть, но смогла только задремать. Меня разбудил ужасающий крик. Я поспешила в комнату матери. Она стояла посреди комнаты, прижимая руки к груди и жалобно рыдая. Я подбежала к ней, но она закричала и отшатнулась от меня. Затем она выбежала в соседнюю комнату, бросилась на пол и принялась, плача, молить Господа о милосердии!

Телефона в квартире не было. Я спустилась вниз, чтобы разбудить швейцара и попросить его вызвать врача.

Вернувшись, я не нашла матери. Она бесследно исчезла! Девушка замолчала. На ее ресницах блестели слезы.

– С той ночи, – сказала она, – я постоянно ощущала злое присутствие Сильвио, особенно с тех пор, как его повесили. Порой я совершенно меняюсь. Как вы могли видеть, он вовлек меня в некоторые обряды поклонения дьяволу и, когда его дух пребывает во мне, я испытываю безумное желание раздирать, рвать на части и убивать!

– Когда он появляется? – спросил Конрой.

– Слава Богу, он чаще всего приходит ночью, – сказала девушка. – Поэтому я могу работать, зарабатывать себе на хлеб и скрывать свою ужасную тайну. Он принес мне жабу, которую вы видели, и заставил меня купить все те вещи, что попались вам на глаза в моей квартире. Когда я пытаюсь избавиться от них, соскабливая эту мерзкую краску и замазывая изображения козла, он является и заставляет меня прекратить. Я все время соскабливаю краску с мебели – и крашу мебель снова.

– Мы заметили это, – сказал я. – Часто он приходит?

– Раньше он являлся довольно редко, но в последнее время приходит все чаще.

– Как вы узнаете о его появлении? – спросил я. – Каковы первые симптомы?

– Перед его приходом у меня всегда зудит плечо, – ответила девушка. – У меня там... родинка, я так думаю, и она всегда слегка чешется перед появлением Сильвио.

– Где эта родинка? – спросил я.

– На плече, – сказала девушка. – На правом плече.

– Вы позволите нам взглянуть?

Девушка густо покраснела.

– Она... уродлива. Я назвала ее родимым пятном, но не уверена в этом. Не помню, чтобы у меня была такая родинка раньше, до появления в нашей жизни Сильвио. Это... это жаба!

– Что? – вскричал Конрой. – Бог мой! Жаба?

Девушка внезапно расстегнула воротник платья и обнажила плечо. На верхней части ее руки мы увидели пятно, частью переползавшее на плечо. Размером оно было не больше серебряного доллара, но в совершенстве передавало вид головы и передних лап жабы и было таким жизненным, словно его нанесли на кожу с помощью татуировки. Я осторожно прикоснулся к пятну указательным пальцем.

– Больно?

– Нет.

Я попросил ее отвернуться, чтобы она не могла следить за моими действиями. Под внимательным взглядом инспектора Конроя я достал из кармана скальпель – небольшой инструмент с острой как бритва кромкой – и сделал глубокий надрез прямо по центру жабьей головы. Лезвие с легкостью вошло в плоть. Из раны не вытекло ни капли крови: разрез был чист и остался таким, когда я надавил на края.

– А теперь больно? – спросил я.

– Нет, – отвечала она. – Что вы делаете?

Вместо ответа я глубже вонзил в ее плечо кончик скальпеля, поворачивая инструмент и зондируя рану. Но она не

испытывала боли; не было и крови. Я вытащил скальпель и обернулся к Конрою, собираясь объяснить ему, зачем под-
верг девушку такому испытанию. Вдруг он схватил меня
за плечо и ахнул:

– Боже милосердный, Джерри! Гляди!

Он указал на плечо девушки. Рана медленно закрывалась,
точно кто-то ее осторожно сжимал. Через полминуты раз-
рез полностью затянулся; не было заметно никаких следов
операции. Я вернул скальпель в карман и прикрыл пятно
тканью платья.

– Чем вы занимались? – спросила девушка, обернув-
шись к нам.

– Вы что-нибудь ощутили?

– Ничего, совсем ничего, – сказала она. – Я чувствовала,
конечно, что вы положили мне руку на плечо, но... родин-
ка ничем не давала о себе знать.

– Тогда как должна была, – заметил я. – Я сделал раз-
рез скальпелем и провел зондирование. Боль должна была
быть невыносима; в обычном случае я и не подумал бы
приступать к такой операции без сильного обезболиваю-
щего.

– А я ничего не почувствовала! – прошептала она, испу-
ганно глядя на нас. – Что это означает?

– Это означает, что на плече у вас знак дьявола, – отве-
тил я.

– Что такое знак дьявола? – спросил Конрой.

– Он соответствует своему названию. Это дьявольская
отметина, знак, что Сатана владеет данным человеком. Он
появляется на телах тех, кто подписал своей кровью дого-
вор с дьяволом, а иногда у людей, случайно оказавшихся
во власти нечистого. Знак дьявола часто обнаруживали во
время ведовских процессов и охоты на ведьм в шестнадца-
том и семнадцатом веках. Знак этот противопоставлен стиг-
матам.

– И он всегда имеет вид жабы? – спросил Конрой.

– Нет. Формы бывают самые различные: небольшая ро-
динка или бородавка, отпечаток лягушачьей лапки или изо-
бражение паука, такое же совершенное, как жаба на плече

мисс Кроуфорд. В давние времена гражданские и церковные суды считали подобный знак решающим доказательством того, что перед ними ведьма или колдун. Сотни невинных людей были отправлены на костер или повешены потому только, что на теле у них имелись родинки. Распознавали знак дьявола теми же методами, какими я только что воспользовался. Настоящий знак дьявола не кровоточит и не болит, что бы с ним ни делали.

– Боли я не чувствовала, – сказала Дороти Кроуфорд. – Эта... это... никак не ощущается, пока не приходит Сильвио. Тогда, как я уже говорила, я чувствую зуд.

– Но разве вы ничего не делаете, почувствовав этот зуд? – спросил я. – Наверное, вы трете рукой знак, или надавливаете на него, или делаете что-то еще?

– Да, вы правы, – ответила девушка. – У меня есть флакон с притиранием; я изготовила его по рецепту, который дал мне Сильвио. Я полагаю, что это был Сильвио; я нашла рецепт в квартире, на... на алтаре, и знаю, что сама ничего похожего не писала. Слова были написаны красными чернилами.

– Кровью, вероятно, – сказал я. – Чтобы притирание было действенным, рецепт должен быть написан кровью. Точнее говоря, кровью младенца, убитого на церемонии шабаша. Вы ведь бывали на шабаше, мисс Кроуфорд?

– Да, – прошептала она. – Думаю, да. Не знаю.

– Что происходит, когда вы натираете мазью изображения жаб? – спросил я.

– Трудно описать, – ответила она. – Почти сразу меня охватывает волнение, потом появляется чувство, будто я лечу по воздуху, и через некоторое время я оказываюсь на... на шабаше. Но мне всегда кажется, что я одновременно и нахожусь там, и лежу в постели у себя дома.

– Что происходит на шабаше? – спросил инспектор. – Если не ошибаюсь, там поклоняются дьяволу?

– Да, – сказала девушка. – Мы служим ему и преклоняемся перед ним. Дьявол всегда является мне в образе Сильвио, хотя на шабашах временами принимает облик жабы

или козла с длинными черными прядями и одним рогом посреди лба в форме... в виде...

– Можете не объяснять, – сказал я. – Я знаю, что происходит на шабашах.

– То, что мы видели у вас в квартире? – с любопытством спросил Конрой. – Служат черную мессу?

– Они делают и это, и другие... вещи, – ответила девушка. – Гораздо хуже. Ужасные, непристойные вещи; я не могу их описать. Пока это продолжается, все кажется мне ясным и реальным, но после всегда вспоминается, словно в тумане. Помню только ужас.

– А мазь? – спросил инспектор. – Для чего нужна мазь?

– Не знаю, – ответила девушка. – Знаю одно: меня что-то подталкивает натереть ею это... место на плече, когда является Сильвио.

– Это так называемая летучая мазь, – объяснил я. – Ею традиционно пользовались ведьмы и колдуны. Она создает ощущение полета. Обычно она готовится по одному из трех распространенных рецептов; в основе всех составов – аконит, белладонна и смертоносный паслен или болиголов. Используется также кровь летучей мыши и жир, извлеченный из младенца, а вдобавок и сажа. Конечно, в рецепте мисс Кроуфорд не было ни крови, ни жира. Единственными ингредиентами являются аконит, белладонна и болиголов: все это смертельные яды, но они не так опасны, если втереть их в тело через порез или ранку на коже.

– И как же они позволяют человеку летать? – недоверчиво осведомился Конрой.

– Никак, – ответил я. – Они могут создать иллюзию полета, особенно если составом пользуется изначально нервный, ослабленный человек наподобие мисс Кроуфорд. Болиголов и аконит вызывают расстройство чувств, нерегулярное сердцебиение и головокружение, белладонна же – восторг, который может перейти в исступление. Даже умеренная доза белладонны даст такой эффект. Если белладонна сочетается с аконитом, чувство восторга и перебои в сердцебиении могут создать ощущение полета – ведь больным аритмией часто кажется, что они падают куда-то сквозь про-

странство. Ощущение падения сродни чувству полета, и одно может последовать за другим. Мне понадобится ваше притирание для анализа, мисс Кроуфорд. Многие столетия никто не видел настоящей летучей мази.

– И рецепт, – добавил Конрой. – Нужно будет забрать и его, чтобы мисс Кроуфорд не изготовила мазь заново.

– Тогда он подбросит мне другой, – беспомощно проговорила девушка. – Я не могу бороться с ним. Он почти полностью завладел мною. Я устала сопротивляться.

– Вы считаете, что прошлой ночью с нами разговаривал Сильвио, завладевший вами? – спросил инспектор.

– Я это знаю. Это был он.

– Любопытно, зачем ему предупреждать нас о готовящемся убийстве.

– Он всегда похвалялся своими подвигами, – сказала девушка. – Обычно, задумав какое-нибудь ужасное преступление, он всегда рассказывал о нем нам с матерью. Он знал, что мы бессильны его остановить.

– Но я не понимаю, отчего вы позвонили мне, – заметил Конрой. – Мы не были с вами знакомы, и я о вас никогда не слыхал.

– Думаю, я могу это объяснить, – сказала девушка. – Позапрошлой ночью, незадолго до того, как появился Сильвио, я читала журнал, где была статья о вашей работе. Статья произвела на меня большое впечатление, и я подумала, что могла бы позвонить вам, рассказать о своей беде и попросить вашей помощи. Как видно, и под властью Сильвио эта мысль сохранилась у меня в сознании.

– Да, – сказал Конрой. – Видимо, так.

Он помолчал, выбивая пальцами привычную нервную дробь.

– Хотелось бы знать, – сказал инспектор, – предупредит ли он нас в следующий раз.

– Трудно сказать, – отозвалась девушка, – но, думаю, он так и сделает.

– Он должен! – воскликнул я. – Успех любого нашего плана полностью зависит от того, сумеем ли мы заранее узнать, где и когда Сильвио нанесет новый удар. Мисс Кроу-

форд, это очень важно. Я хотел бы загипнотизировать вас и запечатлеть в вашем подсознании мысль, что в следующий раз, когда появится Сильвио, вы должны нас предупредить.

– Я готова на все, чтобы помочь вам, – сказала девушка.
– Быть может, если мы сумеем предотвратить преступление, он от меня отступится и я снова обрету покой.

– Я согласен с вами. Полагаю, провал его планов станет и концом его власти на этой земле.

– Я приставлю к вам детективов, – сказал Конрой. – Они вас не обидят, но при первом же признаке появления Сильвио примут меры к тому, чтобы вы не нанесли вред себе или кому-либо еще.

Глава восьмая

ДЬЯВОЛЬСКИЕ ПРИМЕТЫ

Когда Дороти Кроуфорд ушла, мы с инспектором Конроем погрузились в молчание. История девушки глубоко поразила меня. Ее рассказ казался таким странным, таким невероятным! Мне едва верилось, что живу я в просвещенном и здравомыслящем двадцатом столетии – я словно перенесся в давно умершие, ушедшие века, когда люди боялись неизвестного и непостижимого. И все же я был убежден в правдивости рассказа Дороти Кроуфорд; думаю, в свете того, что мы увидели и узнали, любой бы ей поверил.

Голос Конроя вторгся в мои размышления.

– Все это кажется совершенно невозможным.

– Все, что мы не понимаем, – произнес я избитую фразу, – кажется нам невозможным.

– Ты говорил, что у тебя есть какая-то теория, – сказал инспектор. – Рассказ девушки ее подтверждает?

– Мне кажется, что да. Но я не знаю, следует ли мне эту теорию излагать, поскольку она целиком основана на легендах и суевериях.

– Что ж, – сказал Конрой, – суеверия и легенды во многом породили наши верования.

– Есть только одно объяснение, которое приходит мне на ум, – сказал я. – И заключается оно в том, что древняя вера в одержимость имеет под собой некие основания.

– Ты считаешь, что Дороти Кроуфорд одержима?

– Именно так. Одержима духом Сильвио!

– Да, но...

– Я знаю, что звучит это непостижимо, – прервал его я, – но в истории человечества нет верования более древнего. На всех стадиях человеческой истории мы находим веру в то, что сверхъестественные силы могут воплотиться в чело-

веке. Об этом говорит Библия, говорит Коран, об этом говорят все наши религиозные сочинения. Эта вера оказала глубочайшее влияние на развитие религии.

– И ты думаешь, что время от времени Дороти Кроуфорд находится в полной власти духа Сильвио – духа человека, повешенного за свои преступления, этого дьяволопоклонника?

– Как иначе объяснить известные нам факты? Конечно, современная наука поднимает идею одержимости на смех, но ложность ее наука пока не доказала.

– Есть еще здравый смысл, – вставил Конрой.

– Но что такое здравый смысл? – спросил я. – Прикрытие нашего непонимания, не больше. Случается что-то, что мы не в состоянии понять. Нас учили, что произойти такое не может. И тогда мы обращаемся к здравому смыслу и говорим, что это неправда.

– С этим я согласен, – сказал Конрой. – Наука, как ты ранее заметил, никак не доказала ложность явлений, которые мы сейчас расследуем, а только утверждает, что они не могут иметь место.

– И все-таки, – сказал я, – известно, что ученые, причем даже те, что не разделяют никаких религиозных верований, все в большем количестве склоняются к вере в загробную жизнь. Некоторые передовые мыслители считают, что душа или то, что нам угодно называть душой, переживает смерть и переходит в иной мир. И если возможно существование другой плоскости бытия, понять которую человек не в силах, почему бы не предположить, что живущие после смерти обладают непостижимыми для нас способностями – и что мы иронизируем и сомневаемся просто из-за недостатка понимания?

– Да, – сказал Конрой. – Полагаю, если возможно одно, не исключено и другое.

– Древние греки и римляне, а также египтяне в эпоху расцвета их чудесной цивилизации, верили, что духи умерших могут воплотиться в живущих. Библия рассказывает нас об одержимости демонами и духами. В Евангелиях Иисус изгоняет дьяволов и наделяет этой способностью неко-

торых учеников; в других местах Писания также рассказывается о подобных вещах. Многие психологи верят, что вещи эти возможны даже сегодня, в суе нашего материалистического века, и что случаи настоящей одержимости встречаются почти постоянно. Римско-католическая церковь и не отказывалась от веры в одержимость. Католические священники все еще прибегают к ритуалам экзорцизма, хотя широкая публика не всегда знает об этих обрядах. Не прошло и двух лет с тех пор, как газеты писали об изгнании дьявола из тела женщины, находящейся сейчас в больнице Милуоки. Изгнанный демон назвался Вельзевулом и, предположительно, отправился в ад, где ему самое место.

– Но все это кажется таким невероятным, – сказал инспектор, – и противоречит всем нашим научным представлениям.

– О да, невероятным, – сказал я. – И снова напомню, что все непонятное кажется нам невероятным. Если рассказать африканским дикарям, что в других частях света люди летают по воздуху, плавают в лодках под водой, а у себя дома, повернув ручку, слышат далекое пение других, что они беседуют друг с другом через моря, освещают и отапливают свои дома без всякого огня – разве это не покажется им невероятным только потому, что они не могут этого понять?

– Не стану спорить, – согласился Конрой, – однако...

– Я не убежден в существовании одержимости, – прервал я. – Собственно говоря, я закоренелый материалист и слабо верю в то, что недоступно моему опыту. Но я не буду утверждать, что одержимость невозможна. Мы никогда бы не поверили, что людей можно убить так, как это было проделано с судьей Маллинсом и государственным прокурором Стэнли, но сегодня мы знаем, что это вполне возможно.

– Знаем, к сожалению, – буркнул инспектор. – А еще я знаю, что в каждом из случаев был вынужден скрывать от репортеров правду, потому что мне никто бы не поверил.

– Об этом я и говорю. Каждый день происходят события, в которые никто не верит.

– Но демоническая одержимость! – воскликнул Конрой.
– Я всегда считал ее мифом.

– Имеется бесчисленное множество сообщений об одержимости, – сказал я, – но чаще всего они нуждаются в проверке. С другой стороны, как мы можем их проверить? Как установить, одержим ли этот мужчина или та женщина? Однако в легендах всех народов встречается немало рассказов об одержимости, то же в христианской литературе. И во всех известных мне историях субъект говорит языком злого духа и мыслит разумом этого духа. В наиболее зловещих рассказах субъект начинает напоминать прижизненный облик злого духа.

– Что мы и видели, – сказал Конрой.

– Да, именно это произошло в случае Дороти Кроуфорд. Мы сами видели, как чудовищно она изменяется, стоит лишь духу Сильвио завладеть ею.

Конрой вздрогнул, вспомнив зеленые глаза Сильвио, с ненавистью глядящие на него с лица девушки, тонкие гримасничающие губы и острые зубы существа, охваченного желанием убивать. При мысли о девушке, попавшей во власть чудовища, чья сила была неизвестна ни нам, ни любому из живущих, у меня упало сердце. Мне не хотелось представлять, что произойдет с нею, если мы с инспектором Конроем проиграем схватку с Сильвио.

Я продолжил свои объяснения.

– В некоторых местах, – сказал я, – считается, что одержимость вызывается неблагочестивым поступком, который совершил одержимый или его близкий родственник.

– Это не подходит к случаю мисс Кроуфорд, – сказал Конрой. – Насколько нам известно, она не совершала ничего неблагочестивого и не является родственницей Сильвио.

– В юридическом смысле – является, так как мать ее вышла за него замуж, – сказал я. – Но считается также, что одержимость иногда объясняется враждой со стороны демона в его былом телесном облики. Именно это, мне кажется, и произошло в случае Дороти Кроуфорд. Сильвио ненавидел ее, поскольку она не уступала его уговорам, противилась его зловещему влиянию и не соглашалась покло-

ниться дьяволу. Теперь он пользуется ею, чтобы проникнуть в нашу сферу бытия, и в то же время мстит ей, все больше и больше распространяя на нее свою власть.

– И мы не в силах его остановить, – с сожалением произнес Конрой.

– Думаю, с помощью гипноза нам удастся освободить ее. Когда я усыпил ее, мы сумели заставить Сильвию говорить с нами. Но, пусть мы и сможем в конце концов, пользуясь гипнозом, отвадить от нее Сильвию – это только часть нашей задачи, и притом меньшая.

– Ты хочешь сказать...

– Тем или иным способом, – сказал я, – мы с тобой должны навсегда изгнать Сильвию из нашего мира. Только так мы сможем предотвратить гибель всех тех, кого он собирается убить.

– Но как? – нетерпеливо спросил Конрой. – Черт возьми, как мы можем сражаться с невидимой тварью, которая приходит из ниоткуда?

– Его силы не безграничны. Допустив, что убийства совершает не кто иной, как Сильвию, и что именно он завладел Дороти Кроуфорд путем одержимости, нам придется также принять на веру методы, которые веками использовались для борьбы с ним и ему подобными. Древние легенды говорят: если расстроить козни духа, он потеряет силу и возвратится в ад, откуда явился.

– И как прикажешь это сделать? – спросил Конрой. – Мы его не видим, не знаем, на что он способен и как это делает. Как можем мы ему помешать?

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал я. – Должны быть способы. Вероятно, благодаря гипнозу я рано или поздно получу такую власть над подсознанием Дороти Кроуфорд, что его станет возможно изгнать, но это отнимет слишком много времени.

– Да, – согласился Конрой. – Изгнать его необходимо как можно скорее.

– Совершенно верно, – сказал я. – В давние времена, как и ныне, священники освобождали одержимого злым духом, изгоняя духа. Известны случаи, когда одержимому удава-

лось освободиться благодаря неслыханному акту благочестия, совершенному им или его близким родственником. В других случаях к одержимому дьяволом приводили человека, одержимого добрым духом, и в сражении духов добрый всегда одерживал победу. Возможно, нам и не понадобится прибегать к экзорцизму. У меня есть план, Томми, но мне пока не хотелось бы его раскрывать. Средство отчаянное, но если оно останется последней нашей надеждой, придется попробовать.

Глава девятая

ДОМ В ГРАМЕРСИ-ПАРКЕ

Следующий вечер мы с инспектором Конроем провели в читальном зале Публичной библиотеки. Мы погружались в забытую мудрость древних, лихорадочно изыскивая способ борьбы с жутким чудовищем, которое так внезапно восстало из могильной тьмы и едва не свело нас с ума своими необъяснимыми загадками. Мы просматривали том за томом, и из писаний давно умерших и исчезнувших народов узнали, что во всех цивилизациях известны были мертвые, возвращавшиеся с того света, чтобы творить свои ужасные дела. Неисчислимы были и методы борьбы с ними, но ни один не подходил к занимавшему нас случаю, и мы почерпнули мало полезного из книг.

Уже после одиннадцати мы вышли из библиотеки и сели в автомобиль инспектора – пользуясь своей должностью в полицейском департаменте, он поставил машину с той стороны здания, что выходила на Пятую авеню. Мы отправились ко мне. В доме у меня дежурил детектив, которому было поручено немедленно оповестить нас, если позвонит Дороти Кроуфорд; другой детектив, получивший такие же инструкции, дежурил в кабинете Конроя в департаменте полиции. До сих пор ни они, ни люди, наблюдавшие за домом девушки, с нами не связывались.

Конрой быстро повел автомобиль по Пятой авеню. На Двадцатой улице он повернул на восток и доехал до угла Грамерси-Парка, остановив машину за полквартала до моего дома. Было без четверти двенадцать; вероятно, нам следовало бы поспешить, чтобы узнать у детектива, не получали ли он каких-либо известий за то время, что мы провели в пути. Но вместо этого мы сидели в автомобиле и праздно болтали. Старомодные дома, окружавшие парк, призрачно мерцали в сумрачном свете, лунные лучи играли в свои ша-

ловливые игры с тенями деревьев и угасали в виноградных лозах и ветвях плюща, обвивавших боковые стены и фасады домов.

Мы просидели в машине не больше пяти минут, когда у меня появилось необъяснимое чувство беспокойства; я был практически уверен, что все идет не так и что где-то рядом вот-вот произойдет нечто страшное. Я словно ощущал, не слыша, чей-то зов. Я бросил взгляд на Конроя. Было понятно, что он испытывает то же странное чувство. Инспектор оглядывался вокруг, пристально всматривался в темноту парка и затем беспокойно переводил глаза на фасады старинных зданий. Но ничего необычного, как видно, он не заметил.

– Что происходит? – спросил я.

– Не знаю, – ответил он, – но мне кажется, будто что-то здесь не так.

– У меня такое же чувство! – сказал я. – Что-то... нечто...

– Зловещее! – договорил он за меня.

– Да. Злое и гнетущее. Я чувствую, что должно случиться нечто ужасное.

– Ну что ж, – сказал Конрой, – я ничего не слышал, и не заметил никаких... Господи, Джерри! Смотри!

Он выскочил из автомобиля, махнув рукой в направлении парка.

Там мы увидели женщину. Она появилась неожиданно, со стороны Четвертой авеню. Женщина бежала, заливаясь слезами; я слышал ее всхлипывания. Шляпки на ней не было, ветер раздувал полы ее расстегнутого пальто, пока она мчалась, роняя слезы, вдоль парковой ограды. Когда она поравнялась с фонарем, мы смогли разглядеть ее лицо.

– Томми! – воскликнул я. – Это Дороти Кроуфорд!

Инспектор Конрой мгновенно бросился вдогонку за девушкой.

– За мной, Джерри! – крикнул он.

На бегу Конрой свистнул в полицейский свисток. Издалека, с Третьей авеню, донесся ответный свисток, затем стук дубинки о мостовую и тяжелый топот бегущего к нам полицейского.

Мы подбежали прямо к старому особняку на противоположной стороне парка. Дороти Кроуфорд опередила нас. Мы слышали, как она стучала в дверь и требовала, чтобы ее пустили.

– Чей это дом, Джерри? – задыхаясь от бега, спросил Конрой. – Случайно не знаешь?

– Да, конечно, – ответил я. – Здесь живет старик Дигер. Джером Дигер, собиратель предметов искусства.

Мы слышали, что в доме кто-то спускается по лестнице, шаркая ногами по ступеням, и приближается к двери. Мы подбежали к девушке.

Конрой схватил ее за руку.

– Мисс Кроуфорд! – вскричал он. – Что случилось? Что вы делаете здесь?

Девушка обернулась к нам, и мы снова увидели отвратительные черты Сильвио: заостренные уши, жестокий рот и острые зубы, выбивавшие дробь и жаждавшие крови. Однако глаза ее оставались прежними, и я понял, что чудовище, которое преследовало ее и использовало несчастную в своих нечестивых целях, еще не полностью завладело ею.

Она задрожала и вцепилась в руку инспектора Конроя.

– Скорее! – закричала она. – Мы должны попасть в дом!

– Но в чем дело? – воскликнул инспектор. – Что случилось?

– Они его убивают! – крикнула девушка. – Мы должны попасть в этот дом!

Шаркающие шаги зазвучали громче, и кто-то внутри дома стал возиться с дверным замком.

– О Боже! – вдруг закричала Дороти Кроуфорд. – Смотрите!

Она указала вверх. Свет в окне второго этажа погас – но не исчез внезапно, как бывает, когда поворачивают выключатель, а угас постепенно, словно огонь, задыхающийся от недостатка кислорода. Не успела пасть темнота, как из окна вырвался изжелта-зеленый световой луч, усыпанный грязноватыми пятнами. С оконной рамы свесилась, глядя на нас злобными глазами, в которых блестели и перелива-

лись багровые искры, голова чудовищного черного козла, окруженная желтоватым сиянием.

Но мгновение спустя видение исчезло, и мы услышали где-то в темноте тихое шипение, подобное тому, какое издает змея, готовясь ужалить.

Дороти Кроуфорд застонала и без сил опустилась на крыльцо у наших ног. Инспектор Конрой вскрикнул и принялся нетерпеливо барабанить в дверь. Мы снова услышали, как кто-то возится с запорами и открывает засов, и в это мгновение из комнаты наверху донесся ужасающий крик. Резкий и неописуемо пронзительный вопль длился лишь секунду и перешел в жуткие захлебывающиеся вздохи. Мне доводилось слышать, как такие звуки издавал умиравший в страшных муках солдат, у которого была отстрелена челюсть.

Последовал еще один звук – точно что-то прошло по комнате, тяжело ступая.

И – тишина.

Наконец дверь отворилась, и перед нами предстал испуганный дворецкий.

– Вам сюда нельзя! – воскликнул он. – Убирайтесь!

– Мы из полиции, – объяснил Конрой. – Что произошло?

– Не знаю, – отвечал дрожащий слуга. – Что-то ужасное! Мистер Дигер...

– Где мистер Дигер? – спросил Конрой.

– Наверху, на втором этаже. Должно быть, с ним случилось ужасное несчастье!

Конрой оттолкнул дворецкого в сторону и бросился вверх по лестнице. Я склонился над Дороти Кроуфорд. Пока я ее осматривал, к дому подбежал полицейский, тот самый, что свистел нам в ответ и стучал дубинкой, призывая подмогу. Он узнал меня, так как раньше не раз видел в обществе инспектора Конроя.

– Патрульный Джонсон, доктор, – представился он. – В чем дело?

– Мы не знаем, – сказал я. – Помогите внести девушку в дом. Инспектор Конрой наверху.

Мы подняли Дороти Кроуфорд на руки и внесли ее в холл, где дворецкий успел зажечь свет. Девушку мы разместили на кушетке. Она была без сознания, но я видел, что непосредственная опасность ей не угрожает. Решив, что ее можно оставить без присмотра, я последовал за патрульным Джонсоном на второй этаж.

Инспектор Конрой пытался открыть дверь цельного дуба, ведущую в библиотеку Дигера.

– Заперто изнутри! – крикнул он.

Инспектор наклонился и приложил ухо к замочной скважине, внимательно прислушиваясь.

– Слышишь что-нибудь? – спросил я.

– Ничего, – ответил он. – Тихо, как в могиле. Придется сломать дверь.

Он отошел в сторону, и я рассказал ему о состоянии Дороти Кроуфорд. Тем временем патрульный Джонсон, могучего телосложения полицейский, обладавший силой быка, ударил плечом в дверь. Дерево затрещало, когда дверь соскочила с петель; после двух или трех ударов Джонсона замок сломался и дверь упала. Конрой ворвался в комнату.

– Зажгите свет! – закричал он.

Я ощупал руками стену и нашел у двери электрический выключатель. Мгновение спустя канделябры разлили по комнате яркий свет.

Комната была большой, примерно тридцать на сорок футов; она занимала, по-видимому, весь второй этаж, за исключением холла и лестницы. Все три окна выходили на улицу; два окна были скрыты портьерами.

Стены украшал почти сплошной ковер из ножей, кинжалов и мечей всевозможных размеров и форм, а тут и там в комнате стояли языческие идола; их было больше двадцати. То были скульптуры, составлявшие знаменитую коллекцию Дигера – вероятно, самое крупное собрание такого рода в Соединенных Штатах. Они были выполнены из бронзы и дерева, камня и латуни, изваяны и вытесаны искусными руками. Могло показаться, что они были расставлены в комнате по размеру, но на самом деле, видимо, порядок диктовался их важностью, так как все они будто по-

клонялись большой бронзовой статуе, помещенной на пьедестале в дальнем конце комнаты, в углу у одного из окон.

Но не там, а у стола мы обнаружили то, что страшилось найти.

Джером Дигер сидел, точнее, полулежал за столом: его туловище и голова покоились на столе, руки были протянуты вперед. Когда произошло нападение, он что-то писал или собрался писать; перед ним на столе лежали листы бумаги, рядом – ручка.

Я поспешил к старику и, подойдя поближе, увидел, что голова Дигера лежит в луже крови, которая расширялась с каждой пульсацией его сердца. Не теряя времени, я велел патрульному Джонсону поскорее принести из автомобиля Конроя мой медицинский саквояж. Затем я пощупал пульс старика, проверяя, жив ли он.

– Он мертв? – спросил Конрой.

– Нет, – ответил я. – Пульс едва прощупывается, но... Господи Боже, Томми! Только погляди!

Я поднял руки Дигера.

Ни на одной из рук не было пальцев!

– Пальцы отрезаны! – ахнул инспектор.

Я наклонился и быстро осмотрел руки жертвы.

– Не отрезаны, Томми, – сказал я. – Думаю, их размозжили каким-то тяжелым предметом!

Я приподнял голову старика, и то, что я увидел, на мгновение лишило меня профессиональной невозмутимости.

– В чем дело? – воскликнул Конрой.

– У него вырезан язык! – вскричал я. – Вырезан ножом!

– Он сможет говорить?

– Сумеет, я полагаю, издавать звуки, – ответил я, – но о членораздельной речи можно забыть навсегда!

Тем временем полицейский вернулся с моим саквояжем; я достал инструменты и занялся ранами жертвы.

– Что мне делать с девушкой, инспектор? – спросил полицейский. – Она все еще внизу, в холле.

– Чем она занята? – в свою очередь спросил я.

– Когда я вернулся, – сказал полицейский, – она пыталась выбраться на улицу, но я запер дверь. Ее что-то связывает с этим делом?

– Мы точно не знаем, – ответил я. – Может, ничего, а может, все.

– Дикая она какая-то, – сказал патрульный Джонсон. – Когда я ее остановил, она начала меня душить, а после заплакала и упала на пол.

– Где дворецкий? – спросил Конрой. – Что с ним?

– Я велел ему подняться сюда, – ответил патрульный. – Он пытался скрыться вместе с девушкой. Они оба, похоже, чего-то страшно боятся.

– Она что-нибудь говорила?

– Бормотала что-то похожее на «Он здесь! Он здесь!»

– И где теперь дворецкий? – спросил инспектор.

– Стоит у лестницы, – сказал полисмен. – Я велел ему оставаться там и ждать, пока его не позовут – и объяснил, что его ждет, если он не подчинится.

– Приведите его в комнату, – распорядился Конрой. – Приведем и девушку, Джерри? – спросил он. – С ней все хорошо?

– Она в полном порядке, – сказал я. – Допросим ее позднее. Но не позволяйте ей покидать дом.

– Ключи у меня в кармане, – сказал полицейский.

– Прекрасно, – сказал инспектор. – А теперь, Джонсон, вызовите карету скорой помощи и свяжитесь с участком на 22-й улице, пусть пришлют сюда детективов. Затем вместе с дворецким обыщите весь дом, от пола до потолка.

Он повернулся к слуге, который успел войти в комнату и стоял у двери с выражением ужаса на лице.

– Ваше имя? – спросил инспектор.

– Хендрикс, сэр.

– Вы в доме один?

– Да, сэр. Здесь никого нет, кроме меня и мистера Дигера.

– У мистера Дигера есть семья?

– Не думаю, сэр.

– Вы знакомы с молодой женщиной? Той, что пришла с нами?

- Кажется, я ее видел раньше, сэр.
- Известно ли вам, зачем она пришла сюда?
- Нет, сэр.
- Где вы ее видели?
- Если не ошибаюсь, здесь... в доме, сэр. Я не уверен.
- Она – родственница мистера Дигера?
- Может быть, сэр. Я не знаю.

Инспектор Конрой с любопытством поглядел на него.

– Ну хорошо, – сказал он. – Ступайте и покажите полицейскому дом. После мне нужно будет поговорить с вами.

Патрульный Джонсон и дворецкий ушли. Я занялся более тщательным осмотром раненого. Обрубки пальцев имели весьма странный вид; внимательней осмотрев их, я громко вскрикнул от ужаса. Инспектор Конрой тотчас оказался рядом.

– Его пальцы были отгрызены, Томми! – воскликнул я. – Смотри!

– Отгрызены!

– Да! – крикнул я. – Смотри! Видны следы зубов!

– Кто способен отгрызть у жертвы пальцы?

– Сомневаюсь, что это мог сделать человек, – сказал я, – однако животное...

– Животное! – вскричал Конрой. – Козел, которого мы видели!

Мы замолчали, отгоняя жуткие образы, встававшие в сознании.

– Как могло животное... это животное... проникнуть сюда? – спросил инспектор. – И куда оно исчезло?

Но вопрос его, как и многие другие вопросы, которые мы задавали себе на протяжении минувших дней, остался без ответа. Я отвернулся и вновь занялся раненым. Конрой стал осматривать комнату, так как, поглощенный страшными событиями, еще не успел это сделать. Все три окна, как он обнаружил, были закрыты и заперты изнутри на засовы. Через них никто не смог бы проникнуть в комнату; мало того, убийца не мог бежать через окно.

– Ничего не понимаю, – признался Конрой. – У нас имеется комната с четырьмя выходами, то есть дверью и тремя

окнами, и все они заперты изнутри. В комнате находится тяжело раненый человек, причем раны могли быть нанесены животным. Никто не мог попасть в комнату или выйти из нее.

– Но язык старика вырезало ножом вовсе не животное, – напомнил я ему.

Конрой лишь безнадежно пожал плечами и принялся бесцельно расхаживать по комнате. Он рассматривал ножи и кинжалы на стенах, словно надеялся найти в них разгадку тайны. Больше я ничем не мог помочь Дигеру. Старик по-прежнему был без сознания; я перенес его на диван и оставил там. Затем я направился было вниз, чтобы осмотреть Дороти Кроуфорд, но в эту минуту в комнату вошли дворецкий и патрульный Джонсон, и я решил узнать результаты их поисков.

– Мы ничего не нашли, – сказал полисмен. – Все двери и окна наверху и внизу закрыты и заперты. В доме безопасно, как в крепости.

– Эта комната также могла показаться непроницаемой, – заметил Конрой. – И все же кто-то напал на Дигера и сумел скрыться, прежде чем мы подоспели.

– Может быть, дело в ключе? – предположил Джонсон. – Его ведь могли повернуть снаружи с помощью щипцов, какими пользуются грабители?

Конрой поднял ключ.

– Нет, – сказал он. – Видите, кончик такой короткий, что почти не выдается за зубцы. Такой не ухватишь щипцами или пассатижами. Да и времени было мало. Работа сама по себе несложная, но тонкая и требует осторожности, иначе ключ выпадет из замка.

Конрой и полисмен продолжали рассматривать ключ, тогда как дворецкий – движимый, надо полагать, профессиональной любовью к порядку – направился к столу. Он стал перекладывать книги и вдруг издал громкий крик. Мы обернулись и увидели, как он, с искаженным от ужаса лицом, судорожно раскрывая и закрывая рот и сжав себе горло обеими руками, резко отшатнулся от стола.

Слуга повернулся, собираясь бежать, и рухнул на пол.

– О Боже! – вскричал Конрой. – Что там еще?

Я поспешил к дворецкому; Конрой подбежал к столу и окинул его взглядом в поисках того, что так испугало слугу.

– Он в обмороке, – сказал я. – Ничего серьезного. Через несколько минут придет в себя. Он...

Я поднял голову.

Инспектор Конрой и Джонсон стояли у стола, и глаза их от потрясения и ужаса буквально вылезали из орбит.

– В чем дело? – воскликнул я.

– Только посмотри, Джерри, – хрипло проговорил Конрой. – Господи Боже! Взгляни!

Неудивительно, что дворецкий упал в обморок.

В середине стола под грудой книг, скрывавших до времени страшные трофеи, лежали десять оторванных пальцев Дигера и язык, вырезанный у него изо рта!

С минуту мы простояли молча. После я наклонился и начал собирать пальцы.

– Не делай этого, Джерри! – сказал Конрой. – погоди! Взгляни, как они расположены!

И действительно, кровавая добыча образовывала грубое подобие геометрической фигуры.

– Оставим их пока на месте, – сказал Конрой. – Вполне очевидно, что пальцы и язык поместили здесь с определенной целью, хотя одному Богу известно, с какой.

– Зарисуй их расположение, – предложил я. – Если что-то сдвинут с места, у тебя всегда останется рисунок.

– Хорошая мысль, – сказал Конрой и достал записную книжку.

Общими усилиями мы скопировали жуткую фигуру.

– Похоже на китайский иероглиф, – сказал Конрой.

– Да, – сказал я. – Иного толкования и быть не может.

– Но почему? – воскликнул Конрой. – Зачем? Зачем китаю, если только на старика Дигера и в самом деле напал китаец, оставлять нам такие улики?

– Не знаю, – сказал я. – Однако же они перед нами.

– И если это был китаец, – продолжал Конрой, – то как он умудрился проникнуть в комнату и исчезнуть из нее, оставив все двери и окна закрытыми?

– На этот вопрос нам придется найти ответ, – сказал я.

Инспектор Конрой утвердительно буркнул и склонился над столом, отчаянно и напрасно пытаясь уловить смысл в расположении пальцев и языка. На время мы забыли о девушке, запертой внизу, в холле, забыли о том, что она была ключом ко многим поразительным загадкам. Даже дворецкий, лежавший в обмороке у наших ног, был забыт. Мы забыли и о патрульном Джонсоне, который тем временем принялся методично, один за другим, осматривать висевшие на стенах ножи и кинжалы, надеясь найти тот, что использовал нападавший. Все мы понимали, что преступление, по крайней мере частично, было совершено с помощью ножа.

Мы с инспектором сидели у стола. До нас смутно доносились шаги патрульного Джонсона где-то за спиной; но мы были погружены в свои размышления – старались осмыслить случившееся и выстроить события в некую цепочку, которая позволила бы нам двигаться дальше.

Внезапно мы услышали чей-то зов, исполненный смертельного ужаса.

– Дороти Кроуфорд! – вскричал Конрой.

Мы выбежали на лестницу и посмотрели вниз. Там, в холле, девушка вскочила на ноги – и со страшными криками бросилась к нам по ступеням.

– Доктор! Инспектор! Берегитесь! Он вернулся! Он...

Из комнаты донесся жуткий вопль, крик агонии и страха, который тут же перешел в захлебывающиеся вздохи.

Мы поспешили в комнату и увидели у стола распростертое тело патрульного Джонсона.

Положение тела и неестественно вывернутые конечности не оставляли сомнений: полицейский был мертв!

Мы в ужасе застыли у двери, и тогда в комнату вбежала Дороти Кроуфорд.

– Я вижу его! – закричала она. – Он здесь! О Боже!

Глава десятая

СЛОМАННЫЕ НОГТИ

В комнате ощущалось чье-то тревожное, давящее присутствие. Я никого и ничего не видел, но чувствовал это ужасающее, кошмарное присутствие вокруг нас; мы были не в силах что-либо предпринять – нам оставалось только ждать, ждать в ужасе и страхе. Чем бы оно ни было, борьба с ним была бесполезна. В ноздри проник тот странный и гнетущий запах, который стоял в доме государственного прокурора Стэнли и о котором дворецкий судьи Маллинса рассказывал в ночь убийства судьи инспектору Конрою.

Запах постепенно сгущался, становясь все отвратительнее; пахло гнилостью и сернистыми испарениями. Я чувствовал, что задыхаюсь. Я хотел было заговорить с Конроем, но изо рта у меня вылетело лишь хриплое бормотание. Инспектор стоял рядом, глядя прямо перед собой помертвевшими от ужаса глазами, недвижимый, утративший дар речи. Чуть поодаль, в комнате, Дороти Кроуфорд сжала руками горло, глядя на что-то невидимое мне с тем же выражением ужаса.

Мне почудилось, что углу комнаты возникла ярко-красная точка, но мгновение спустя она исчезла.

И затем воздух внезапно очистился, запах исчез и я успел повернуться как раз вовремя, чтобы поймать Дороти Кроуфорд, которая, издав душераздирающий стон, упала без сознания мне на руки. Я опустил ее на пол и поспешил к патрульному Джонсону – я видел, что девушка не пострадала, и надеялся хоть чем-то помочь полисмену.

Увы, надежды оказались напрасны. Он был мертв.

Инспектор, присев на корточки, пошарил руками по полу у тела полисмена и поднял изогнутый, тяжелый кинжал

со зловещим трехгранным лезвием, наполовину покрытым запекшейся кровью.

– Это нож нападавшего, – заметил он. – Джонсон, должно быть, нашел его.

– Как и самого преступника, – сказал я. – Томми, это *пхур-бу*, кинжал, используемый дьяволопоклонниками Тибета и Китая. В их ритуалах таким кинжалом перерезают горло младенцам, предназначенным в жертву.

– Джонсона ударили кинжалом?

Я перевернул тело полицейского и внимательно его осмотрел, но не нашел на теле никаких ран.

– Не понимаю, что его убило! – воскликнул я. – К нему никто не прикасался!

– Как же он умер? – настаивал Конрой.

– Ответ может дать только вскрытие, – сказал я, – да и то я в этом не уверен. Однако мне кажется, что он умер от сильного потрясения.

Инспектор Конрой, ошеломленный и сбитый с толку чередой ужасных событий, только покачал головой. Не прошло и получаса с тех пор, как мы вслед за Доротой Кроуфорд оказались на крыльце старого особняка и увидели козлиную голову и странную вспышку желтого света в окне – не говоря уже о том, что за это недолгое время один человек был убит, а второй ранен так тяжело, что едва ли сможет оправиться.

А на полу рядом с мертвецом и обреченным на смерть лежали без сознания мужчина и женщина, для которых потрясение оказалось слишком сильным.

Мои мысли были прерваны голосом Конроя.

– Что с девушкой? – спросил он. – С нею все хорошо? А дворецкий?

– О дворецком можно не беспокоиться. Это всего лишь обморок и через несколько минут он очнется. Что же касается Дороты Кроуфорд...

Я поспешил к ней. Она по-прежнему была без сознания, пульс еле прощупывался. Я опасался, что силы ее на исходе.

– Когда мы сможем с ней поговорить? – спросил Конрой. – Необходимо узнать, что связывает ее со стариком Ди-

гером и что привело ее сюда. Видимо, здесь не обошлось без Сильвио.

– Несомненно, – ответил я. – Она ведь кричала, что он здесь и что она его видит. Думаю, она имела в виду Сильвио. Однако сегодня побеседовать с ней мы не сможем. Состояние девушки тяжелое, и ее необходимо отправить в больницу.

– Как Дигер?

– Не знаю, Томми. Перевозить его мне бы не хотелось. Тряска в карете скорой помощи, вероятно, убьет его. Но его следует немедленно прооперировать.

– Ты можешь провести операцию здесь?

– Полагаю, что да, – ответил я. – Я уже остановил кровь и принял самые срочные меры. Нужна будет помощь.

Найдя в холле телефон, я позвонил в больницу и попросил прислать двух медсестер, врача-интерна и необходимые для операции инструменты. После этого я занялся дворцом. Он вскоре пришел в себя и, шатаясь, поднялся на ноги. С его помощью я перенес Дигера в спальню на третьем этаже старого особняка, где мы уложили раненого в постель и постарались устроить его со всеми удобствами.

Он пришел в сознание, хотя был очень слаб, и пытался что-то сказать, когда мы его несли, но мог только мычать. В спальне я наклонился к его губам, надеясь уловить какой-нибудь звук, который поможет нам приблизиться к разгадке. Могу ошибаться, но у меня создалось впечатление, что Дигер просил не увозить его из дома и предупреждал о том, что «оно» непременно вернется.

Через некоторое время он снова потерял сознание, но общее его состояние несколько улучшилось, и у меня появилась надежда, что жизнь старика все же удастся спасти. Конечно, мои медицинские умения не могли вернуть ему пальцы и язык: если он и поправится, то остаток жизни проведет без пальцев и членораздельно говорить не сможет.

Пока я находился наверху, прибыла карета скорой помощи. Я спустился вниз и помог перенести Дороти Кроуфорд из дома в автомобиль. Она все еще была без сознания, однако пульс бился живее. Я счел, что ее состояние улучшится, как

только она окажется в спокойной обстановке, вдалеке от этого дома смерти. Затем, вместе с сестрами и интерном, я направился наверх, в спальню, где лежало в постели бесчувственное тело Дигера.

Операция заняла почти час. Спустившись в библиотеку, я застал Конроя в компании незнакомца, которого он представил как детектива Оливера. Патрульный автомобиль уже увез тело полисмена Джонсона в морг; там судебный медик должен был провести вскрытие.

– Как Дигер? – спросил Конрой, когда я вошел в комнату.

– По-прежнему без сознания, но непосредственная опасность миновала, – сказал я. – Мне кажется, к нему возвращаются силы.

– Он выживет?

– Не могу сказать, – ответил я. – Он получил серьезные ранения и испытал страшное потрясение. Будь он моложе, у него было бы больше шансов.

– Когда мы сможем с ним поговорить?

– Никак не ранее утра. Он может вскоре прийти в себя, но сейчас расспросы не рекомендуются. К тому же, что он в состоянии сообщить? Говорить он не может.

– Нужно найти способ его понять.

Я рассказал Конрою о мычании, которое издавал на лестнице старик, и о своих предположениях.

– Если *оно* вернется, – мрачно проговорил инспектор, – мы должны быть здесь.

Он замолчал, нервно барабанил пальцами по столу тикового дерева. Стол был теперь пуст, за исключением жутких реликвий, оставленных преступником. Когда я разглядывал их, меня поразили ногти на пальцах старика. Я еще раз осмотрел пальцы и обнаружил, что ногти на указательном и безымянном пальцах правой руки были искорежены и сломаны. Я указал на это инспектору.

– Выглядит так, – сказал Конрой, – точно он пытался схватить напавшего на него человека.

– Едва ли это объясняет, почему ногти сломаны, – возразил я. – Ногти на остальных пальцах целы. На них виден

маникюр. Сломаны только два ногтя, как будто старик царапал какую-то твердую поверхность.

Конрой долго изучал пальцы, не произнося ни слова.

– Он пытался что-то ухватить, – сказал наконец инспектор, – и сломал ногти. Таково единственное объяснение.

– Но что?

Конрой пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Я ничего не понимаю в этом деле. Тайну необходимо разгадать, а я даже не знаю, с чего начать. Что скажете, Оливер?

– Никогда с таким делом не сталкивался, сэр, – ответил детектив. – У меня только одно предположение: кто-то пробрался в комнату, напал на старика Дигера и затем спрятался. После этого он убил Джонсона и ускользнул незаметно для вас и доктора Смита.

– В таком случае, как он убил Джонсона? – осведомился инспектор. – Доктор Смит утверждает, что на теле нет ни царапины.

– Полисмен не был застрелен или зарезан, – добавил я.

– Он не был забит до смерти. Иными словами, он не был убит ни одним из известных мне способов. Томми, я убежден, что он умер от страха!

Конрой был склонен со мной согласиться. Пережитые нами ужасы и впрямь заставляли думать, что Джонсон мог увидеть нечто еще более жуткое.

– По правде говоря, Оливер, – заметил инспектор, – в комнату никто не мог незаметно войти или выйти. Здесь нигде спрятаться: до того, как Джонсон был убит, мы с ним и доктором Смитом прочесали каждый дюйм этой комнаты. Мы видели в окне что-то похожее на козла, но никакого козла здесь не было. Преступник не смог бы покинуть комнату после убийства Джонсона, не попавшись на глаза мне или доктору Смигу.

– Других предположений у меня нет, – упрямо сказал детектив.

– Поймите же наконец! – вскричал Конрой. – Джонсон умер в пятнадцати футах от нас! Мы стояли у двери!

– А окна?

– Окна были закрыты, как и сейчас.

Детектив недоуменно пожал плечами.

– И почему оторванные пальцы расположены именно таким образом? – спросил инспектор.

– Понятия не имею, – ответил детектив. – Я не знаю, что это все означает. Даже гадать не возьмусь.

– Что-то китайское, я полагаю, – сказал я.

– Да, – сказал Конрой. – Расположение пальцев напоминает китайский иероглиф. Если это так, нетрудно будет установить, что он означает.

– И получить какую-то подсказку, – подхватил детектив.

– Что ж, – сказал Конрой, – пока что у нас на руках нет ровно ничего, помимо того, что видели мы сами – Дигер лежит на столе, двери и окна заперты. После произошли и другие события, но в комнате никого не было! Говорю вам, уцепиться не за что, если только Дороти Кроуфорд не поведает нам что-нибудь новое. Остается старик Дигер: очень надеюсь, что он сможет рассказать нам о случившемся и мы окажемся в состоянии его понять.

Конрой, безусловно, был прав. Ни свидетельств, ни улики, лишь результаты действий убийцы.

Инспектор смотрел на стол, замороженный чудовищным узором из пальцев и языка. Внезапно он повернулся ко мне.

– Где дворецкий?

– Остался наверху, вместе с медицинской сестрой.

– Приведите его, – бросил Конрой Оливеру. – Мне нужно с ним поговорить.

Вскоре Оливер вернулся с дворецким; лицо последнего все еще покрывала сероватая бледность страха. Конрой испытующе взглянул на него, и дворецкий отступил в темный уголок, уставившись на диван, точно перед ним было самое восхитительное произведение мебельного искусства.

– Хендрикс! – позвал инспектор. – Подойдите ближе.

Слуга нервно приблизился к столу.

– Положите руки на стол, – распорядился инспектор, – ладонями вниз.

– В чем дело, сэр? – спросил дворецкий.

– Положите руки на стол, – повторил инспектор, – вниз ладонями.

Хендрикс подчинился, и на правой руке, прямо под суставом безымянного пальца, мы увидели длинную царапину – красную незажившую ранку, которая, без сомнения, появилась совсем недавно.

– Где вы поцарапали руку? – спросил Конрой.

– В подвале, сэр, – отвечал дворецкий, нервно переминаясь с ноги на ногу. – Я помогал полицейскому передвинуть коробку и зацепился рукой за гвоздь.

– Полицейскому, который был потом убит?

– Да, сэр.

Инспектор Конрой посмотрел на дворецкого долгим и многозначительным взглядом.

– Но такую царапину может нанести и ноготь, верно? – наконец спросил он.

– Да, сэр, – ответил дворецкий. – Полагаю, так, сэр. Не знаю.

– От этого ногти не сломались бы, – вмешался я.

– Что ж, – сказал Конрой. – Должно быть, ты прав.

Он повернулся к слуге.

– Сядьте на диван, Хендрикс, – сказал он. – Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Глава одиннадцатая

ИСТОРИЯ ДВОРЕЦКОГО

Старое, морщинистое лицо дворецкого говорило о долгой жизни и богатом опыте. Оно было смуглым, восточного типа, с блестящими черными глазами миндалевидной формы. Я вдруг подумал, что он легко сошел бы за китайца. Очевидно, та же мысль пришла в голову инспектору Конрою, и первый вопрос, который он задал дворецкому, звучал так:

– Откуда вы родом, Хендрикс?

– Я родился в Индии, сэр, – ответил дворецкий.

– Какой вы национальности?

– Моя мать была индуской, отец мой китаец, – тихо ответил он. – Но я образованный человек, сэр! – продолжал слуга с внезапной вспышкой гнева. – Я учился в Гейдельберге и Сорбонне!

– Почему вы называете себя Хендриксом?

– Мое настоящее имя трудно выговорить. Мистер Дигер звал меня Хендриксом. Я принял это имя, когда приехал сюда.

– Давно вы служите у мистера Дигера?

– Я поступил к нему в услужение около пятнадцати-двадцати лет назад, сэр. Я сопровождал его во время экспедиции из Калькутты в центральную Индию, и он привез меня с собой в Соединенные Штаты.

– В доме есть еще слуги?

– Проживающих нет, сэр. Повар, служанка и горничные приходят ежедневно. Но в доме из слуг живу только я.

– Итак, мистер Дигер живет один?

– Да, сэр.

– У него есть родственники?

– Мне о них ничего не известно, сэр. Но мистер Дигер очень скрытен. Он никогда не посвящал меня в свои дела.

– Вы говорили, что и раньше видели молодую женщину, которая пришла сегодня с нами, – сказал инспектор Конрой.

– Да, сэр. Кажется, видел. Несколько лет назад.

– Где?

– Здесь, сэр. Она несколько раз приходила в дом. Беседовала с мистером Дигером в библиотеке, но надолго не оставалась.

– Она всегда приходила одна?

– Нет, сэр. Однажды с ней пришел мужчина, а в другой раз женщина. Она называла ее своей матерью. Это было давно.

– Как давно?

– Точно не помню, сэр. Пять лет тому, два года... Не припоминаю.

– Является ли эта девушка родственницей мистера Дигера?

– Не знаю, сэр.

Инспектор помолчал.

– Хорошо, – наконец произнес он. – А теперь расскажите, что произошло сегодня вечером.

Дворецкий сообщил, что Джером Дигер, вернувшись домой около десяти, направился прямо в библиотеку, как было у него заведено.

– Он был занят, мне кажется, составлением каталога своей коллекции, – продолжал дворецкий. – Я постучал в дверь около половины двенадцатого и спросил, не понадобится ли ему что-либо, так как собирался лечь спать. Мистер Дигер попросил его не беспокоить.

– Вы пробовали открыть дверь?

– Да, сэр. Я постучал и затем нажал на дверную ручку.

– И дверь была заперта?

– Да, сэр. Она не открылась.

– Мистер Дигер обычно запирает дверь?

– Он никогда раньше не запирался, сэр, но в какой бы комнате ни находился, всегда закрывал окна и задергивал портьеры. Он отличался... некоторыми странностями, если можно так сказать.

- Он это как-то объяснял?
- Видите ли, сэр, однажды он сказал мне, что когда-нибудь с ним что-то расправится и что гибель, вероятно, явится через окно.
- Он говорил, что его убьет? – встрепнулся Конрой.
- Нет, сэр, – ответил Хендрикс. – Сказав это, мистер Дигер рассмеялся, и я подумал, что он шутит. Но он всегда проверял оконные засовы. И очень не любил выглядывать из окна.
- Почему? – спросил Конрой.
- Не знаю, сэр. Помню, он сказал мне: «Хендрикс, как-то я увидел кое-что из окна – скажем, своего рода окна. При виде такого у тебя кровь застыла бы в жилах!»
- Он пояснил, что означали эти слова?
- Нет, сэр.
- А вы его спросили?
- Да, сэр. Он сказал, что не рассказывал об этом никому, кроме своей внучки. Она знает об этом деле все, сказал он, и ей известно, что именно его убьет.
- Вы когда-либо видели его внучку?
- Если и так, она не представлялась, сэр.
- Происходило в доме что-либо необычное до нападения на мистера Дигера?
- Нет, сэр. Я ничего не слышал и не видел, пока не услышал крик мистера Дигера.
- Где вы в этот момент находились?
- Я как раз спустился вниз и направлялся в заднюю часть дома, чтобы посмотреть, все ли там заперто. Проходя через холл, я услышал ваш стук и затем крик мистера Дигера.
- Что случилось после этого?
- Крик перешел в какой-то захлебывающийся звук, после я услышал тяжелые шаги. Я попытался войти в комнату, но дверь была заперта. Тогда я спустился вниз и впустил вас и остальных.
- Инспектор Конрой умолк, нервно барабанил кончиками пальцев по столу и глядя на узор, образованный пальцами и языком жертвы. Затем он спросил:
- Кто-либо угрожал жизни мистера Дигера?

– Нет, сэр.
– Мистер Дигер много путешествовал, не так ли?
– Не в последние годы, сэр. Но до этого путешествовал очень много.

– Вы обычно сопровождали его?
– Да, сэр. Особенно во время поездок в Индию. Я хорошо знаю эту страну.

– Что он приобретал в путешествиях?
– Идолы, ножи и тому подобное для своей коллекции.
– Бывали у него стычки с туземцами?
– Да, сэр, – ответил дворецкий. – Очень часто. При мне он убил туземного жреца в Тибете. А однажды я слышал, как он рассказывал другому джентльмену, что в Китае лишил жизни двух жрецов, пытаясь завладеть неким идолом.

Инспектор Конрой положил на стол перед дворецким раскрытую записную книжку и указал на изображение загадочной фигуры.

– Кстати, Хендрикс, – небрежно осведомился он, – что это означает?

Лицо дворецкого не дрогнуло. Он спокойно поглядел на рисунок.

– Не знаю, сэр.
– А раньше подобное видели?
– Нет, сэр.
– Китайский иероглиф, не правда ли?
– Может быть, сэр. Не могу сказать.
– Разве вы не знаете китайский? Ведь отец у вас китаец.
– Не знаю, сэр. Отца я никогда не видел. Я воспитывался в английской семье.

– Хорошо, – сказал Конрой. – Можете идти. Но дом не покидайте.

Инспектор поднялся на ноги.

– Я так думаю, Джерри, – сказал он мне, – что нам с тобою стоит отправиться по домам и немного поспать. Здесь нам больше нечего делать. Нужно сперва понять смысл этого иероглифа, а затем поговорить с Дороти Кроуфорд.

– Поеду домой, как только удостоверюсь, что Дигера можно поручить заботам медсестры, – сказал я. – Но придется

сперва заехать в больницу, чтобы проверить состояние мисс Кроуфорд и некоторых других пациентов.

Инспектор Конрой позвонил в главное управление полиции. Когда в старый особняк Грамерси-Парка прибыли два детектива из отдела убийств, инспектор вручил им копию рисунка и отправил обоих в Чайнатаун. Детектив Оливер повез кинжал дьяволопоклонников в управление, где экспертам предстояло осмотреть оружие на предмет отпечатков пальцев, а полдюжины полицейских из участка на 22-й улице получили приказание занять сторожевые посты вокруг дома, на крыльце, на нижнем этаже и в библиотеке.

Час спустя, оставив старика Дигера на попечении ночной сестры, я поехал в больницу. Раненый еще не пришел в сознание, но его состояние улучшилось и показалось мне удовлетворительным. До больницы я добрался на такси; на встречу мне бросилась старшая медсестра ночной смены.

– Доктор! – воскликнула она. – Ваша странная пациентка заговорила!

– Заговорила! – сказал я. – Та женщина с ранами на руках и ногах? И что же она сказала?

– Ничего, – сказала старшая сестра, – по крайней мере ничего такого, что мы смогли бы понять. Но она кричала!

– Расскажите мне все, – велел я, когда мы поспешно направились в комнату больной.

– Это случилось, когда мимо двери пронесли молодую женщину, – сказала старшая сестра. – Пациентка внезапно начала кричать. Вбежав в комнату, я увидела, что она сидит на кровати с протянутыми руками и не сводит глаз с двери.

– Было что-нибудь еще?

– Когда я вошла, она откинулась на подушки и замолчала. Подойдя к ней, я увидела, что ее раны кровоточат. Я поспешила за бинтами, вернулась и... доктор, это просто невероятно!

– Что? – воскликнул я. – Что случилось?

– Кровь исчезла! – понизив голос до шепота, проговорила она. – На повязках я не нашла ни единого пятна крови!

– Куда же она подевалась?

– Не знаю. Куда-то исчезла. Сначала повязки были все красные от крови. Когда я вернулась, они были белы, как снег.

Станным показался мне рассказ сестры. В состоянии пациентки, похоже, не произошло никаких изменений со времени моего последнего посещения. Она лежала неподвижно, с широко раскрытыми глазами и прежним выражением ужаса и муки на лице. Я попытался разговаривать ее. Она не отвечала и лишь молча глядела на меня – но что это был за взгляд!

– А пациентка, что так взволновала ее?

– Молодая женщина. Хирург из кареты скорой помощи сказал, что вы направили ее в больницу.

– Дороти Кроуфорд! – воскликнул я.

– Да, кажется, так ее звали. Она очень больна.

– Вы правы, – кивнул я. – Никто на свете так не болен. И никому еще не грозила такая опасность.

Я велел хирургу скорой помощи разместить Дороти Кроуфорд в отдельной палате и поспешил туда вместе со старшей сестрой. Девушка находилась в том же состоянии, в каком ее увезли из дома старика Дигера. Она оставалась в сознании, но впала в оцепенение, и некоторое время спустя я оставил попытки привести ее в чувство. Ее губы двигались, пока я осматривал ее; я уловил слово «мама», которое она еле слышно пробормотала несколько раз. В ее голосе звучало страдание.

Я ничем не мог ей помочь. Я велел сестрам предоставить ей лучший уход и известить меня, как только она оправится. Нам с инспектором Конроем необходимо было как можно скорее расспросить ее о покушении на Джерома Дигера, узнать, был ли Сильвио как-то причастен к этому кровавому преступлению и не его ли зловещая тень стояла за жуткими происшествиями в старом особняке.

Глава двенадцатая

ЗНАЧЕНИЕ УЗОРА

Я вернулся в дом Дигера около десяти утра и немедленно направился в комнату старика. Дежурная сестра сказала, что ночь прошла спокойно. Сменив повязки на ранах Дигера, я спустился вниз, где нашел инспектора Конроя и детектива Оливера. Детектив только что привез из управления кинжал, который мы нашли у тела патрульного Джонсона и которым, как мы полагали, воспользовался преступник; он сказал, что экспертам не удалось найти никаких отпечатков пальцев.

Инспектор и детектив успели также вновь обыскать дом, но не нашли ничего достойного нашего внимания. Все вещи находились на своих местах. Если бы мы сами не испытывали все ужасы минувшей ночи, мы никогда бы не поверили, что они могли случиться в этом мирном на вид доме.

– Как Дигер? – спросил Конрой, рассказав мне о своих утренних разысканиях.

– Состояние примерно то же, что и вчера, – ответил я. – Но он в сознании и, может быть, нам удастся его покормить.

– Мы можем с ним поговорить?

– Сейчас нельзя, – сказал я. – Он очень слаб и любое волнение для него пагубно.

– Это очень важно, Джерри, – сказал инспектор. – Вполне возможно, что он знает, кто на него напал, и сумеет как-то рассказать нам об этом. Преступник, способный совершить вещи, свидетелями которых мы стали в этой комнате, не может оставаться на свободе. Он должен быть пойман. Не исключено, что рассказ старика поможет связать вчерашние преступления с убийствами судьи Маллинса и государственного прокурора Стэнли.

Он достал из кармана записную книжку и стал перелистывать страницы, пока не нашел изображение узора, выложенного с помощью пальцев и языка Дигера.

– Быть может, он расскажет нам и об этом, – сказал инспектор.

– Ты установил, что означает иероглиф?

– Да, – сказал Конрой. – В Чайнатауне нам подсказали. Это китайское слово, которое читается как «к-у-э-й».

– Куэй, – повторил я. – И что это означает?

– Это означает... Джерри, этим китайским словом обозначается дьявол.

– Дьявол! – вскричал я.

– Да, – сказал Конрой. – Дьявол или демон.

– Но в чем связь с нашим делом? – воскликнул я. – Что общего между китайским словом и нападением на старика Дигера?

– Если мы не ошибаемся и повинен во всем Сильвио, – сказал инспектор, – связь может быть самая прямая. Но с уверенностью мы сказать ничего не можем. Если бы Дигер мог говорить, он бы нам рассказал. Если бы Дороти Кроуфорд могла говорить, она помогла бы – уверен, она что-то знает. Не будь Сильвио так или иначе связан с этим покушением, она не пришла бы сюда.

– Что поделаешь, – сказал я. – Поговорить с нею мы не сможем, пока она не придет в себя, а она все еще в ступоре, как мне сообщили из больницы.

– И до тех пор наши руки связаны, – сказал инспектор.

– Это верно. Ну хорошо, пойдем, я позволю тебе коротко переговорить с Дигером. Но помни – когда я распоряжусь, ты должен будешь остановиться. Мы не можем играть с жизнью старика.

Конрой пообещал во всем мне подчиняться, и мы поднялись наверх. Хендрикс, дворецкий, вернулся к своим обычными обязанностям, а Оливера мы оставили в библиотеке. Полисмены в форме все еще дежурили у дома.

Когда мы вошли, Дигер беспокойно зашевелился и попытался поднять голову. С его губ срывались ужасные звуки:

захлебывающиеся хрипы, похожие на клекот, единственные звуки, которые он мог издать.

– Не пытайтесь говорить, мистер Дигер, – сказал я. – Это инспектор Конрой из департамента полиции. Он хотел бы задать вам несколько вопросов и постарается вас не утомлять. Он...

Но Конрой, охваченный нетерпением, прервал меня.

– Вы были один, когда произошло нападение? – спросил он.

Губы раненого снова зашевелились, но он не издал ни звука, помимо жуткого захлебывающегося бормотания.

– Он не может говорить, Томми, – сказал я. – Не заставляй его.

– Если бы нам только удалось понять, что он хочет сказать, – отозвался Конрой, – мы приблизились бы к разгадке. Может ли он хоть каким-то способом ответить на наши вопросы?

– Вероятно, он может шевелить ногами, – сказал я. – Но и в этом случае он сможет ответить только «да» или «нет».

– Это лучше, чем ничего, – сказал инспектор.

Я повернулся к кровати.

– Вы можете пошевелить ногой, мистер Дигер? – спросил я.

Простыня дернулась, и я поспешно откинул одеяла у изножья кровати.

– А теперь, мистер Дигер, – сказал инспектор, – я буду задавать вам вопросы. Если ответ будет «да», пошевелите правой ногой, если «нет» – левой. Вам понятно?

Правая нога чуть шевельнулась.

– Замечательно! – воскликнул Конрой. – Итак, вы были один, когда на вас напали?

Правая нога снова шевельнулась. Да.

– Окна были закрыты?

Да.

– Дверь заперта?

Раненый пошевелил левой ногой. Нет.

– Смотри, Джерри! – воскликнул инспектор. – Он говорит, что дверь была не заперта.

– Однако, оказавшись в доме, мы нашли дверь запертой, – заметил я, – да и Хендрикс утверждал, что не смог ее открыть.

– Может быть, Хендрикс не сказал нам всю правду, – заметил Конрой.

Инспектор снова повернулся к старику.

– Мистер Дигер, – спросил он, – вы сидели за столом?

Правая нога шевельнулась. Да.

– На вас напал козел?

Нет.

– Вы видели в комнате козла?

Нет.

– Было в комнате какое-либо другое животное?

Нет.

– Вы видели, кто на вас напал?

Да.

– Вы попытались его схватить, когда он напал на вас?

Правая нога дернулась. Да.

– После нападения он сразу исчез из комнаты?

Теперь шевельнулась левая нога. Нет.

– Вы хотите сказать, что он все еще там?

Раненый пошевелил правой ногой. Да!

– В той самой комнате? – удивленно вскричал Конрой.

Правая нога судорожно дернулась.

– Только послушай, Джерри! – воскликнул инспектор.

– Никак невозможно! – сказал я. – Мы осмотрели каждый дюйм комнаты.

– И как смог бы он скрыться, – воскликнул Конрой, – если дверь и окна были заперты изнутри? А если он ушел через дверь, то как запер ее за собою?

Он снова повернулся к старому коллекционеру.

– Мистер Дигер, – спросил он, – нападавший был уже в комнате, когда вы вошли в нее вчера вечером?

Утвердительное движение правой ноги.

– Вы знаете, кто он?

Да!

– Боже мой, Джерри! – воскликнул инспектор. – Он знает преступника, ему известно, по какой причине он подвергся

нападению – но сказать нам он ничего не может!

Я склонился над кроватью.

– Мистер Дигер, – спросил я, – преступник лишил вас пальцев?

В глазах старика появилась выражение испуга и ужаса. Он глубоко вздохнул и отшатнулся – но правая нога еле заметно дернулась.

Да.

– И сделал это зубами? – вскричал Конрой.

Вновь движение правой ноги.

– И вырезал вам язык кинжалом?

Да.

Конрой выпрямился и стал тереть глаза тыльной стороной руки, всем своим видом выражая удивление и непонимание.

– Столько тайн! – воскликнул он. – И столько ужасов!

Затем он достал записную книжку и открыл ее на странице с рисунком, который, как мы теперь знали, означал китайское слово «куэй». Инспектор поднес записную книжку к лицу старика.

– Вы знаете, что это, мистер Дигер? – спросил он.

Рисунок произвел на старого, израненного коллекционера самое жуткое впечатление. Лицо его, если такое возможно, побелело еще сильнее, в глазах отразился неизбывный ужас. Ничего подобного мне никогда еще не доводилось видеть. Все свои силы старик вложил в быстрое движение правой ноги, задрожавшей мелкой дрожью.

Да, он знал, что это.

– Это китайское слово, не правда ли? – спросил инспектор.

Да.

– На вас напал китаец?

Старик пошевелил левой ногой. Нет, это был не китаец.

– Так кто же? – воскликнул инспектор.

Несчастный старик пытался ответить. Его губы дрожали, он весь напрягся в бесплодном усилии заговорить. Я наклонился к нему и приложил ухо к его рту, надеясь, что

он издаст хоть какой-то членораздельный звук. И мне показалось, что он бормочет: «Ооооээээ, ооооээээ».

– Куэй! – вскричал я. – Он пытается произнести слово «куэй»!

Старик шевельнул правой ногой.

– Это так, мистер Дигер? – спросил Конрой. – Вы пытаетесь сказать – «куэй»?

Да. Он пытался произнести слово «куэй».

– Вы хотите сказать, что на вас напал Куэй?

Правая нога снова дернулась! Да!

– Господи! – воскликнул Конрой. – Но «куэй» означает «дьявол».

Правая нога старика задрожала.

– На вас напал дьявол? – крикнул инспектор Конрой.

Да. На старика напал дьявол!

– Я отказываюсь что-либо понимать! – вскричал Конрой.

– Я не знаю, что обо всем этом думать, если только здесь не поработал Сильвио!

Он принялся расхаживать по комнате, тогда как я повернулся к раненому. Дигер пытался привлечь наше внимание. Он изо всех сил шевелил правой ногой, в глазах застыла жалобная мольба.

– погоди минутку, Томми! – воскликнул я. – Вы хотите сказать что-то еще, мистер Дигер?

Старый коллекционер пошевелил правой ногой.

– Что же? – спросил Конрой.

Но инспектору никак не удавалось придумать нужный вопрос. Наконец я склонился над стариком и снова приложил ухо к его рту, посоветовав раненому расслабиться и попробовать издавать звуки горлом. Я стал внимательно прислушиваться – и вот в глубине его горла зародился клекочущий звук. «Но, но, но» – казалось, произносил он.

– Ночь? Это вы пытаетесь сказать? – спросил я.

Правая нога дернулась.

– Какая ночь? Сегодняшняя?

Да, сегодняшняя.

Конрой наклонился к нему.

– Вы хотите сказать, что этой ночью он нападет снова?

Правая нога пошевелилась. Да.

– И вы думаете, что этот... этот Куэй вернется?

Да.

– Тогда мы будем ждать его здесь, – сказал Конрой и решительно сцепил зубы. – И если человеку под силу его остановить, мы это сделаем.

Глава тринадцатая

СУЩЕСТВО НА ЛЕСТНИЦЕ

За исключением послеобеденного часа, который я посвятил осмотру Дороти Кроуфорд и других моих пациентов, мы с детективом Оливером провели весь день в старом особняке Грамерси-Парка. Ближе к вечеру Дигер уснул, но остальное время находился в полном сознании, хоть и испытывал значительную слабость: сказывались раны и пережитое им ужасное потрясение. На протяжении дня он не раз пробовал заговорить со мной и даже начинал было шевелить ногой, словно просил, чтобы я вновь обратился к нему с вопросами. Но все было напрасно: я оставался непреклонен, считая себя не вправе так истощать его силы.

Инспектор Конрой не выходил из своего кабинета в полицейском управлении, где раздавал приказания детективам, которых отправил наконец в Чайнатаун; инспектор надеялся, что им удастся разузнать что-нибудь полезное, пусть и не слишком полагался в этом на своих подчиненных. Прибыв в восемь вечера в дом Дигера, Конрой раздраженно сказал, что все они вернулись с пустыми руками; они узнали только, что «куэй» означает на китайском «дьявол», а это нам уже было известно.

– Старые китайцы, – сказал инспектор, – отказываются говорить о дьяволе, а молодые утверждают, что больше не верят в древних демонов; теперь их сменил христианский дьявол. Они считают, что это разные дьяволы.

– Ночь покажет, – отвечал я, – дьявол это или нет.

До одиннадцати мы просидели в библиотеке, обсуждая все подробности дела и пытаясь связать убийства судьи Маллинса и государственного прокурора Стэнли с нападением на старика Дигера и гибелью полисмена. Мы ни на шаг не приблизились к разгадке тайны. Мы были убеждены, что в преступлениях в Грамерси-Парке замешан Сильвио, но До-

роти Кроуфорд молчала и мы ничем не могли подтвердить свои подозрения.

– Придется нам подождать, – заметил инспектор. – Может, ночь принесет нам что-то новое.

– Я полагаю, и Дороти Кроуфорд сможет нам кое-что рассказать, – сказал я. – Надеюсь, завтра она найдет в себе силы говорить.

– Как она?

– Все еще была без сознания, когда я последний раз звонил в больницу, – ответил я, – но пульс приходит в норму и ей заметно полегчало – пожалуй, впервые с тех пор, как ее увезли из этого дома. Я велел, чтобы за нею внимательно наблюдали, особенно около полуночи, и ни в коем случае не разрешали ей покидать больницу. Также я дал указания запереть дверь в ее комнату и, если потребуется, удерживать пациентку силой.

– Ты правильно поступил, – сказал Конрой. – Кто знает, что она способна вытворить в состоянии одержимости?

В половине двенадцатого мы начали последние приготовления к встрече с неведомым врагом, о котором предупреждал нас старый коллекционер. Решено было, что я останусь наверху с Дигером, тогда как Конрой и Оливер будут ждать в библиотеке, то есть там, где впервые появился таинственный гость. Сестру мы отпустили на ночь, рассудив, что не имеем ни права, ни причин подвергать ее возможной опасности.

– Нас троих вполне достаточно, – сказал Конрой, – чтобы дать отпор любому.

Конрой и Оливер устроились за столом, причем последний мог видеть окна, а инспектор сидел лицом к двери, через которую никто не смог бы проникнуть незамеченным. Я поднялся наверх, в гардеробную рядом со спальней, где лежал Джером Дигер. Здесь я закрыл все окна на засовы и расположился в большом кожаном кресле таким образом, что мог видеть одновременно и дверь и комнату старика. Теперь я был уверен, что мимо меня никто не сумеет проскользнуть.

В кармане у меня лежал тяжелый автоматический пистолет, побывавший со мной во Франции во время войны; в руке я сжимал трость эбенового дерева, такую массивную, что одним ударом я мог бы раскроить противнику череп. Я знал, что Конрой и Оливер также были вооружены. Похоже было на то, что мы хорошо подготовились к любому повороту событий.

Без четверти двенадцать я заглянул в спальню старика и вернулся в кресло. Мы не знали, когда ожидать нападения и состоится ли оно; мы могли только ждать. К тому же мы не знали, чего именно нам ждать; нам было только известно, что враг наш обладает колоссальными возможностями; и чем больше я размышлял о том, что произошло до сих пор, обо всех этих таинственных и почти непостижимых событиях, тем яснее понимал, что ожидающее нас предприятие потребует всех наших сил и мужества. И все же, думал я, трое крепких вооруженных мужчин наверняка сумеют защитить старого коллекционера от любой опасности.

Прошло несколько минут, показавшихся мне целой вечностью. Грамерси-Парк недаром считается одним из самых тихих районов Нью-Йорка; ни в доме, ни вне его не слышалось ни звука, только ветер посвистывал среди деревьев в парке и раскачивал лозы и плющ, которые чуть касались каменных стен здания и издавали легкий шорох.

Мирные звуки успокаивали; я едва не задремал и встрепенулся, услышав бой курантов Метрополитан-Тауэр всего в нескольких кварталах от особняка. Я сосчитал удары. Полночь – время, когда все злое, как верило человечество с незапамятных времен, покидает свои норы и логова и властвует над землей.

И почти сразу же, не успела смолкнуть последняя нота, в самой атмосфере старого дома что-то ощутимо изменилось. Воздух будто сгустился, зараженный злом, и меня охватило чувство отчаяния и ужаса, заставившее кровь похолодеть в жилах. Я не замечал никаких внешних признаков этих перемен и не слышал ничего необычного. И все же я был уверен, что вот-вот произойдет нечто ужасное; я бес-

покойно оглядывался, ощущая близость чего-то неизъяснимо зловещего и страшного: подобное испытал я, когда мы с инспектором Конроем вошли в дом государственного прокурора Стэнли.

И тогда в комнате погасли все огни!

Нет, они не исчезли внезапно, как бывает, когда кто-нибудь повернет электрический выключатель. Они все слабели, угасая, превратились в тусклый умирающий ответ – и дом погрузился во тьму.

Один в этой комнатке, в темноте, которую рассеивали лишь редкие лунные лучи, что пробивались сквозь завесу ветвей за окном – я ждал, сам не зная чего. Измученный тишиной, неизвестностью и напряженным ожиданием, я готов был закричать, как вдруг откуда-то с нижних этажей дома донеслось невнятное, еле различимое бормотание. В следующий миг я ощутил странный запах, который мы и раньше замечали, когда являлся Сильвио; и тогда я понял, что то, чему суждено случиться, произойдет совсем скоро.

Внезапно моего слуха достиг сдавленный крик. Я узнал голос Конроя и невольно вскочил на ноги. Но тотчас я замер и стал внимательно прислушиваться.

Что-то взбиралось по лестнице!

Оно ступало медленно и тяжеловесно. Шаги падали глухими и мерными ударами, заставлявшими сотрясаться и дрожать весь дом.

Я не слышал более ни звука; и раньше была только тишина, приглушенное бормотание и крик, который, я не сомневался, исторг из горла Конроя невыносимый страх. Что случилось с ним? И с Оливером? Там, на лестнице, были не они, ибо жуткое существо на ступенях двигалось медленно, не произнося ни слова, отбивая размеренный и гулкий шаг, напомнивший мне, как огненный вал артиллерийского огня методично утюжит склоны холмов, поднимаясь все выше и выше.

Оно приближалось, непреклонное и неотвратимое, как судьба; паузы между шагами звучали так, словно оно осторожно нащупывало путь в темноте.

Содрогаясь, я замер у кресла. Я не знал, как поступить. Запах, к тому времени заполнивший небольшую комнату, лишил меня остатка сил; я медленно задыхался от сладкого и отталкивающего аромата, точно собравшего воедино ядовитые испарения бесчисленных благовоний. Я пытался закричать, произнести имя Конроя и позвать на помощь, но мог только хрипеть. Охваченный отчаянием, я сознавал, что ко мне подступает нечто ужасное; душу мою буквально выдавливали из тела, сжимаясь все теснее, громады зловещих влияний и сил.

Шаги близились. Внезапно наступил миг полной тишины. Затем дверная ручка стала медленно поворачиваться; дверь приоткрылась. В щель проник тонкий луч желтого света, сгустился в комнате и постепенно расширился в стороны и вверх, образовав широкий и трепещущий конус, испускавший золотистое сияние. Словно огонь, подгоняемый паяльной лампой, световой поток медленно пополз вперед, прикоснулся к моим ногам и окутал их зловещим желтым покровом. Я был не в состоянии пошевелиться или закричать и лишь беспомощно смотрел, как свет поднимается выше и вбирает все мое тело.

Комнату заполнили теперь иные создания. В середине желтого светового луча соткалась багровая змея; когда она скользнула ближе, я увидел, что это была пеньковая веревка цвета свежей крови. Она растворилась в золотистом свете, и тогда явились жабы. Казалось, комнату наводнили тысячи тварей, резвившихся в потоке света, который отвратительно поблескивал на покрытых мерзкой слизью телах и рельефно оттенял чешуйчатые бородавки. Жабы были уже близко, и я в ужасе отшатнулся, но внезапно и они исчезли, как будто разом метнулись в темноту из светового конуса. Больше я их не видел.

Я упал в кресло, тяжелая трость выпала из моей руки. Я ощущал удушье, по всему телу струился пот, но я был бессилен с собою совладать. Жабы и змееподобная веревка исчезли, однако световой конус по-прежнему мерцал посреди комнаты. Он издавал ужасающий запах, всегда возвещавший пришествие демонов, что терзали нас с той но-

чи, когда тело судьи Маллинса взметнулось в воздух и повисло на веревке.

Мгновение спустя дверь распахнулась шире и что-то стало пробираться в комнату. Я знал, что существо может расправиться со мной, но оставался беспомощен, словно под завораживающим взором ядовитой змеи. Меня била лихорадочная дрожь. Все куда-то кануло, остался только отвратительный запах и ужасный желтый свет, который будто прожигал дыру у меня в сознании.

За световой колонной медленно прошла громадная и зловещая тень. В спальне пробудился раненый. Он тревожно заворочался, жалобные звуки испуга и ужаса клокотали в изуродованном горле. Быть может, эти страшные звуки и заставили меня действовать. С нечеловеческим усилием я, шатаясь, поднялся на ноги и огляделся. Дверь, ведущая в коридор, была закрыта, поток желтого света угас. Затем мои глаза начали привыкать к темноте, и я заглянул в соседнюю комнату, где стонал и корчился в муках старый коллекционер.

И тогда я увидел это существо! Пока я в оцепенении сидел, одурманенный ядовитым воздействием желтого конуса, впитывая заполнившие комнату миазмы, существо миновало меня. Теперь оно было в спальне. В темноте вырисовывались смутные очертания чудовищного тела, склонившегося над изножьем кровати. Я знал, что оно творит нечто жуткое, ибо раненый издавал захлебывающиеся стоны боли и ужаса и корчился в безнадежной попытке спастись.

Дрожащей рукой я вытащил из кармана пистолет. Я все еще был очень слаб, голова кружилась, и мне пришлось напрячь все свои силы, чтобы медленно поднять оружие. Я жал на спусковой крючок, всаживая пулю за пулей в страшное существо, пока не опустошил всю обойму.

Оно не шевельнулось!

С расстояния в пятнадцать футов, а то и меньше, я выпустил в это существо семь пуль, не причинив ему, насколько мог видеть, никакого вреда! Не могли же все мои выстрелы пройти мимо цели!

С криком ужаса я швырнул тяжелый пистолет в существо, которое продолжало молча нависать над кроватью, где корчился и стонал Джером Дигер. Оружие ударило существо прямо в затылок.

Оно выпрямилось во весь рост. Я не в состоянии описать, как оно выглядело; могу только сказать, что оно показалось мне воплощением самого зла. Я не знал, человек ли передо мной, зверь или демон. С ног до головы его окружало бледно-желтое сияние, каждый дюйм громадного уродливого тела мерцал переливами света. Зеленоватые глаза, горящие пламенем ада, на миг встретились с моими, и существо начало неторопливо поднимать чудовищно длинную руку, увенчанную огромной ужасной ладонью.

Существо медленно воздело гигантскую руку над головой; сверкающие зеленые глаза будто пронзали меня насквозь. Не помня себя от ужаса, я поднял трость, но от слабости не смог нанести удар. Существо шагнуло ко мне. Громадная рука опустилась. Я ощутил ослепительную вспышку боли, в меня словно впились мириады ножей, и затем – пустота, милосердный дар утраты сознания.

И в этой пустоте прозвучал топот тяжелых шагов. Чудовище спускалось вниз!

Глава четырнадцатая

ПОЧЕРК ДЬЯВОЛА

Более двадцати минут я пролежал без сознания на полу, там, где настиг меня удар неведомого существа. Затем я понемногу стал сознавать, что к вискам мне прикладывают что-то восхитительно холодное и живительное, а руки поочередно растирают и поливают ледяной водой. Я отрыл глаза и увидел, что надо мной склонился Хендрикс, дворецкий мистера Дигера; бедняга всеми силами старался привести меня в чувство.

– Что случилось? – воскликнул я.

– Не знаю, – ответил дворецкий. – В этом доме произошли ужасные вещи.

Через несколько минут мне удалось встать, хотя и с трудом. Голова раскалывалась, все кости и мышцы болели.

– Вас ударили по голове, – сказал Хендрикс.

– Да, – ответил я. – К счастью, череп остался цел.

Насколько я мог судить, серьезных повреждений у меня не было. Я получил страшный удар в правую часть головы, над ухом вздулась огромная шишка, но я не нашел никаких признаков трещин в черепной кости. Сам факт того, что я находился в сознании и мог двигаться и разговаривать, подсказывал мне, что о собственных ранах я мог не беспокоиться.

Но что произошло с Дигером, а также с Конроем и Оливером, остававшимися внизу, в библиотеке?

Я был в состоянии держаться на ногах, хоть и ощущал значительную слабость. Я поспешил в спальню и зажег свет. С первого же взгляда я понял, что Дигеру я больше ничем помочь не могу. Старый коллекционер был мертв; вероятно, он умер в ту минуту, когда страшное существо, изуродовавшее его и пришедшее снова, чтобы завершить свою чудовищную работу, нанесло мне открытой ладонью удар.

Я повернулся к дворецкому, застывшему рядом.

– Мистер Дигер мертв, – сказал я.

– Мертв! – вскричал дворецкий. – Мистер Дигер мертв?

Он подошел к кровати и несколько минут безмолвно смотрел на человека, которому прислуживал столько лет, который заботился о нем и помогал, когда слуга нуждался в помощи.

– Что случилось с инспектором Конроем? – спросил я. – И с детективом Оливером?

– Где они, сэр?

– Они были в библиотеке, – сказал я. – Что с ними?

– Не знаю, сэр, – ответил Хендрикс. – Я не заходил в библиотеку. Я был в своей комнате на четвертом этаже, услышал крик, а чуть позже выстрелы. Я понял, что они доносятся из спальни мистера Дигера и поспешил сюда.

– И что вы увидели?

– Только вас, сэр. Вы лежали без сознания на полу, – сказал Хендрикс.

– Света не было?

– Нет, сэр. Я включил свет в гардеробной, когда вошел. Затем я направился в спальню, но наткнулся на вас и чуть не упал, сэр.

– И больше вы ничего не видели?

– Нет, сэр.

– Вы заметили что-нибудь на лестнице?

– Нет, сэр.

– Слышали что-либо?

– Перед тем, как сойти вниз с четвертого этажа, я слышал, как кто-то спускается по лестнице, – сказал дворецкий. – Но здесь я никого не видел, только то, о чем вам рассказал.

– Хорошо, – сказал я. – Оставайтесь здесь, сторожите тело мистера Дигера и ни к чему не прикасайтесь. Я спущусь в библиотеку и посмотрю, как там инспектор Конрой.

Я загнал в ручку пистолета новую обойму, полную патронов, и взял свою трость эбенового дерева. По правде сказать, едва ли я мог надеяться, что трость поможет мне при новой встрече с жутким существом, которое расправилось

со мной так быстро и решительно. Затем я поспешил вниз по лестнице и пересек холл. Двигался я осторожно и опасно: меня не прельщала вероятность еще одной битвы с созданием, которому ничуть не повредили семь пуль 45-го калибра, выпущенных с расстояния в пятнадцать футов!

Коридор и библиотека были погружены во тьму. Приблизившись к двери, я ощутил легкое дуновение гнетущего запаха; такой же запах принесло с собою ужасное существо в комнаты наверху. Дверь в библиотеку была открыта, и я на мгновение замер на пороге, внимательно прислушиваясь. Из библиотеки не доносилось ни звука. Я знал, что Конрой и Оливер находятся где-то в комнате, в темноте, но они не произносили ни слова.

– Томми? – негромко позвал я. – Где ты?

Ответа не было. Библиотека была тиха и темна, как могила, и казалось такой же отталкивающей.

Я осторожно протянул руку и стал ощупывать стену у двери, пока не почувствовал под пальцами электрический выключатель. Я повернул его, и свет люстры, висевшей над тиковым столом, залил комнату. Некоторое время я боялся заглядывать туда, страшась того, что могу увидеть. Мне известна была мощь ужасного существа, напавшего на меня, и я не осмеливался взглянуть на последствия его бесчинств в библиотеке, которая, как я понимал, стала исходной точкой этих ужасающих и таинственных событий.

Но вскоре я взял себя в руки и вошел в комнату. То, что я увидел, заставило мои ноги подкоситься от ужаса, и мне пришлось опереться о дверной косяк. Прошло несколько секунд, прежде чем я нашел в себе силы сделать хоть шаг.

Детектив Оливер лежал на полу лицом вниз!

Хватило одного взгляда, чтобы понять – он был мертв. Половина его головы была смята страшным ударом!

Инспектор Конрой сидел за столом на том же месте, где я его оставил, но его голова лежала на тиковой столешнице, а руки были простерты вперед. В такой же позе мы совсем недавно нашли старика Дигера. Я поспешил к инспектору, замирая при мысли, что существо могло и ему отор-

вать пальцы, выложив их в форме ужасного китайского иероглифа.

К счастью, Конрой избежал жуткой участи старика. Инспектор был жив, и быстрый осмотр показал, что серьезных ран у него не было. Он потерял сознание, получив такой же страшный удар в голову, что и я в комнате наверху, но жизни его ничего не угрожало. Кости черепа были целы, однако удар рассек кожу и из раны тихо струилась кровь, растекаясь по столу.

Я быстро прочистил и забинтовал рану, и вскоре инспектор пришел в себя. Но он был все еще слаб и нервно озирался по сторонам.

– Что со мной случилось? – непонимающе спросил он. – Господи! Как болит голова!

– Сиди и не двигайся, – велел я. – С тобой все будет в порядке. Ты получил сильный удар, но существенных повреждений нет.

Я налил нам обоим коньяку из фляжки, которую всегда ношу в своем саквояже. Несколько глотков придали нам сил, и через несколько минут мы смогли оценить положение и обсудить кровавые события в старом доме.

– Как там старик Дигер? – спросил Конрой.

– Мертв, – ответил я. – Старик оказался прав. Существо вернулось и убило его.

– А Оливер? Где он?

– Также мертв, – ответил я. – Лежит под столом с разможенной головой.

– Убит! – проговорил Конрой почти шепотом.

– Да, – сказал я. – Убит. Существо, убившее его, повинно и в смерти Джонсона. Оно же изуродовало старика Дигера, а затем вернулось и убило его.

– Ты говоришь – существо? – переспросил Конрой.

– Оно ведь ударило тебя. Разве ты его не видел?

– Нет, – ответил инспектор. – Я ничего не видел. Сидел здесь, за столом, а Оливер расположился напротив, лицом к окнам. Мы оба бодрствовали. Через дверь в комнату никто не входил, и я совершенно уверен, что Оливер никого не заметил у окон.

– Окна заперты изнутри на засовы, – сказал я, так как уже успел их осмотреть.

Конрой лишь недоумевающе пожал плечами.

– Я так и думал, – сказал он упавшим голосом. – Как я говорил, я сидел вот здесь, за столом, а Оливер – вон там. Внезапно погас свет. В следующий миг я услышал глухой удар, и Оливер издал захлебывающийся стон, как было перед смертью с Джонсоном. Я обернулся, но не успел я увидеть, что заставило его закричать, как получил удар по голове. Я очнулся и увидел тебя, и больше я ничего не помню.

– Зато тайн стало еще больше, – заметил я.

– Что произошло наверху? – спросил инспектор.

Я вкратце рассказал ему, как что-то поднялось по лестнице и вошло в гардеробную, где я устроился для охраны старого коллекционера, как это существо проникло в спальню и убило старика, а затем сбilo меня с ног и лишило чувств одним ударом могучей руки.

– Я стрелял в него, – сказал я, – и уверен, что попал, но пули не причинили ему никакого вреда.

– Ты видел существо? – спросил Конрой. – Видел, как оно вошло в комнату?

– Да, – ответил я. – Видел, но не знаю, что это было. Там было темно, и я разглядел только контуры уродливой фигуры, окутанной бледно-желтым световым облаком.

– Ну что ж, – сказал Конрой, – придется нам разобраться, что это за существо. Оно оставило какие-нибудь следы?

– Комнату я не осматривал, – сказал я. – Увидев, что Дигер мертв, я поспешил вниз, чтобы узнать, что случилось с тобой и Оливером.

– В таком случае нам лучше подняться и осмотреть место преступления, – сказал инспектор.

Мы поднялись по лестнице и вошли в спальню, где лежало мертвое тело Дигера. Вся комната была словно пропитана злом. Даже если бы мы не ничего не знали о случившемся здесь, сам воздух в комнате подсказал бы нам, что в ней произошли ужасные события. Конрой поспешил к окну и широко распахнул его.

– Готов был поклясться, что мы вошли в склеп, – пояснил он.

Мы занялись осмотром комнаты. Тело старика Дигера было распростерто на постели. Я перевернул его – и мы с Конроем в страхе отшатнулись, увидев выражение испуга и ужаса в широко раскрытых мертвых глазах старика. Одеяло в ногах было запятнано кровью, и я быстро его откинул.

Конрой наклонился над кроватью.

– Господь всемогущий! – воскликнул он. – Джерри, ты только посмотри!

С чувством полнейшей беспомощности и отчаяния я бросил взгляд на изножье кровати, куда указывала дрожащая рука Конроя. В этот миг я со всей ясностью осознал, с какими ничтожными силами мы вышли на бой против существа, способного творить, и сотворившего, такие неслыханные мерзости. К ужасам мы были готовы, и все же не могли без отвращения смотреть на последнее деяние чудовища.

Существо вернулось, как и предсказывал Дигер – и, пока я стрелял в него из пистолета, спокойно стояло у кровати и отрывало коллекционеру пальцы на ногах!

Они лежали под одеялом. Все десять пальцев, разложенные в форме китайского иероглифа.

– Куэй! – ахнул Конрой. – Куэй!

– Вновь этот дьявол! – воскликнул я.

– Таково значение иероглифа, – сказал Конрой. – Китайское наименование дьявола! Джерри! Я начинаю верить, что все это совершил *сам дьявол*! Человек не сумел бы придумать пытки, которым он подверг бедного старика!

– Хуже инквизиции! Как он страдал, должно быть!

– Сильвио! – вскричал Конрой. – Это работа Сильвио, я уверен! Не иначе!

Мы долго стояли в молчании, глядя на мертвого старика и оторванные пальцы, отвратительное напоминание о дьявольской и ужасающей мощи создания, с которым мы пытались бороться. Я со страхом представлял, какие душевные и физические муки испытал за две прошедших ночи старый коллекционер. Пожалуй, смерть явилась для него из-

бавлением. Жизнь была бы непрекращающейся пыткой для его истерзанного тела.

– Если бы он и выжил, – наконец сказал Конрой, – то ничего не смог бы нам рассказать.

– Да, мы ничего от него бы не узнали, – отозвался я. – Оставалось разве что соорудить доску с буквами, и тогда мы могли бы указывать на них, а он отвечал бы кивком головы «да» или «нет».

– Это заняло бы очень много времени, – сказал инспектор, – а время терять нельзя. Мы должны избавить землю от этого демона, Джерри, и сделать это быстро. Бог знает, что он в следующий раз сотворит.

Мы тщательно осмотрели комнату в поисках следов существа. Никаких улик мы не обнаружили, однако нашли семь пуль, которые я успел выпустить из пистолета, пока уродливая тварь стояла у постели Дигера, занимаясь своим отвратительным делом. Они были разбросаны по полу, искореженные и смятые.

– Выглядит так, словно их выпустили в стальной лист, покрытый слоем брони, – заметил Конрой.

– Да, пули против этого монстра бессильны.

– Что же нам делать? – спросил Конрой. – Мы должны найти и уничтожить это существо, Джерри, но как? Откуда нам начинать?

– Начинать не с чего, – ответил я. – У нас на руках нет ровным счетом ничего.

– Мы знаем, на что оно способно, – мрачно проговорил инспектор, – и знаем, что если не обезвредим его, произойдут еще многие и даже более ужасные вещи.

– Не знаю, как быть, – сказал я. – Я не чувствую себя в силах сражаться с чудовищем, которое защищает себя с помощью светового ореола и невредимым уходит от пуль.

– Ты прав, с обычным оружием мы ему не пара, – сказал Конрой. – Но это существо не может быть всемогущим. Должен существовать способ его остановить.

– Если это был Сильвио, – сказал я, – то пришел он на сей раз в совершенно новом облике.

– Думаю, это был Сильвио, – сказал Конрой. – Но уверены мы в этом быть не можем, пока не поговорим с Дороти Кроуфорд.

Мы спустились в библиотеку, откуда Конрой позвонил медицинскому эксперту. Он также позвонил в участок на 22-й улице и велел полицейским вызвать карету скорой помощи, чтобы забрать тела Оливера и Дигера, когда судебный медик закончит осмотр. Затем Конрой отправился домой, приказав полицейским в форме сторожить дом. Это были те самые полисмены, которых мы отпустили на ночь, решив устроить засаду в старом доме и поймать преступника. Возможно, лучше было бы оставить их на страже.

Хендрикс, дворецкий, был так напуган ночными событиями, что я был вынужден дать ему успокоительное и отправить в постель.

Телефон звонил, когда я открыл дверь своей квартиры. Это оказалась старшая медсестра ночной смены.

– Я уже несколько часов пытаюсь вас разыскать, доктор! – воскликнула она. – Позвонила по номеру, который вы оставили, но там никто не отвечал, и я стала звонить вам домой.

– Что случилось? – спросил я. – Дело в мисс Кроуфорд?

– Да, – ответила она, – и в другой пациентке, женщине с ранами на руках и ногах.

– Мисс Кроуфорд стало хуже?

– О нет, ей гораздо лучше, – сказала старшая сестра. – Некоторое время назад она пришла в себя и теперь спит. Другая женщина в прежнем состоянии. Но нам пришлось с ними нелегко.

– Когда именно?

– Около полуночи, мне кажется. Мисс Кроуфорд вдруг начала кричать.

– Что она кричала? – прервал я сестру. – Она что-нибудь сказала?

– Да, – ответила старшая сестра. – Она вопила и смеялась. Подойдя к ее кровати, я услышала, как она произнесла: «Теперь я их убивать! Теперь я убивать!» И, доктор, ее голос...

– Говорите же.

– Он был ужасен. Низкий, хриплый. Затем она издала жуткий хохот.

– Сколько это продолжалось?

– Не более пятнадцати минут, – сказала сестра. – Внезапно мисс Кроуфорд пришла в себя, спросила, где она, и начала плакать. Я хотела понять, что означали ее слова, но она сказала, что не знает. Вскоре после этого она заснула.

– А другая пациентка? Что с нею?

– После полуночи она стала вести себя беспокойно, из ран потекла кровь, совсем как прошлой ночью, когда мимо ее комнаты пронесли мисс Кроуфорд. Несколько минут спустя она успокоилась и кровь исчезла с бинтов, точно как тогда.

– Она ничего не говорила?

– Нет. Один раз вскрикнула и несколько минут стонала, но не произнесла ничего членораздельного.

Я ничего не мог поделать, не мог и дать никаких указаний, кроме распоряжения внимательно приглядывать за мисс Кроуфорд и странной пациенткой.

– Позвоню через несколько часов, – сказал я.

Затем я лег в постель, такой усталый, что даже воспоминания о пережитых ужасах не помешали мне задремать.

Глава пятнадцатая

ИСТОРИЯ КУЭЯ

Проснулся я в полдень. Я тут же позвонил в больницу и узнал, что Дороти Кроуфорд находится в сознании и, видимо, чувствует себя хорошо, но очень нервна и рассеянна. Я позвонил инспектору Конрою, и он немедленно отправил за девушкой двух полисменов, велел привезти ее в старый особняк Дигера в Грамерси-Парке.

– Я буду там через час, – сказал он. – Побеседуем с нею.

Я встретил Конроя на крыльце и мы вместе вошли в дом. Хендрикс, дворецкий, отворил нам дверь; было видно, что он еще не оправился от потрясений минувшей ночи. Он сказал, что полицейские и Дороти Кроуфорд прибыли за несколько минут до нас и что девушка ждет в библиотеке.

Я хорошо помнил, что случилось в этой комнате, и не испытывал ни малейшего желания входить в библиотеку. Я невольно вздрогнул, вспомнив, как ужасное существо взбиралось по лестнице, чтобы завершить свой отвратительный труд. И все же мы вошли. Дороти Кроуфорд сидела за столом на том же месте, где существо впервые напало на старого коллекционера. Увидев меня и инспектора, она встала и направилась к нам.

– Инспектор! – воскликнула она. – Полицейские! Вы меня...

– Нет, – прервал Конрой. – Вы не арестованы. Мы лишь хотим с вами поговорить.

Он велел полисменам уйти, и мы сели за стол. Дороти Кроуфорд была очень бледна и казалась изможденной, но в целом ее состояние было даже лучше, чем я осмеливался себе представить. Беседа с нами едва ли могла ей в чем-то повредить, что я и сообщил Конрою. Он кивнул и повернулся к девушке.

– Итак, мисс Кроуфорд, – сказал он, – прежде всего, я хотел бы узнать, были ли вы знакомы с мистером Дигером.

– Да, – ответила девушка. – Он был моим дедом. Он...

– К сожалению, он умер прошлой ночью.

– Я опоздала, – сказала Дороти Кроуфорд. Она закрыла лицо руками, и у меня мелькнуло мимолетное опасение, что у нее начнется истерика. Однако она овладела собой, и Конрой продолжал:

– Известно ли было вам, что он подвергнется нападению, мисс Кроуфорд?

– Да, – сказала она. – Сильвио...

– Это был Сильвио? – с нетерпением прервал ее инспектор.

– Да, снова Сильвио, – ответила она. – Позапрошлой ночью, незадолго до полуночи, он сказал мне: «Я убью твоего деда! Он мой враг! Все мои враги должны умереть!»

– И поэтому вы помчались к мистеру Дигеру?

– Да. Той ночью он не сумел полностью подчинить меня себе, как бывало обычно. Вероятно, он... был слишком занят тем, что творил здесь, и его власть надо мною ослабла. Я позвонила вам, но вас не застала, и тогда я вышла из квартиры, проскользнула мимо двух детективов, дежуривших внизу, и поспешила сюда, надеясь предупредить деда или чем-то помочь ему. Но я опоздала.

– Да, – сказал Конрой. – Вы опоздали. Однако не думаю, что вы сумели бы помочь, даже оказавшись здесь вовремя.

Он помолчал, выстукивая пальцами дробь по столу, за которым всего две ночи тому сидел старый коллекционер, в ужасе глядя на страшного монстра. Внезапно инспектор наклонился к Дороти Кроуфорд.

– Мисс Кроуфорд, – спросил он, – вам доводилось слышать о Куэе?

Девушка, вся дрожа, откинулась в кресле.

– Да, – сказала она. – Я слышала о Куэе.

– И что вы слышали?

– Куэй, – медленно проговорила она, – это китайское слово, означающее «дьявол».

– Это нам известно, – сказал инспектор. – Ваш дед нам рассказал. То же нам говорили и в Чайнатауне. Но что имел в виду ваш дед, когда утверждал, что на него напал Куэй? Вы можете нам сказать?

Дороти Кроуфорд подняла глаза. В глубине их застыл такой ужас, что я невольно отшатнулся.

– Кажется, я понимаю... но трудно поверить, чтобы мой дед...

– Мистер Дигер нам так и сказал, – прервал Конрой. – Узнав имя Куэя, мы спросили вашего деда, повинен ли в нападении на него Куэй. Он это подтвердил. А слово «куэй», – с горечью и безнадежностью в голосе закончил инспектор, – означает «дьявол». Означает ли оно и Сильвио? Куэй и Сильвио – одно и то же?

– Не знаю, – отвечала девушка. – Но слово «куэй» и в самом деле означает «дьявол», а Сильвио был дьяволопоклонником. Все это так ужасно...

– Скажите же, что имел в виду ваш дед! – вскричал Конрой.

– Я не смею. Боюсь, вы мне не поверите!

– Я видел уже столько, – сказал инспектор, – что готов поверить во все, что угодно!

Дороти Кроуфорд встала из-за стола.

– Хорошо, – сказала она. – Я расскажу вам. Но история эта долгая, и сперва я покажу вам Куэя.

Она пересекла комнату и остановилась перед большим бронзовым идолом. Идол занимал угловую нишу у окна, и остальные изваяния словно прислуживали ему, выстроившись по размеру и рангу. Девушка прикоснулась к идолу рукой.

– Это, – сказала она, – и есть Куэй.

Мы с Конроем ранее успели обменяться впечатлениями по поводу злобного выражения лица идола, но никак не готовы были услышать нечто подобное. Мог ли старик говорить о статуе, когда утверждал, что его изуродовал Куэй? Я глядел на идола широко раскрытыми от удивления глазами, и чем дольше я смотрел на него, тем явственней мне казалось, что между изваянием и ужасным существом, воз-

бравшимся по лестнице минувшей ночью в ореоле желтого света, существом, что недвижно стояло у постели Дигера, пока я выпускал в него пулю за пулей, имеется некое сходство.

Конрой, я видел, испытывал такую же бурю чувств. Инспектор первым пришел в себя.

– Это! – вскричал Конрой. – Но он металлический!

– Тем не менее, – сказала Дороти Кроуфорд, – это и есть Куэй, и если дед сказал, что на него напал Куэй, он имел в виду этого идола!

– Но он ведь металлический! – снова воскликнул Конрой. – Как мог металлический идол убить вашего деда? Быть может, вы хотите сказать, что мистера Дигера, Оливера и Джонсона убили приверженцы его культа?

– Нет, – ответила она. – Я хотела сказать, что Сильвио, завладев мною и проникнув таким образом в нашу плоскость бытия, убил с помощью этой статуи моего деда и всех остальных.

– Сильвио! – воскликнул инспектор. – Все время Сильвио!

– Да, – прошептала девушка. – Он все время преследует меня.

Она разразилась горькими рыданиями, не замечая ничего вокруг, а мы с Конроем тем временем пытались утешить ее, как могли.

– Я видела такие ужасы! – рыдала она. – Почему, почему он не оставит меня в покое?

– Наберитесь мужества, мисс Кроуфорд, – сказал инспектор. – Вы должны ответить на все наши вопросы. Мы пытаемся вам помочь, и вы – наша единственная возможность добраться до Сильвио и раскрыть все эти тайны.

– Я попробую, – сказала она со слабой улыбкой. – Я сделаю все, что от меня зависит.

– Тогда поясните, что вы имели в виду? Каким образом Сильвио сумел воспользоваться этим... этой статуей?

– Сильвио был жрецом Куэя! Жрецом ада! Он способен оживлять мертвые вещи!

– Оживлять? – вскричал Конрой. – Сделать живой эту металлическую статую?

– Существует древнее поверье, – вмешался я, – которое гласит, что некоторые жрецы могли оживлять статуи своих богов.

– Это правда, – сказала девушка. – Идол двигался. Люди это видели. Ему приносили человеческие жертвы, и он...

Но мы не слушали. Повинуясь одинаковому чувству, мы оба пересекли комнату и застыли перед огромной статуей.

– Какой отвратительный идол, – произнес инспектор.

Он был совершенно прав. Куэй восседал на пьедестале, однако в отличие от идолов большинства языческих рас, особенно восточных, сидел он не со сложенными ногами, но выпрямившись, свесив ноги и положив на колени громадные руки. В высоту идол имел почти шесть футов, причем основная часть тела приходилась на туловище, ноги же были непропорционально короткими. Массивная голова идола была втянута в плечи, толстые и очень широкие. Он был сделан из бронзы, которая за долгие века приобрела от частой полировки цвет древнего золота.

Работа была выполнена на удивление искусно, но нас поразило не столько художественное совершенство скульптуры, сколько выражение лица идола. Глаза представляли собой два больших зеленых камня с красными прожилками, горевшими огнем в полутьме большой комнаты, а весь облик дышал такой ненавистью и злобой, что мы с Конроем невольно вздрогнули, встретившись взглядом с невидящим взором каменных глаз и рассмотрев заостренные уши, приплюснутый нос и тонкие губы, сомкнутые в гримасе невыразимой жестокости.

– Скульптура словно несет смерть, – сказал Конрой.

– Как миллионы демонов, собранные воедино...

– Но не может быть, – сказал инспектор, – что мистер Дигер имел в виду идола. Неужели он хотел сказать, что металлическое изваяние ожило, могло двигаться?

– Да, – ответила Дороти Кроуфорд, – он говорил именно об этом. Вы должны узнать историю статуи. Тогда вы сможе-

те понять ее значение. Вы также узнаете, что этот идол, по легенде, способен сотворить.

Девушка подошла к книжному шкафу и после некоторых поисков вернулась к столу с книгой в руках.

– Вот рассказ, – сказала она, положив книгу на стол, – что заставил моего деда потратить много лет и целое состояние на поиски идола, ставшего жемчужиной его коллекции.

Глава шестнадцатая

ПЕЩЕРА ДЬЯВОЛОПОКЛОННИКОВ

Инспектор Конрой бережно раскрыл книгу. Это был переплетенный томик в бумажной обложке, с маркой лондонского издателя, вышедший в свет в 1817 году. Страницы были испещрены пятнами и пожелтели от времени, многих листов не доставало, однако, как выяснилось, утраты эти не коснулись повествования о Куэе. Титульный лист сообщал, что книга содержит рассказ о «Приключениях Малькольма Стюарта вкупе с Историей его Путешествия в Землю Дьяволопоклонников, что в Горах Фей-Линь в Китае, в Провинции Хо-Нань, и Невеоятных Событий в Пещере Золотого Идола».

Первая часть сочинения, излагавшая различные подвиги Малькольма Стюарта на суше и на море, нас ничуть не интересовала, и инспектор ее пропустил. Он начал читать с того места, где рассказывалось, как Стюарт, находясь в Гонконге, впервые услышал легенду о Золотом Идоле и бесценных сокровищах, спрятанных в Храме дьяволопоклонников.

«Говорили мне, что в горах Фей-Линь, в провинции Хо-Нань», рассказывалось далее, «обитает секта дьяволопоклонников, что справляют свои зловещие обряды в подземном храме, богатство коего столь велико, что глаз не в силах вытерпеть блеск золота и драгоценных камней. Также утверждали, что в том храме имеется большой идол из чистого золота, вместо глаз же вделаны два огромных изумруда, равных которым по чистоте и огранке в мире не найти, и все вместе являет сокровище превыше тронных драгоценностей Англии и богатств индийского раджи.

Люди говорили, что этот храм, равно как и горы вокруг, есть несомненное пристанище всякого зла, и рассказ, дошедший до меня, наделял громадного Золотого Идола не-

изъяснимым и ужасающим могуществом. Твердили они, что статуя способна оживать, что ей приносили в жертву живых людей и что она убивала их собственными руками, ликуя и наслаждаясь их гибелью. Говорили наконец, что иные ритуалы тамошних жрецов есть глумление над святыми обрядами Церкви, и рассказы те были богохульны и непостижимы».

Книга повествовала далее о том, как Малькольм Стюарт решил организовать экспедицию и похитить золотого идола с изумрудными глазами; на многих страницах детально описывались приготовления Стюарта и начало его путешествия. Рассказ продолжался:

«В сумерках мы разбили лагерь в глубоком ущелье, в горах Фей-Линь, и я тотчас выслал вперед дозорных, китайцев, что много лет были у меня на службе, дабы установить наше местонахождение и расположение ближайшей деревни. Возвратившись, они рассказали, что находимся мы в двух лигах от деревни, называемой ее обитателями “Куэй-Шень”, что на китайском наречии означает “Демоны и Духи” или же, в переводе более вольном, “Обиталище Демонов”. Также они сказали, что нигде не увидели храма, подобного тому, о каком мне говорили в Гон-Конге.

Однако же я решил сам отправиться на разведку и, когда наступила ночь, я вооружился пистолем и мушкетом, подвесил на пояс большой кортик и отправился навстречу приключению. Ущелье привело меня к уединенному месту в горах, откуда не было, как показалось мне, иной дороги, помимо той, что привела меня сюда. Разыскивая путь из того места, дабы продолжить свои исследования, я наконец обнаружил на склоне горы небольшой проход, скрывааемый и почти полностью заросший густым кустарником.

Зарядив прежде свое оружие и удостоверившись, что все оно подготовлено к быстрой и смертоносной стрельбе, я вошел в проход и вскоре очутился в галерее, вырубленной, как я заключил, в горной породе человеческими руками. По той галерее прошел я немалое расстояние; затем впереди блеснул тусклый свет и до меня донеслось многогласное пение.

Я поспешил вперед и достиг конца галереи. Далее путь преграждала каменная плита, однако в ней имелись трещины, сквозь которую в галерею проникали тонкие лучики света. После долгих усилий я убедился, что, вращая кортик в одной из трещин, могу ее несколько расширить. Так я и поступил и, проделав отверстие высотой в фут и такой же ширины, заглянул в него. Самое удивительное зрелище представало моим глазам.

Я смотрел с высоты в огромную пещеру, чье устройство, равно как и следы обработки на стенах и потолке, говорили о том, что она была вырублена в цельной скале путем упорного и изумительного труда. В стенных нишах горели громадные факелы, отбрасывавшие бледный желтый свет; с потолка свисали богатые занавесы и драпировки, чудесно расшитые мастерами старого Китая, тогда как пол пещеры устилал ковер имперского желтого шелка с черною каймою. В конце пещеры имелся алтарь, покрытый парчой, шитой черным и золотом, на алтаре же восседал величественный Золотой Идол. По обе стороны огромной статуи стояли внушающие отвращение фигуры гигантских жаб, каждая величиною с кошку.

Великое множество мужчин, женщин и детей простерты были на полу пещеры, и все они вздымали голоса в песнопении, поклоняясь идолу, каковой восседал на пьедестале посреди всего того богатства и великолепия, ослепительно блистая лучистыми изумрудами, что служили ему глазами!

Песнь зазвучала громче и с большим рвением, покуда не стала волною звука, что бился о стены пещеры и отражался от них вращающимся звуковым водоворотом. И тогда все поющие встали, как один человек, вопя и крича в безумии фанатического своего поклонения; далее из галереи одесную идола выступила процессия жрецов, одетых в черные мантии, в нижней части каковых имелись алые гербы с изображением отвратной жабы, а пред ними выступал гигантский китаец, чье лицо искажено было фанатическим неистовством, глаза же его горели огнем, соперничавшим в яркости с блистающим взором идола. Наряд того

жреца не отличался от прочих, однако на широкой груди его изображена была козлиная голова самого зловредного и ужасного вида.

Каждый жрец, исключая гиганта, вел за руку малое дитя, всего же их было пятеро. За ними следовали другие, неся металлическое ложе, богато изукрашенное золотом и слоновой костью, с подголовником, обитым желтым шелком. Далее явился еще один с большою золотою чашей и огромным треугольным куском черного хлеба. Дети, чьи руки были связаны шелковой веревкой цвета свежeproлитой крови, преклонили колена у ног идола, за ними же жрецы поставили ложе. Гигантский жрец возлег на него и сложил на груди руки; засим из другой галереи, что находилась слева от идола, выступили шесть жрецов в длинных желтых мантиях, подпоясанных шелковою веревкой цвета крови; и каждый нес в руках скульптурное подобие, имевшее в высоту около фута и соответственные пропорции, того страшного божества, что восседало на алтаре в ужасающем своем великолепии.

Тогда песнопение перешло в приветственный клич, и вопли “Куэй! Куэй!” звенели у меня в ушах, а все собрание стало кружиться по пещере в варварском танце. Жрецы также присоединились к сему круговращению и корчам, и теперь все в пещере плясали, исключая жреца, что возлежал у алтаря, да малых детей, что сжались от страха у ног идола. Последовали всевозможные непристойности. . . . И наконец жрецы с меньшими статуями в руках выступили вперед и поместили их вкруг ложа, одну в головах, одну в ногах и по две с каждой стороны.

Здесь пение и крики смолкли и молящиеся пали на пол. Настала совершенная тишина. После один за другим погасли факелы, однако же я не видел, чтобы гасили их человеческие руки. Некоторое время пещера оставалась погружена во тьму, и не раздавалось ни звука, помимо затрудненного дыхания молящихся, что униженно распростерлись на полу, да хныканья детей, ожидавших своей гибели. Неописуемый запах царил окрест, гниlostный и отвратный.

Затем услышал я свистящее шипение, но не мог сказать, откуда оно исходило. Со временем шипение смолкло и в пещере вновь установилась тишина.

Тишина та длилась одно мгновение, ибо малый идол в головах ложа испустил бледный желтый свет, грязноватого колера, подобного сере. Вновь послышалось шипение, тогда как один из жрецов завел престранную монотонную песнь. Образ в ногах ложа испустил желтый свет, а вслед и другие, покуда все шесть идолов не стали сверкать и переливаться, как если бы на воздействовала на них скрытая сила; и тотчас все жрецы разразились воющим гимном. Пещера же оставалась погружена во тьму, исключая желтые пятна света, что отмечали местонахождение ложа и малых идолов.

С трудом различал я коленопреклоненные фигуры детей.

Завороженный престанным зрелищем, я и не замечал, как летело время, однако увидел вскоре некое движение на алтаре, и огромный золотой идол испустил тот же желтый свет, что окутывал ныне тело возлежавшего жреца и меньших идолов.

Однако свет тот был ярче и пронизан красными прожилками, и словно бы целиком окружал огромную фигуру.

Вдруг ужасное изваяние неловко и судорожно покачало головою из стороны в сторону; сомнений и быть не могло: оно двигалось.

И после раздался громкий лязгающий звук, и увидел я, что правая рука изваяния воздета и грохочет о колено, тогда как губы его издавали каркающие звуки, слагавшиеся в злобную и исполненную порока песнь. А толпы, что распростерлись на полу, издали громкий вздох и стенание, и было то славословие сотен душ, несомых мучительным вихрем ужасающего безумия, однако же гигантский жрец возлежал на ложе своем бессловесен и недвижим.

Вот другие жрецы выступили вперед с песнопением, и стали за спиною детей, и принялись подталкивать и подгонять одного, покуда тот, плача и спотыкаясь, не взобрался по ступеням алтаря, приблизившись к огромному идолу.

Жрецы в исступлении запели, и ужасное изваяние подняло гигантскую руку. . . . Дитя издало вопль. . . . Закричала женщина, и спустя миг избитое и изуродованное маленькое тело покатилося по ступеням. Ребенка подхватил жрец, блеснул нож, и кровь полилась в большую чашу, каковую держал другой нечестивый жрец. После сверкающая чаша передана была третьему, и тот поднял черный хлеб, повернувшись спиною к идолу и лицом к простертому на ложе жрецу, что был во главе процессии. Он наклонил чашу, и кровь невинного дитяти полилась на тело возлежавшего жреца, лицо коего исказила нечестивая страсть. Жрец, что пролил кровь, завел песнь, и я услышал латинские слова, что произносят священнослужители на мессе в нашей Святой Церкви. Левою ногой сей чудовищный негодяй и богохульник начертал на земле знак Креста и, изобразив священный образ, швырнул наземь черную Гостию и принялся топтать, вдавливая в пыль ногою. . . . Толпы молящихся возопили в богопротивной радости, изваяние же колотило огромною рукою о колено и мотало непотребною головою вперед и назад и из стороны в сторону. . . .

Не знаю я, что было дальше, ибо бросился бежать по галерее и спустя некоторое время, что показалось мне вечностью, вдохнул чистый воздух ущелья и увидел с бесконечным облегчением Божие небо над собою, с луною и звездами, ниспосылавшими благотворный и наставительный свет измученному миру, погрязшему во тьме.

Я возвратился в лагерь, разбудил своих спутников и со всею торопливостью мы бежали из того проклятого места к морю. Я и не мечтал теперь овладеть неслыханным сокровищем, что воплощал золотой идол с изумрудными глазами, и в голове моей осталась одна только мысль оказаться по возможности дальше от виденных мною ужасных и нечестивых сцен. . . .»

На этом завершался касавшийся нашего дела отрывок сочинения. Мы долго сидели в молчании, только Конрой беспрерывно и нервно выбивал пальцами дробь по столу.

Наконец он поднял голову и оглянулся на огромное металлическое изваяние, бесстрастно восседавшее в углу.

– И это, – спросил он дрожащим голосом, – это... тот самый идол?

– Да, – ответила Дороти Кроуфорд. – Тот самый идол.

– Поразительно, – медленно проговорил Конрой. – Неве-
роятно! Идол, что своей громадной рукой...

Глава семнадцатая

ПУТЕШЕСТВИЕ КУЭЯ

Здесь, в библиотеке старого дома в Грамерси-Парке, посреди гула и суеты величайшего города планеты, нелегко было вообразить, что где-то в мире могут происходить подобные мерзости. Однако на протяжении минувшей недели мы с Конроем видели немало удивительного. Не прошло и суток с тех пор, как предо мной предстало нечто, уродливое и тяжеловесное нечто, которое неуклюже взобралось по лестнице и склонилось затем над постелью раненого старика. И старик это сказал нам, что его изуродовал Куэй – тот самый громадный идол, что на глазах у Малькольма Стюарта ожил в пещере, затерянной в горных твердых Китая.

– Рассказ Стюарта вовсе не выдумка, – сказала Дороти Кроуфорд. – По крайней мере, большая часть его соответствует истине – хотя идол изготовлен не из золота, и в глазах у него не изумруды. Но это какие-то искусно ограненные драгоценные камни.

– Довелось ли вашему деду наблюдать то, что описывал Стюарт? – спросил инспектор Конрой.

– Да. Он видел, как идол двигался, видел и многие сцены, упомянутые в рассказе Стюарта. Говоря по правде, он увидел гораздо больше, чем Стюарт, ведь он досмотрел церемонию до конца.

– В общих чертах она напоминает то, что видели мы, когда наблюдали за вами в замочную скважину, – заметил инспектор.

– Да, – упавшим голосом ответила девушка. – Я заметила сходство, особенно в том, что касается черного хлеба и... и жабы.

– По всей видимости, – сказал я, – жрецы использовали некую вариацию обедни святого Секария, которую сатанис-

ты считают одним из самых действенных своих ритуалов. В Средние века она практиковалась в Гаскони, но позднее распространилась по всему миру и сегодня, я полагаю, используется повсеместно. Детали, конечно, могут меняться и обряд часто включает элементы других ритуалов.

– Но определенные черты его остаются неизменными? – спросил Конрой.

– Да. Жрец, отправляющий службу, всегда использует черный хлеб и непременно рисует на земле знак Креста левой ногой, а иногда изображает крест перевернутым. Мисс Кроуфорд как раз служила обедню святого Секария, когда мы оказались у нее в квартире; мы прервали службу, и она не успела произнести имя человека, которому Дьявол должен был причинить ужасные страдания. Сатанисты верят, что поименованному таким образом человеку ничто не может помочь. Он будет постепенно чахнуть и затем умрет, причем все это время будет так слаб и подавлен, что не сможет противиться козням земных приверженцев дьявола.

Дороти Кроуфорд вздрогнула.

– И я одна из них, – сказала она. – Я вынуждена подчиняться приказаниям Сильвио!

Она дрожала, и инспектор Конрой успокаивающе потрепал ее по плечу.

– Продолжайте ваш рассказ о Куэе, – сказал он. – Расскажите нам, каким образом ваш дед похитил идола.

Инспектор бросил взгляд на изваяние.

– Быть может, нам лучше перейти в другую комнату, – предложил он. – Эта... этот...

– Сейчас он не может нас услышать, – сказала девушка. – Дед, основываясь на своих исследованиях, считал, что идол способен оживать только в полночь.

– Час зла! – заметил Конрой.

– Да, – сказала девушка. – Вы ведь заметили, что Сильвио может завладеть мною только в этот час.

Помолчав, девушка продолжала свой рассказ:

«Дед мой, как вам известно, был страстным коллекционером. Он был, вероятно, крупнейшим в мире собирателем языческих идолов. Идолов он разыскивал по всему миру и

не раз рисковал жизнью, чтобы привезти домой свои сокровища.

Много лет назад, у букиниста на Четвертой авеню, он натолкнулся на книгу о приключениях Малькольма Стюарта. Она его очень заинтересовала, так как во время путешествий по Китаю до него доходили слухи о громадном изображении дьявола, которому поклонялись жители некоей деревни в одной из внутренних провинций; но толком он ничего не сумел разузнать. Книга стала для него подарком свыше: он узнал, где нужно искать и получил, как он считал, доказательство того, что идол и в самом деле существует. Что еще нужно заядлому коллекционеру?

Дед счел, что подобный идол увенчает дело всей его жизни, станет жемчужиной коллекции и сделает его собрание, вне всякий сомнений, лучшим в мире. Только коллекционер способен понять, какую гордость и радость это доставило бы деду. Он немедленно начал строить планы экспедиции в Китай на поиски идола, и через некоторое время был уже в Гонконге, где занялся подготовкой к путешествию.

В Гонконге он, по счастью, познакомился с китайцем, который родился и вырос неподалеку от деревни дьяволопоклонников, но позднее поселился на побережье. Этот человек подтвердил рассказ Малькольма Стюарта и добавил к нему некоторые подробности, заставившие деда еще сильнее мечтать об идоле. Китаец рассказал, что идол с незапамятных времен правит деревней; и действительно, когда идол был привезен сюда и подвергнут всестороннему изучению, дед пришел к выводу, что он на много веков старше любого китайского бронзового изваяния. Но ни он, ни другие эксперты, с которыми он советовался, не смогли определить возраст статуи; сошлись на том, что она очень древняя.

Дед также узнал от китайца, что способностью оживлять идола, по легенде, обладает только одно семейство жрецов, и что старший сын наследует таинственную силу, когда умирает его отец – и так далее на протяжении веков. Другие жрецы не наделены этой силой. История идола за-

ключается в том, что в глубокой древности люди, устав бесплодно молиться богам о дожде, выбросили старых идолов и создали образ Нечистого, которому и начали поклоняться. Согласно древним поверьям, добавил китаец, жрецы начинали ритуал оживления идола исключительно в полночь, но как долго изваяние могло оставаться живым, китаец не знал.

После нескольких месяцев путешествия по внутренним областям Китая мой дед наконец достиг местности, соответствовавшей описаниям Малькольма Стюарта. Как и его предшественник, дед однажды вечером разбил лагерь и отправился на поиски пещеры. Он нашел ее в конце ущелья, пробрался по галерее и услышал за каменной плитой многоголосое пение; в трещинах мелькали отблески факелов. Подобно Стюарту, он отодвинул небольшой камень и стал смотреть.

В отличие от Стюарта, дед досмотрел ужасную церемонию до конца. На следующую ночь он вернулся на то же место, был там и в другие ночи, и всякий раз видел жуткие ритуалы, хотя человеческие жертвы были принесены только в первую ночь. Однако идол неизменно оживал, колотил рукой о колено и раскачивал головой. Видел дед и жреца, наделенного даром оживлять идола: вначале тот возлежал у алтаря, а после церемонии, когда все уходило, как правило бывал так утомлен, что оставался в пещере один, распростертый в полубессознательном состоянии на своем ложе.

Однажды ночью мой дед и трое других американцев, участвовавших в экспедиции – китаец даже приближаться боялся к тому месту, считая его проклятым – отправились в пещеру. Они дождались конца церемонии и затем, когда все затихло и в пещере остались только идол и жрец, лежавший у алтаря, расширили трещину в каменной плите и спустились в храм по веревочной лестнице. Жрец лежал в полном оцепенении, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Достав шприц, дед ввел жрецу дозу морфия, которая определенно отправила бы в могилу обычного человека; дед рассудил, что если жрец и не умрет, то по меньшей

мере проспит несколько часов и, вероятно, после долго будет болеть.

Затем дед и его помощники с большим трудом, цепляясь за веревочную лестницу, извлекли из пещеры громадного идола, протащили его по скальной галерее и поспешили в лагерь. Там они погрузили изваяние на осла и, двигаясь быстрыми переходами, направились к побережью, куда в конце концов благополучно прибыли.

После этого идол очутился в трюме парохода, идущего в Соединенные Штаты; дед привез его сюда и установил там, где вы и можете его видеть».

Девушка повернулась и долго в молчании смотрела на бронзовое изваяние, которое принесло ей столько горестей. Идол восседал на пьедестале, и жизни в нем было ничуть не больше, чем в обломке камня. Казалось невероятным, что статуя способна двигаться, но я не сомневался, что Джером Дигер поведал внучке совершеннейшую правду, как не сомневался и в том, что видел своими глазами. Да, я видел нечто... и это был ОН...

– Лучше было бы вашему деду, – произнес наконец Конрой, – убить жреца.

– Да, так было бы лучше, – отозвалась девушка. – Тогда нам не пришлось бы столкнуться с этими ужасами. Сильвио, я думаю, потомок жреца – возможно, его сын. А может, он и был тем самым жрецом.

Инспектор удивленно покачал головой. Мы подошли поближе к идолу и долго рассматривали изваяние. Я заметил на туловище идола несколько отметин, которые, как мне показалось, выделялись своим блеском на фоне золотистой поверхности статуи. Выглядело так, словно кто-то тщательно отполировал эти участки. Я поделился своим наблюдением с инспектором Конроем и Дороти Кроуфорд.

– Похоже на небольшие вмятины, – сказала девушка.

Конрой наклонился ближе.

– Джерри! – вскричал он. – Это следы твоих пуль!

– Вы стреляли в идола? – спросила Дороти Кроуфорд.

– Прошлой ночью в спальне вашего деда я стрелял во что-то, когда оно... пришло его убивать.

– Так вот что это за отметины! – воскликнула девушка. – Поглядите! Одна, вторая, третья – всего их семь!

– Семь пуль! – ахнул я. – И они ничуть не повредили этому чудовищу, точно пульки из духового ружья!

Пораженные, мы уставились на изваяние. Внезапно Конрой нагнулся и стал рассматривать правую руку идола, покоившуюся на громадном колене, руку, которая минувшей ночью взметнулась в воздух и нанесла мне сокрушительный удар – руку, что сминала детские тела там, в пещере, в далеких горах Китая.

На тыльной стороне руки инспектор обнаружил еле заметную царапину.

– Мистер Дигер пытался что-то ухватить, когда на него напали, – пояснил инспектор, – и сломал ногти.

– Этим, должно быть, и объясняется царапина, – сказала девушка. – Дед схватил идола за руку!

– Как же нам бороться с ним? – обратился к ней Конрой. – Что нам предпринять?

– Дед говорил, – сказала девушка, – что любое известное нам оружие бессильно против идола.

– Но как мы можем его уничтожить? – вскричал Конрой. – Может, бросить его в плавильную печь?

– Огонь не уничтожит разумную сущность, которая оживает статую, – возразила Дороти Кроуфорд. – Я считаю, что этой сущностью является Сильвио.

– Мертвец! – с горечью воскликнул Конрой. – Мертвец, восставший из могилы, чтобы убивать?

– Он наш истинный враг, – сказала Дороти Кроуфорд. – Он враг всего рода людского. Кто знает, на что он способен...

– Кое-что мы уже видели, – сказал инспектор. – Однако, если мы уничтожим идола, это орудие его разума...

– Поможет только на время, Томми, – сказал я. – Он может вернуться в еще более ужасном облики.

Мы чувствовали себя бесконечно слабыми и беспомощными. Бессильно волоча ноги, мы вернулись мы к столу и уселись на свои места. Оставалось только ждать.

Пока девушка рассказывала нам историю идола, Хендрикс, дворецкий – человек Востока, несмотря на долгие годы, проведенные вдали от родины и приучившие его к цивилизации и обычаям Запада – проскользнул в комнату и устроился на стуле у двери. Я не обращал на него внимания, но теперь заметил, что Конрой смотрит на дворецкого с искоркой любопытства в глазах. Хендрикс явно испытывал панический страх: его руки вцепились в сиденье стула с такой силой, что суставы побелели и проступили сквозь кожу цвета слоновой кости, лицо подергивалось. Он неотрывно глядел на изваяние Куэя, и его глаза буквально вылезали из орбит, а голос звучал сильным карканьем.

– Это... это... я... я...

Он глотал слова и издавал нечленораздельные звуки.

– Хендрикс! – резко воскликнул инспектор, и дворецкий выпрямился, услышав повелительный голос.

– Что известно вам об этом идоле? – угрожающим тоном продолжал инспектор.

– Ничего, ничего, сэр, – пробормотал дворецкий. – Я... я услышал рассказ мисс Кроуфорд и...

– Вам приходилось видеть идола раньше? До того, как мистер Дигер привез его сюда?

– Нет, сэр, – ответил Хендрикс. – Но я слышал о нем. Я с детства слышал о нем.

– Где? – спросил инспектор.

– В Индии. Мне рассказывали о нем в Индии.

Дворецкий понизил голос и зашептал, словно боясь, что его услышат.

– Это дьявол Фей-Линя. Он убивает! Я слышал об этом. Он всегда убивает!

Конрой пересек комнату и схватил Хендрикса за плечи.

– Что именно вы слышали? – спросил он, нависая над дворецким.

– Он убивает, – хрипло прошептал дворецкий. – Я слышал, что он способен двигаться и убивать. Не знаю, может, там была другая статуя...

Голос дворецкого перешел в пронзительный крик.

– Я боюсь его! – вопил он. – Я хочу уйти из этого дома! Я боюсь здесь оставаться! Он нас всех убьет!

– Дом вы не покинете, – строго произнес Конрой. – Ступайте к себе и оставайтесь там. Я побеседую с вами позже.

Дворецкий, шатаясь, выбежал из комнаты. Мы услышали его торопливые шаги на лестнице, затем наверху хлопнула дверь и в замке повернулся ключ.

– Он заперся в своей комнате, – сказала Дороти Кроуфорд.

– Он до смерти испуган, – заметил я.

– Может быть, – отозвался инспектор. – А может быть, и нет. Вероятно, он знает больше, чем говорит нам. Я не исключаю, что он просто-напросто хороший актер. Помните, он рассказывал, что мать у него – индуска, а отец китаец?

– Как у Сильвио, – прошептала девушка.

Глава восемнадцатая

ЖРЕЦ АДА

Я с трудом заставил себя оторваться от уродливого идола, мрачно и зловеще восседавшего в углу библиотеки. Статуя словно околдовала меня своими ужасными чарами, и хотя я только и мечтал оказаться как можно дальше от нее и выбросить идола из своей памяти, я вновь оказался перед ним, снова глядел в невидящие глаза из зеленого камня, снова витал мыслями где-то далеко. Меня вывел из задумчивости инспектор Конрой, упомянувший имя Сильвио; я вернулся к столу и услышал, как он говорит Дороти Кроуфорд:

– Мне хотелось бы уяснить для себя связь между этим идолом, Сильвио и мистером Дигером.

– Как я уже сказала, – начала девушка, – мистер Дигер был моим дедом, а Сильвио – отчимом. По возвращении из Индии мы поселились здесь, но дед не разрешил Сильвио остаться. Он выгнал его из дома. Матери и мне он сказал, что мы можем жить у него, но должны забыть о Сильвио. Он умолял нас бросить Сильвио и остаться с ним. Мать была готова это сделать, но очень боялась. Сильвио грозился убить нас всех, если она уйдет. В страхе, подчиняясь Сильвио, она выбрала жизнь с ним, а я последовала за ней, надеясь, что смогу чем-то ей помочь. Меня всегда преследовала ужасная мысль о том, что Сильвио может с нею расправиться.

– Вы виделись с мистером Дигером?

– Да. Я бывала у него, но перестала приходить, когда начал являться Сильвио. Я не была здесь с тех пор, как Сильвио... повесили.

– Почему дед ваш прогнал Сильвио? – спросил инспектор. – Как это случилось?

– Когда мы приехали, – сказала девушка, – деда не было дома. Мы ждали его здесь, в библиотеке. Завидев идола, Сильвио пал на колени и пополз на четвереньках через комнату, упираясь лбом в пол. Затем он стал оказывать идолу почести. Нам он прокричал, что это его Господин, Куэй, Прародитель демонов!

«Это Господин ада!» – кричал он.

Он пресмыкался перед идолом и как раз стоял на четвереньках, поклоняясь ужасному изваянию, когда в комнату вошел мой дед. Сильвио вскочил на ноги и начал проклинать деда. Он кричал, что деда ждет страшная месть за кражу идола.

«Ты умрешь ужасающей смертью! – вопил Сильвио. – Тебя убьет сам Куэй, Господин ада, Прародитель демонов!»

Последовала ужасная сцена, и дед велел Сильвио покинуть дом. Насколько мне известно, больше он здесь не появлялся, пока...

– Пока не пришел в облинии Куэя, чтобы убить мистера Дигера, – сказал Конрой.

– Да, – сказала девушка. – Он убил, как убивал всегда и как веками убивал Куэй. В то время я еще не знала историю идола, хотя видела его и раньше, в том же углу. Это было в детстве, до нашего отъезда в Индию. Спустя некоторое время, когда я пришла к деду, он показал мне книгу и рассказал о Малькольме Стюарте и о том, как похитил идола.

– Что он намеревался с ним сделать? – спросил Конрой. – Ведь статуя, должно быть, имеет громадную музейную ценность.

– Дед сказал, что когда-нибудь идол его убьет, – сказала Дороти Кроуфорд. – Однако он надеялся прежде найти способ избавить мир от разума, оживляющего статую. Он говорил, что самого идола уничтожить бесполезно; это всего лишь оружие. Его помощники в Китае пытались выяснить, имелись ли потомки у одурманенного им жреца, главы деревни Куэй-Шень – и найти их, если возможно.

– Что говорил вам об идоле Сильвио? – спросил инспектор.

– Очень небольшое. Он сказал матери и мне, что это его господин, и что сам он – жрец культа приверженцев Куэя. Он изрыгал проклятия и ужасные богохульства. «Я жрец ада! – кричал он. – Все мои враги умрут ужасной смертью!»

– Теперь понятно, почему в Индии Сильвио время от времени исчезал, – заметил Конрой. – Очевидно, он отправлялся в горы Фей-Линь, в ту самую пещеру, где мистер Дигер нашел идола. И в этой же пещере мистер Дигер и Малькольм Стюарт видели, как идол двигался.

– Я в этом уверена, – сказала Дороти Кроуфорд. – Некоторые из нечестивых обрядов Сильвио, которые он заставлял нас с матерью наблюдать, походили на ритуал, описанный Малькольмом Стюартом. Правда, я не могу точно сказать, какими стали их обряды после того, как дед похитил идола.

– От одной мысли о том, что подобная злая сила свободно блуждает по миру, а мы ничем не можем ее остановить, бросает в дрожь, – сказал инспектор. – Все наши познания, все наше оружие бесполезны.

– Мы можем уничтожить идола, – сказала Дороти Кроуфорд, – но это не уничтожит Сильвио.

– Как же уничтожить Сильвио? – вскричал инспектор. – Он мертв!

– Но уничтожить мы должны именно Сильвио, – сказала девушка. – Мы должны покончить с его владычеством и изгнать его из этого мира. И если другого способа нет, вам придется... вам придется убить меня.

Конрой наклонился и потрепал ее по руке.

– Вы смелая девушка, – сказал он, – но вы не должны думать о таких вещах.

– Я готова на это, – проговорила она. – Лучше убить меня, чем позволить Сильвио властвовать на земле! Лучше смерть, чем служить его орудием!

– Возможно, ничего подобного не понадобится, – сказал я и наклонился над столом, собираясь поделиться с инспектором и девушкой своим замыслом.

– У меня есть план... – начал я, но Конрой в нетерпении прервал меня.

– В чем он заключается? – воскликнул он. – Говори!

– План опасен, – сказал я, – и может провалиться. Тогда нас ждут ужасные вещи.

– Что ж, мы все поставим на карту, – сказал инспектор. – И каков же твой план?

– С тобой я поделиться готов, – сказал я, – но не с мисс Кроуфорд.

Девушка вздрогнула, как от боли, и я поспешно сказал:

– Не подумайте, что я вам не доверяю. Однако нам известно, что дух Сильвио способен полностью подчинить вас себе. Если я расскажу вам, что мы задумали, он несомненно об этом узнает. Я не исключаю, что он может читать мои мысли и читает их прямо сейчас, но будем исходить из того, что это ему не под силу.

– Понимаю, – сказала девушка. – Вы правы. Я подожду вас внизу.

Когда она вышла, я наклонился к Конрою и понизил голос. В комнате ощущалось присутствие Сильвио, и это страшило меня. Я зашептал:

– Весь план целиком и полностью зависит от состояния одной из моих пациенток – женщины с ранами на руках и ногах.

– Той женщины-стигматика? – спросил Конрой.

– Да.

Инспектор помолчал.

– Кажется, я начинаю понимать, – наконец проговорил он. – Ты прав, Джерри. План опасен. Но попробовать мы обязаны. Когда?

– Нынче ночью, – сказал я. – Как ты думаешь, кто может стать следующей жертвой Сильвио?

Инспектор надолго задумался.

– Полагаю, маршал Соединенных Штатов, – сказал он, – тот человек, что привел люк виселицы в действие. Судья, который вел процесс, уже мертв; Сильвио убил и государственного прокурора, готовившего обвинение. Я бы предположил, что следующим должен стать человек, исполнивший приговор.

– Маршал Портер, – сказал я. – Думаю, ты прав. Хорошо, Томми, вот как мы поступим. Ты отвезешь мисс Кроуфорд домой и приставишь к ней для охраны детективов. А я тем временем поеду в больницу, проверю состояние пациентки и сделаю необходимые приготовления.

– И что же дальше?

– Тебе нужно увидеться с маршалом Портером. Ночью он ни в коем случае не должен находиться дома. Уйти ему следует по возможности незаметно. И пусть отошлет всех слуг. Мы вправе рисковать своей жизнью, но не жизнью других. Ты можешь рассказать маршалу любую историю, лишь бы он не стал упираться.

– Хорошо, – сказал инспектор. – Это я сделаю. И что потом?

– К одиннадцати часам привези в дом маршала Дороти Кроуфорд и какого-нибудь детектива, в чьей храбрости ты не сомневаешься. К этому часу я приеду туда со своей пациенткой.

С этим мы и покинули старый дом в Грамерси-Парке. Выбора у нас не оставалось. План был составлен. Нас ждала победа или поражение. В случае нашего успеха Сильвио и воплощенное в нем зло, как мы надеялись, будут навсегда изгнаны из мира; о провале не хотелось и думать – одному Богу известно, как можно будет тогда справиться с Сильвио. Он обладал непостижимой, устрашающей силой; и мы, в своем ничтожестве, могли только противопоставить ей такую же непостижимую силу. Но никто не в силах был предсказать, каков будет исход.

Глава девятнадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ СИЛЬВИО

Я приехал в дом маршала Портера вскоре после одиннадцати; инспектор Конрой уже ждал меня.

– Ты привез Дороти Кроуфорд? – спросил я.

– Она придет с детективом Мерфи, – ответил инспектор. – Маршала пришлось долго уламывать, но наконец он согласился. Дом в нашем распоряжении.

Больную привезли в карете скорой помощи; мы с Конроем внесли ее на носилках в дом и поместили в комнате, выходившей в библиотеку, большое помещение с длинным столом, уютными креслами и книжными шкапами по стенам. Мы устроили больную со всеми возможными удобствами. Затем я достал маленькую карманную пилу и проделал в двери отверстие размером с серебряный доллар, которое позволяло находившемуся в соседней комнате видеть все, что происходит в библиотеке.

Завершив эти приготовления, мы стали ждать Дороти Кроуфорд и детектива Мерфи. Вскоре прозвенел дверной звонок, и инспектор Конрой спустился вниз. Я услышал голоса и шаги на лестнице, и через минуту в комнату вошли Конрой, Дороти Кроуфорд и детектив. Девушка была очень взволнована, но в остальном вела себя совершенно обычно, и я с облегчением увидел, что Сильвио еще не успел подчинить ее своей воле.

Девушка сняла шляпку и пальто, бросила их на кресло и повернулась, чтобы поздороваться со мной. В этот миг она заметила женщину, лежавшую на носилках. Она замерла. Сомнение, отразившееся на ее лице, постепенно уступило место несказанному удивлению и радости. Она простерла к женщине руки в чудесном жесте надежды и любви.

– Мама! – вскричала она. – Мама!

Она бросилась к женщине, но та лишь равнодушно смотрела на нее, ничем не показывая, что узнала дочь.

– Ты меня не узнаешь? – воскликнула девушка. – О, мама! Как ты здесь оказалась?

Она протянула руку и хотела было погладить несчастную по забинтованной голове, но женщина на носилках застонала и отшатнулась. Глаза ее были наполнены таким страданием и ужасом, что все мое тело похолодело, а сердце будто сжала ледяная рука. И тогда с губ женщины сорвались первые слова, которые я от нее услышал.

– Нечистая! – воскликнула она. – Нечистая!

Дороти Кроуфорд согнулась, словно от удара ножа, закрыла лицо руками и горько разрыдалась.

– Господи Боже! – простонала она. – Помогите мне и даруйте мне покой!

Она пошатнулась и я кинулся к ней, намереваясь подхватить ее на руки, но не успел: девушка в обмороке упала на пол. Почти тотчас же она приподнялась на локте и мы вновь стали свидетелями ужасной метаморфозы. Мы увидели, как глаза ее приобрели зеленый оттенок и в них появились красные точки, которым предстояло увеличиться и превратиться в багровые прожилки; увидели, как губы изменили форму и стали тонкими и жестокими, а зубы, которые она обнажила в злобной и жуткой улыбке, обратились в длинные, острые, ужасающие клыки. Она пыталась подняться, но я, не позволив себе и секунды промедления, подскочил к ней и сжал девушку прочной хваткой, одновременно прижимая ее руки к бокам.

– Наденьте на нее наручники! – закричал я. – Быстрее!

Конрой защелкнул стальные браслеты на запястьях девушки и бесцеремонно толкнул ее в кресло. Затем мы связали ее шнуром, который детектив Мерфи оторвал от портьеры. Завязывая последний узел, я услышал, как Конрой ахнул. Я обернулся и увидел, что больная привстала на носилках и вытянула обе руки, словно отгоняя невидимую опасность; раны открылись и с белых повязок на ее голове и руках стекала яркая, красная кровь. Ее глаза, горящие страшным огнем, были прикованы к лицу дочери, корчив-

шейся и извивавшейся в кресле; теперь женщина взмахивала руками и раскачивалась из стороны в сторону.

Мы понимали, что она вступила в смертельную схватку с чем-то ужасным, ставшим между нею и дочерью, и я был готов на все, чтобы ей помочь. Я склонился над Дороти Кроуфорд и призвал на помощь все силы своего сознания, надеясь погрузить девушку в гипнотический сон, прежде чем она очнется и ужасная метаморфоза будет завершена. Я дрожал от напряжения и в конце концов заметил первые признаки успеха. Дыхание девушки стало более ровным и спокойным; теперь она не так сильно билась в кресле, и зеленая пелена начала таять в ее глазах. Наконец ее губы вновь приняли знакомые изящные очертания и она мирно забылась сном.

Затем я повернулся к больной, лежавшей на носилках. Она вернулась в прежнее состояние, не шевелилась и не издавала ни звука. На повязках, закрывавших ее лоб и руки, не было заметно ни капли крови, хотя я только что своими глазами видел, как кровь сочилась из ее ран.

– Мы выиграли первую схватку, – сказал я. – Бог знает, победим ли мы в следующей!

– Надежда еще не потеряна, – сказал Конрой. – Мы заставили его отступить; быть может, нам удастся сделать это снова.

Детектив Мерфи вцепился в рукав Конроя. Его глаза были расширены от удивления и ужаса.

– Что все это значит? – хрипло воскликнул он. – Господи, инспектор! Никогда не видал таких страхов!

– Сейчас нет времени объяснять, – ответил инспектор. – Нам предстоит работа.

– Девушку лучше оставить связанной, – сказал я, – а также вставить ей в рот кляп. Она ничем не сумеет нам помочь, и лучше не предоставлять Сильвио шанс воспользоваться ею.

На этом наши приготовления почти завершились. Оставалось только перенести больную. Носилки мы расположили так, что сквозь открытую дверь женщина могла видеть происходящее в библиотеке. Все было готово к последней,

как мы наделись, встрече с Сильвио и подчинявшимися ему зловещими силами.

– Каков будет сигнал? – спросил инспектор.

– Никакого сигнала, – ответил я. – Вряд ли я успею его подать. Начинай действовать, как только увидишь, что мне грозит опасность.

С этими словами я направился в библиотеку и уселся в большое кресло, стоявшее у длинного стола. Я должен был играть роль маршала Портера. Мы не могли знать, сумеет ли Сильвио распознать обман; мы надеялись, что сумеем ввести его в заблуждение, тем более что мы с маршалом были одинакового роста и в полутемной комнате нетрудно было принять одного из нас за другого. Вдобавок, мы считали, что ярость Сильвио, стоит ему появиться, обратится на любого, кто окажется в библиотеке.

Инспектор Конрой и детектив Мерфи сдвинули мебель, освободив проход в библиотеку из комнаты, где прятались; затем они потушили все лампы, кроме настольной лампы для чтения, отбрасывавшей тусклый свет на страницы книги, которую я для большей убедительности держал на коленях. Они скрылись в соседней комнате, и прорезанное мною в двери отверстие осветилось, но тут же потемнело, когда Конрой приложил к нему глаз.

Потянулись самые ужасные пятнадцать минут в моей жизни, и на протяжении этих пятнадцати минут не происходило ровно ничего. Дом был пуст, не считая троих мужчин и двух женщин, одна из которых была беспомощна и лежала на носилках, а другая, связанная, с закованными в наручники запястьями и кляпом во рту, спала в кресле. Долгое время тишину нарушало лишь мерное далекое тиканье часов где-то на нашем этаже; едва слышное в обычной обстановке, оно пронизывало теперь двери и стены и обрушивалось на меня оглушительным водопадом звука.

Тик! Тик! Тик!

Постоянно, снова и снова. Часы, казалось, тикали сперва неровно, с долгими промежутками, затем тиканье приобрело отчетливый ритм, точно зазвучала погребальная песнь; мне представился гроб, подпрыгивающий на орудийном

лафете, и длинные ряды солдат, марширующих за ним полухагом, медленно и торжественно. Ужасные видения замелькали перед моими глазами. Я снова переживал ужасы войны, снова видел фантомы безумия, что являлись нам в долгие часы ожидания смерти. Тиканье часов превратилось в разрывы снарядов, в звук, с каким медленно, одна за одной, падали капли крови из оторванной ноги солдата, заброшенной взрывом на ветви одинокого дерева над моим окопом.

Я чуть не вскрикнул, таким невыносимым стало ожидание и ровное тиканье часов. С усилием я взял себя в руки и перевел взгляд на страницу. И вдруг я почувствовал в комнате что-то присутствие!

Глава двадцатая

ВО ТЬМЕ

То было едва ощутимое присутствие, но присутствие холодное и пугающее. Оно было повсюду, то в одном углу, то в другом. Я чувствовал, как оно стущается над головой и окружает меня; ко мне словно прикасалась когтистая лапа невидимого чудовища – невидимого, поскольку комната оставалась пуста.

И в этой комнате, раньше пахнувшей только книгами и привычными запахами ухоженного дома, я вскоре ощутил новый запах. Вначале он пришел легким веянием, и мне показалось даже, что запах этот был плодом моего воображения. Но постепенно он усилился, и внезапно я узнал его: запах затхлый и мускусный, гнетущий, но не отталкивающий. Он скорее влек к себе, навевая порочные и нечестивые мысли. То был запах, который мы с инспектором Конроем почувствовали в доме государственного прокурора, тот запах, что предшествовал явлению монстра у постели старика Дигера.

Я попытался было крикнуть Конрою, что опасность близка. Но заговорить я не смог; язык бессильно ворочался во рту, с губ не слетало ни звука. Затем я попытался встать, но меня будто приковал к месту невидимый и удушающий груз. Я подумал, что нужно двинуть рукой, подать какой-то знак, который привлек бы внимание инспектора – но не смог пошевелить ни рукой, ни ногой. Ни один мускул не повиновался мне. Я сидел неподвижно, словно в параличе; все мои чувства были напряжены до предела, но я оставался беспомощен, как грудной младенец.

Затем свет настольной лампы сделался тусклее и через несколько мгновений лампа погасла.

Библиотека погрузилась во тьму!

Это была необычайная тьма, непроницаемая чернота, и в ней извивались и скользили чернильно-черные тени. Я видел лишь их; стояла полная тишина, но я знал, что в комнате помимо меня есть что-то еще. Оно было повсюду, и везде царил отвратительный запах, запах могилы, и был он так неописуемо зловещ и тягостен, что я содрогался от ужаса и страха.

Внезапно в дальнем углу комнаты возникло тусклое сияние, и затем из стены, откуда-то из под панелей в комнату проник узкий луч желтого, грязно-сернистого цвета; луч дрожал и мерцал, но все скользил вперед, пока не обежал библиотеку кругом. Он был не более двух дюймов в ширину, однако сиял невыносимо и ослепительно, не отбрасывая по сторонам отсвета. Затем появился еще один, и еще, и вот уже больше дюжины лучей свились в желтые полосы, которые плясали и играли в темноте и, казалось, выпускали облака так испугавшего меня запаха. В полосах света резвились сотни отвратительных жаб.

Я хотел закричать от ужаса и в то же время сознавал, что язык не слушается меня. Горло пересохло, губы было не разомкнуть. В соседней комнате раздался вздох ужаса, и в моем сердце зародилась надежда: я понял, что инспектор заметил световые полосы и знал теперь, что враг наш пришел. Оставалось молиться, чтобы Конрой не опоздал.

Минуты две световые полосы плясали по комнате, превращая мебель и ряды книг в пугающие рельефы. Затем в черных провалах между полосами света начали появляться большие красные точки, ужасающие сгустки свежей крови, которые омерзительно поблескивали и роняли меньшие капли в голодные рты изжелта-зеленых полос. Первый сгусток, яркий и сверкающий, как громадный кроваво-красный рубин, надолго завис в темноте; капля за каплей срывались с него, растворяясь в желтом свете, но кровавое пятно все не уменьшалось в размерах. Затем явились другие, и вскоре вся комната заполнилась ими – они висели, покачиваясь, и их сияние ослепляло меня, но не рассеивало тьму в провалах меж ними.

Я был охвачен леденящим страхом, но мог только ждать, будучи не в силах закричать или пошевелиться. В комнате вдруг раздался новый звук, тихий шелест, с каким змея ползет по сухим листьям. Затем что-то появилось на дальнем конце стола; казалось, это что-то поднялось с пола и скользнуло на полированную поверхность красного дерева. Сперва оно было длиной дюймов в шесть, но все тянулось и тянулось; и тогда я понял, что это веревка, багровая веревка, которая ползла по столу, извиваясь подобно змее и разбрасывая капли крови. Она приближалась, и я знал, что это ужасное орудие казни вот-вот затянется на моей шее, если только не произойдет чудо.

Веревка, извиваясь, скользнула ближе, царапая твердое дерево, и скрежещущий звук впился в меня, разрывая напряженные нервы. Теперь она вся была на столе, и на конце ее показалась петля, роившаяся кровавыми сгустками. Пока веревка подбиралась ко мне по столу, капли крови в темноте засияли ярче, световые полосы засверкали зловецким блеском и комнату, смешиваясь с ужасным запахом, заполнил тонкий свистящий звук, подобный вздоху навеки потерянной души, корчащейся в адских муках.

Кровь застыла от ужаса у меня в жилах, когда жуткая веревка скользнула по моей руке и замерла над головой. И после она скользнула вниз, медленным и мягким, почти ласковым движением. Она прошла по голове, свивая и ослабляя свое кольцо, и медленно спустилась к горлу. Свистящий звук стал громче, сгустки крови засияли, как маленькие огненные шары, и в следующий миг я почувствовал, как меня что-то тащит за шею из кресла. Я был не в силах сопротивляться. Я попытался закричать. И вновь язык едва шевельнулся во рту. Схватился за подлокотники кресла. Руки не слушались.

Мое тело медленно вздымалось в воздух, и я знал, что через несколько секунд оно безжизненно повиснет в багровой петле, как висело недавно, раскачиваясь под свист ветра, тело генерального прокурора.

Сознание начало угасать, когда дверь в соседнюю комнату распахнулась и в библиотеку хлынул яркий электричес-

кий свет. Я услышал тяжелое дыхание инспектора Конроя и детектива Мерфи, ворвавшихся в библиотеку; затем я увидел, как они размахивают руками и наносят удары, словно в пылу сражения. И они действительно сражались, они боролись за свою жизнь, потому что сгустки крови ринулись на них багровыми молниями и с ужасной силой били их теперь по лицу и по всему телу. Но они, втянув головы в плечи и отшвыривая сгустки руками, пробивались вперед, как сквозь град и грозу, и секунду спустя Конрой оказался рядом и схватил ужасную веревку.

С невероятной силой он потянул вниз багровую змею, не обращая внимания на яростно хлеставшие его кровавые капли, и ослабил петлю, позволив мне вдохнуть благословенный воздух; вложив все силы в еще один рывок, инспектор дернул вниз натянутую веревку и усадил меня в кресло. И затем, с помощью детектива Мерфи, инспектор набросился на узел, растягивая и ослабляя петлю, пока не сбросил ее с моей шеи. Я ощутил неимоверное облегчение, но двигаться все еще не мог. Положив руки на подлокотники, я застыл в кресле, точно гранитная статуя, не в силах помочь Конрою и детективу.

Стоило петле соскользнуть с моей шеи, как свистящий ветер сменился яростным гулом урагана и кровавые капли стали хлестать инспектора и Мерфи с такой силой, что им пришлось закрыть головы руками. Вербка, описав над ними багровую дугу, внезапно ринулась на них. Скользнув над головой Мерфи, она обмоталась вокруг шеи детектива; и не успел инспектор прийти к нему на помощь, как окровавленная веревка вздернула несчастного в воздух и швырнула через всю комнату. Мы услышали, как его шейные позвонки лопнули от страшного броска; затем петля освободила шею детектива и он безжизненной грудой рухнул на пол.

Вербка бросилась теперь на Конроя, раскачиваясь взад и вперед, как огромная багровая змея; и кровавые капли, слившись единым строем, пали на него, пытаясь уничтожить. Долгое время он бился молча, напрягая все свои си-

лы; сгустки крови хлестали его по лицу, веревка свивалась и распрямлялась, стараясь добраться до горла.

И тогда – тогда я увидел, как женщина, что оставалась единственной нашей надеждой, встала с больничных носилок. Она сорвала повязки с рук, ног и головы и на мгновение замерла, воздев руки к небесам. Затем она направилась к Дороти Кроуфорд; одна из желтых полос, мелькнув в дверном проеме, тотчас оказалась в комнате и окутала девушку зловещим сиянием. Но женщина отбросила свет рукой, словно плотную массу; я увидел, как она наклонилась, развязала веревку на ногах Дороти Кроуфорд и помогла той встать. Она поцеловала девушку в лоб и сорвала с ее плеча платье, обнажив знак дьявола, страшный абрис омерзительной склизкой жабы. Дороти Кроуфорд содрогнулась от страха, когда символ ее порабощения внезапно предстал перед нашими глазами, однако женщина нежно провела ладонью по знаку. Я был потрясен, увидев, как изображение нечестивой рептилии поблекло, сжалось и исчезло; на плече девушки не осталось никаких шрамов! По лицу ее разлилось выражение покоя и счастья, какое я никогда не видел у смертных – и я, беспомощный, окруженный ужасами, понял тогда, что все мои труды достойно вознаграждены.

Девушка, чьи руки все еще были скованы, последовала за женщиной; а та медленно вошла в библиотеку, где мы не прекращали сражаться с ужасающими силами зла. Стигматы, скрытые прежде бинтами, сияли розоватым светом; и миг спустя женщину с головы до ног окутало чудесное, нежное, благотворное сияние цвета прекраснейшей розы. Из середины этого сияния излился небесный аромат, чьи чудотворные флюиды вытеснили отвратный запах, принесенный Сильвио. Она шла все вперед, глаза ее горели огнем, а простертые руки рисовали в воздухе знак истинного Креста. Губы женщины двигались, и я слышал латинское песнопение. Сгустки крови ринулись на нее, но исчезли в ранах на руках и на лбу, и полосы желтого света растаяли в розовом сиянии, укрывшем ее непроницаемым плащом.

Она вошла, не глядя по сторонам, и все знаки зла отступили перед ней. Свистящие порывы ветра понемногу утихли, затхлый мускусный запах развеялся, а веревка, с которой так яростно боролся Конрой, постепенно утрачивая багровое свечение, приобрела цвет пеньки; лишенная мощи и силы, она внезапно исчезла. Теперь в комнате не слышно было ни звука, помимо тяжелого дыхания инспектора Конроя; не видно было ни огонька, и только нежное сияние, окружавшее тело женщины, и луч света от электрической лампочки в соседней комнате чуть рассеивали мрак. Все кровавые сгустки исчезли.

И тогда, в полной темноте и тишине, когда я начал уже вновь различать далекое тиканье часов, женщина упала на пол. Мерцающее розовое сияние на миг задержалось над нею, словно благословляя. Затем и оно исчезло.

Все мы на мгновение застыли, потом послышались шаги инспектора Конроя. Он повернул электрический выключатель, и комнату залил яркий свет. Ничто в ней не говорило о недавнем сражении – лишь тело детектива и недвижная фигура женщины на полу. Рядом с нею стояла Дороти Кроуфорд, обретшая наконец счастье и покой.

Я подошел ближе и наклонился над женщиной. Она была мертва, но ее глаза и лицо излучали совершенное счастье и радость. На ее лбу, на руках и ногах не было ни следа ран!

Кожа была гладкой, как у младенца!

Глава двадцать первая

КОНЕЦ КУЭЯ

Позже мы узнали, что случилось в ту ночь в старом доме покойного коллекционера в Грамерси-Парке. В одиннадцать вечера детективы Болтон и Тейлор разместились за столом в библиотеке. На крыльце дежурили трое полицейских в форме, готовые в любую минуту поспешить на помощь детективам. Хендрикс, дворецкий, находился в своей комнате на третьем этаже, где ему велено было оставаться, пока его не позовут.

Идол, это зловещее средоточие зла, причинившее неислимые горести и страдания, это ужасное изваяние, что доказало нам истинность древних и странных поверий, восседал в торжественном безмолвии на пьедестале в нише у окна.

На протяжении часа ничего не происходило. Детективы, следуя указаниям инспектора Конроя, сидели лицом к идолу и, таким образом, могли заметить малейшие признаки движения.

Когда часы пробили двенадцать, свет внезапно погас!

– Кто это сделал? – шепотом спросил Болтон. – Это ты?

– Нет, – отвечал Тейлор. – Что-то сейчас произойдет. Боже мой, Болтон! Гляди!

Идол двигался.

Громадная правая рука поднялась и чуть покачивалась в воздухе, едва видимая в лунном свете, что лился через окно.

Идол вдруг опустил руку, описав в воздухе широкую дугу; когда рука изваяния с лязгом ударила о колено, двери библиотеки распахнулись и в комнату осторожно пробрался Хендрикс, дворецкий. Лицо его покрывала мертвенная бледность. Он стал медленно подбираться к идолу, и Бол-

тон вскочил на ноги, собираясь остановить слугу. Тейлор удержал Болтона за рукав.

– Погоди-ка! – зашептал он. – Посмотрим, что он будет делать!

Хендрикс медленно приближался к ужасному изваянию, которое начало вдруг издавать жалобные стоны, словно испытывало непереносимую боль и страх.

Дворецкий остановился и протянул руки к идолу.

– Брат! – проговорил он. – Брат! Я ничем не могу помочь!

Громадная рука снова поднялась и упала на колено. Детективы с ужасом смотрели, как идол у них на глазах стал уменьшаться в размерах. Огромная голова упала на грудь, руки дрожали, выбивая о металлические колени ужасную лязгающую дробь.

– Смотри! – хрипло прошептал детектив Болтон. – Он становится меньше!

Дворецкий застыл посреди комнаты, глядя на идола. Затем он пал на колени и застонал, умоляя злое изваяние сказать ему хоть слово.

– Брат! – шептал он снова и снова.

Внезапно дворецкий оказался на ногах и повернулся к детективам. В глазах его сверкала маниакальная ярость. Рука скользнула в широкий рукав, как змея, заползающая в свое логово – и вынырнула, сжимая нож, изогнутый трехгранный кинжал, похожий на *пхур-бу*, кинжал дьяволопоклонников, что был недавно запятнан человеческой кровью в этой комнате.

– Вы убиваете моего брата! – завопил он. – Сильвио – мой брат! Вы его убиваете!

Он бросился вперед, подняв нож для удара, и детектив Болтон вскочил, выпуская в него пулю за пулей из автоматического пистолета.

Хендрикс зашатался, покачнувшись и упал лицом вниз с пулей в сердце. Нож, вылетевший с последним яростным замахом из его руки, дрожа, впился в стол.

Детективы замерли, глядя на мертвеца; с лестницы доносились торопливые шаги полицейских, которые вбежали

в дом и спешили теперь наверх. Но внезапно Болтон поднял голову — и то, что он увидел, заставило его в безумном удивлении схватить Тейлора за плечи.

— Смотри! — вскричал он. — Тейлор! Господь всемогущий, ты только посмотри!

Он указал на нишу.

На пьедестале, где восседал ранее Куэй, осталась лишь кучка золотистого праха!

ОБ АВТОРЕ

Герберт Асбери родился в Фармингтоне (Миссури) в 1889 г. Он рос в чрезвычайно религиозной семье и в атмосфере крайней набожности (предки писателя насчитывали несколько поколений методистских проповедников). Уже в 14 лет Асбери восстал против душивших его семейных порядков – начал курить, выпивать, играть в карты и волочиться за девушками. Два его брата и сестра также отошли от методистской церкви.

Во время Первой мировой войны Асбери служил рядовым в американской армии, сражался во Франции, получил звание сержанта, затем младшего лейтенанта – и тяжелое отравление газами, вылившееся в хроническое заболевание легких.

Демобилизовавшись в 1919 г., Асбери начал работать в газетах; он писал для *Atlanta Georgian*, *New York Sun*, *New York Herald* и *New York Tribune*. Первый успех пришел к нему в 1926 г. с публикацией очерка «Вешалка для шляп» в журнале *American Mercury*. В нем описывалась проститутка из Фармингтона, которая водила своих клиентов-протестантов на католическое кладбище и наоборот; в поисках религиозного утешения женщина пришла в методистскую церковь, но была изгнана как «падшая» и не подлежащая исправлению.

Бостонская цензурная организация *Watch and Ward* запретила распространение журнала, после чего редактор издания Г. Менкен, при большом стечении публики (и полиции) продал экземпляр журнала секретарю организации и был немедленно арестован. На суде Менкен был оправдан, а с журнала были сняты обвинения в непристойности.

Эта скандальная история сделала Менкена и Асбери знаменитостями. Однако во второй половине 1920-х гг. Асбери, судя по

всему, колебался в выборе пути: он опубликовал две книги о методизме, написал два детективных романа об инспекторе Конрое – «Дьявол Фей-Линя» (1927) и «Тиканье часов» (1928) – и даже выступил составителем антологии ужасов «Только не ночью!» (*Not at Night!*, 1928), куда вошли, среди прочих, рассказы Г. Ф. Лавкрафта и А. Дерлета.

Книга «Банд Нью-Йорка» (1928), захватывающая документальная история криминального мира города, была тепло встречена читателями и критикой и позволила Асбери оставить журналистику. С тех пор Асбери публиковал главным образом то, что называл «неформальными историями» преступности в различных американских городах; таковы книги о Сан-Франциско («Варварский берег», 1933), Нью-Орлеане («Французский квартал», 1936) и Чикаго («Жемчужина прерий», 1940). Нравам Нью-Йорка, ставшего для него родным, писатель посвятил еще одну книгу под названием «Повсюду в городе: убийства, скандалы, бунты и бесчинства в старом Нью-Йорке» (1934). Выпустил Асбери также «неформальные истории» азартных игр и открытия первого месторождения нефти в США.

Писатель неоднократно пробовал свои силы в драматургии, но пьесы, написанные им для бродвейских театров, были неудачными; написал он и сценарии нескольких кинофильмов. Асбери был дважды женат, но детей не имел. Последняя книга писателя, «Великая иллюзия» («неформальная история» сухого закона), вышла в свет в 1950 г. Асбери скончался в 1963 г. от последствий легочного заболевания.

Хотя книги Асбери, несмотря на целый ряд неточностей и многочисленные беллетристические вольности, всегда достаточно высоко ценились любителями документально-детективного жанра, в целом он оставался автором забытым. «Второе рождение» писателя состоялось лишь в 2002 г. с выходом «Банд Нью-Йорка» М. Скорсезе, вольной и удачной экранизации произведения Асбери; в недавние годы многие книги Асбери были переизданы.

* * *

«Дьявол Фей-Линя», при всей увлекательности этой фантастическо-окультистской буффонады, впитал расистские стереотипы, характерные, к сожалению, для многих и многих детективных и фантастических произведений 1900-1930-х гг. (вспомним романы С. Ромера о зловещем Фу Манчу). Местами роман с его потусторонними сущностями, испускающими желтое сияние, и вовсе кажет-

ся выплеском подсознания человека, везде видящего пресловутую «желтую опасность». Однако, припомнив биографию Асбери, мы поймем, что зеленовато-желтые светящиеся полосы и удушающий запах, сопутствующие явлению Зла – не что иное, как воспоминания о печально знаменитом «желтом тумане» газовых атак Первой мировой; и недаром романного рассказчика, доктора Смита – ветерана, сражавшегося во Франции – преследуют видения ужасов войны. Вобрал роман и другие биографические впечатления: финал его (с аккуратно прописанными розенрейцерскими мотивами) явно навеян методистскими проповедями и наставлениями, бесчисленное множество которых писателю довелось выслушать в детстве.

Перевод романа выполнен Е. Лаврецкой по изданию 1927 г. В переводе сохранена авторская транскрипция различных наименований и понятий, как например *Хо-Нан* (Хэнань), *пхур-бу* (пхурба) или *Куэй* (гуй).

А. III.

Оглавление

Глава первая. Знак Господа	7
Глава вторая. Багровая веревка	16
Глава третья. Предупреждение	23
Глава четвертая. Сатанистка	28
Глава пятая. В библиотеке Стэнли	39
Глава шестая. История Сильвио	44
Глава седьмая. Знак дьявола	51
Глава восьмая. Дьявольские приметы	65
Глава девятая. Дом в Грамерси-Парке	71
Глава десятая. Сломанные ногти	82
Глава одиннадцатая. История дворецкого	89
Глава двенадцатая. Значение узора	95
Глава тринадцатая. Существо на лестнице	102
Глава четырнадцатая. Почерк дьявола	109
Глава пятнадцатая. История Куэя	118
Глава шестнадцатая. Пещера дьяволопоклонников	124
Глава семнадцатая. Путешествие Куэя	130

Глава восемнадцатая. Жрец ада	139
Глава девятнадцатая. Возвращение Сильвио	144
Глава двадцатая. Во тьме	149
Глава двадцать первая. Конец Куэя	155

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.